

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 20, № 2, Май 2021

Специальная тема номера:
**ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ РОССИИ**

Приглашенный редактор – О.С. Поршнева

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 20, № 2, MAY 2021

Special Theme of the Issue:
**THE MILITARY PAST
IN THE CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

Guest Editor – Olga S. Porshneva

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.05.2021. Выход в свет 31.05.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,95. Тираж 500 экз. Заказ № 191. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, St. Catharines, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Амстердам, Голландия*
(*M.Kemper@uva.nl*)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия* (*moseykina-mn@rudn.ru*)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия* (*arslanov-ra@rudn.ru*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия* (*kornoukhova-gg@rudn.ru*)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Сент-Катаринс, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

THE MILITARY PAST

IN THE CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

- Vladimir N. Zemtsov**, The Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of 1813–1814 in the Historical Memory of the Peoples of the Urals 192
- Pierre Malinowski, and Elena V. Linkova**, The Crimean War of 1853–1856 in the Memory Space of Russia and France 205
- Olga S. Porshneva**, The Politics of Russian Memory: The Great War in European Context 216
- Svetlana B. Ulyanova**, Memories from the Future: The Historical Experience of the First World War and the Civil War in Soviet Propaganda of the 1920s and 1930s 236
- Taisiya V. Rabush**, Regional Russian Books of Memory as a Form of Preservation and Transfer of Cultural-Historical Memory about the Afghanistan War of 1979–1989 247
- Sergey N. Uvarov**, Children’s Memories of the Leningrad Blockade in the Materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic 258

GENDER RESEARCHES IN HISTORICAL ANTHROPOLOGY

- Natalia A. Mitsyuk, and Anna V. Belova**, Midwifery as the first official profession of women in Russia, 18th to early 20th centuries 270
- Olga I. Sekenova**, Childhood in the Memoirs of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th and First Half of the 20th Centuries 286
- Irina V. Bogdashina**, Leisure and Recreation in the Socio-Cultural Memory of Urban Women in the 1950 and 1960s Based on Materials from Volgograd 295
- Natalia L. Pushkareva, and Tamara V. Bitokova**, The Daily Lives of Urban Women during the Khrushchev Thaw in Soviet and Post-Soviet Scholarship 305

BOOK REVIEWS

- Vardan E. Bagdasaryan, Sergey I. Resnyansky, and Anatoly A. Bakaev**, Book Review: Soldatenko V.F. V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse [In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920: Historical and Historiographic Essays]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 669 p. 321
- Irena Vladimirskey**, Book Review: Cameron, Sarah. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p. 328

INFORMATION

- Submission guidelines 332

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ

В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ РОССИИ

- Земцов В.Н.** Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. в исторической памяти народов Урала 192
- Малиновски П., Линькова Е.В.** Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции 205
- Поршнева О.С.** Политика памяти России: Первая мировая война в европейском контексте 216
- Ульянова С.Б.** Воспоминания о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг. 236
- Рабуш Т.В.** Региональные российские книги Памяти как форма сохранения и передачи культурно-исторической памяти об «афганской войне» 1979–1989 гг. 247
- Уваров С.Н.** Детские воспоминания о блокадном Ленинграде в материалах Центрального государственного архива Удмуртской Республики 258

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

- Мицюк Н.А., Белова А.В.** Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. 270
- Секенова О.И.** Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. 286
- Богдашина И.В.** Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950–1960-е гг. на материалах г. Волгограда 295
- Пушкарева Н.Л., Битокова Т.В.** Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии 305

РЕЦЕНЗИИ

- Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., Бакаев А.А.** Рецензия на книгу: Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 669 с. 321
- Владимирски И.** Рецензия на книгу: Sarah Cameron. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca – London: Cornell University Press. 2018. 277 p. 328

ИНФОРМАЦИЯ

- Правила оформления статей 332

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-192-204>

Научная статья / Research article

Отечественная война 1812 года и заграничные походы 1813–1814 гг. в исторической памяти народов Урала

В.Н. Земцов

Уральский государственный педагогический университет,
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
vladimirzemtsov@yandex.ru

Аннотация: Делается попытка выявить особенности Уральского региона в плане сохранения и актуализации памяти об эпохе 1812–1814 гг. На основе анализа различных вариантов сохранения образов эпохи (через «живую память», «материализованную память», через праздничные мероприятия и др.) автор приходит к выводу, что Уральский регион, несмотря на удаленность от театра военных действий, органично вписался в общероссийский мемориальный контекст, сохранив при этом свою специфику, во-первых, края, ориентированного на военное производство, во-вторых, выставившего значительную часть иррегулярной кавалерии, набранной из оренбургского казачества и нерусских народов. Наибольшая концентрация «элементов памяти» об эпохе наблюдается на Южном Урале, что предопределено, в значительной степени, наличием компактно проживающих нерусских народов, стремящихся подчеркнуть свою роль в событиях общероссийской и даже общемировой истории. Однако в отличие от ряда других национальных регионов Российской Федерации обращение к исторической памяти на Урале происходит в рамках «объединяющей и примиряющей» традиции. Несмотря на некоторые коммеморативные «разрывы», три эпохи (досоветская, советская и постсоветская) применительно к исторической памяти на Урале о событиях 1812–1814 гг. смотрятся достаточно органично. Образы этой великой поры продолжают выступать в качестве объединяющего фактора, сохраняя тем самым ощущение «общего прошлого» не только с общероссийской, но и общеевропейской, глобальной историей.

Ключевые слова: эпоха 1812 г., Урал, историческая память, коммеморации

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-31560 «Образ войны в коллективной памяти молодежи России и Европы: коммеморативные практики и механизмы формирования гражданской идентичности»).

Для цитирования: *Земцов В.Н.* Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. в исторической памяти народов Урала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 192–204. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-192-204>

The Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of 1813–1814 in the Historical Memory of the Peoples of the Urals

Vladimir N. Zemtsov

Ural State Pedagogical University; 26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620017, Russia,
vladimirzemtsov@yandex.ru

Abstract: The article identifies the features of the Ural region in terms of preserving and updating the memory of the epoch of 1812–1814. Based on the analysis of various options for preserving images of the epoch (through “living memory,” “materialized memory,” festive events and other

© Земцов В.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

means), the author comes to the conclusion that the Ural region, despite its remoteness from the theater of war, organically fit into the all-Russian memorial context. At the same time the memory is shaped by the region's focus on military production, and by its providing a significant part of the irregular cavalry recruited from the Orenburg Cossacks and non-Russian peoples. The latter circumstance, through images of "Northern cupids," gave the Urals an "exotic" fame abroad. Forms of preserving Urals memory of the events of 1812–1814 range from variants of "living memory," which includes elements left over from the communicative memory, to purposeful activities of central and local authorities to organize "mass events" at anniversary dates. A significant role in memory preservation is traditionally played by educational institutions, which, starting from the school level, form the "memory of childhood." The greatest concentration of "memory elements" related to the epoch is observed in the Southern Urals, which is predetermined, to a large extent, by the presence of compactly living non-Russian peoples who seek to emphasize their role in the events of all-Russian and even global history. Unlike a number of other national regions of the Russian Federation, the appeal to historical memory in the Urals takes place within the framework of a "unifying and reconciling" tradition. Despite some commemorative "gaps," the three epochs (pre-Soviet, Soviet and post-Soviet) in relation to the historical memory in the Urals about the events of 1812–1814 look quite organic. Images of this great time continue to act as a unifying factor, thus preserving the sense of a "common past" not only with the all-Russian, but also with common European and global history.

Keywords: the epoch of 1812, Urals, historical memory, commemorations

Acknowledgements and Funding: The research was supported by a grant from the Russian Foundation for basic research (Grant 20-011-31560 "The image of war in the collective memory of young people in Russia and Europe: commemorative practices and mechanisms for the formation of civil identity").

For citation: Zemtsov, Vladimir N. "The Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of 1813–1814 in the Historical Memory of the Peoples of the Urals." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 192–204. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-192-204>

Введение

Двухсотлетие Отечественной войны 1812 года явилось знаковым событием в формировании современным российским государством того, что сегодня называют политикой памяти. 2012 г. начался с указа Президента № 49 (от 19 января 2012 г.) о проведении в России Года российской истории. 20 июня того же года появилось Российское историческое общество (РИО), а 2 сентября 2012 г., присутствуя на масштабных мероприятиях на Бородинском поле, вероятно, под впечатлением той энергетики, которая исходила от реконструкторов и публики, В.В. Путин поручил министру культуры В.Р. Мединскому создать Российское военно-историческое общество (РВИО). К этому же году относится инициирование создания Историко-культурного стандарта, нацеленного на «возможность жестче контролировать преподавание истории, в том числе и так называемую региональную составляющую»¹. Тогда же родилась инициатива «Бессмертный полк» и началась работа над проектом «Россия – моя история», предполагающим создание региональной сети «исторических парков», соединяющих общегосударственный нарратив с нарративом групповым и локальным².

Полагаем, что юбилейные торжества, связанные с Отечественной войной 1812 г. и заграничными (освободительными) походами русской армии в 1813–1814 гг., стали своего рода рубежом в формировании политики памяти не случайно. Во-первых, военная тематика, в особенности для отечественной традиции, была и остается наиболее удобным полем для формирования государственного патриотизма. Во-вторых, эпоха 1812–1814 гг. традиционно, в течение почти двух столетий, была овеяна

¹ *Миллер А.И.* Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. СПб., 2020. С. 17.

² Там же. С. 22.

ореолом романтизма, в том числе для поколения постсоветских руководителей. В-третьих, движение военно-исторической реконструкции, появившееся в нашей стране в середине – конце 1980-х гг., и сориентированное в тот период на эпоху Наполеоновских войн, представлялось в первые десятилетия XXI в. наиболее «безболезненной» и удобной формой трансляции идеалов военно-исторической патриотики. В-четвертых, тема «1812 года» воспринималась как тема общероссийская, не предполагающая наличия «подводных камней» этнического, национального и религиозного характера; она, казалось, сплачивала народы России перед внешним врагом, одновременно, в силу временной удаленности, не вызывая каких-либо проблем внешнеполитического характера.

В нашей статье мы попытаемся выявить специфические черты Уральского региона в плане сохранения и актуализации памяти о событиях 1812–1814 гг., прояснить то, как эта память вписывается в общероссийский мемориальный контекст. Под Уральским регионом мы понимаем территории трех губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской), составлявших в XIX в. собственно Урал.

«Живая память»

Важнейшей спецификой Урала было то, что, в отличие от западных и ряда центральных губерний, Уральский регион не был непосредственно захвачен военными действиями; его географическое расположение было таковым, что даже сведения о том, что происходит на западе империи, доходили до него с большим опозданием, и память о событиях 1812 г., а тем более 1813–1814 гг., казалось бы, должна носить исключительно «вторичный» характер. Это касается, прежде всего, участия уральцев в военных действиях, поскольку полки русской армии, носившие имена уральских городов (Пермский, Екатеринбургский, Вятский и Уфимский пехотные полки, а также Оренбургский драгунский полк, переформированный в 1813 г. в уланский), формировались не по территориальному принципу. Тем не менее, как показали наши исследования, отдельные уроженцы уральских губерний все же прошли боевой путь в составе «своих» частей. В качестве одного из подобных примеров укажем на судьбу Гавриила Кирилловича Любимова (1782–?), выходца из солдатских детей, который во время пребывания Екатеринбургского мушкетерского полка в Екатеринбурге в 1801 г. был зачислен в его состав рядовым. Пройдя с частью кампании 1812–1814 гг., он получил офицерский чин, а в 1838 г. вернулся в Екатеринбург в чине поручика 8-го Оренбургского линейного батальона³. Не исключено, что рассказы этого ветерана, как и других подобных ему, сыграли определенную роль в эпоху «коммуникативной памяти».

С конца XIX в. обычной практикой стало установление связей полка с жителями той местности, именем которой часть была названа. Более того, в начале XX в. начался бум составления полковых историй⁴, и боевой путь этих частей теперь стал для Урала своего рода «возвращенной историей».

³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 122. Оп. 7. Д. 3. Л.41; *Земцов В.Н., Лятин В.В.* Екатеринбург в мундире. Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – начала XX вв. Екатеринбург, 1992. С. 125–126.

⁴ *Плестерер Л.Л.* История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского полка. История Суздальского (1819–1831) и Вятского (1815–1833) пехотных полков. Белосток, 1903; *Вахрушев М.Н.* История 101-го пехотного Пермского полка. 1788–1897. СПб., 1907; *Маринов В.И.* Краткая история (1796–1907 гг.) 37-го Екатеринбургского его императорского высочества вел. кн. Алексея Александровича полка. Лодзь, 1907; *Рахимов Р.Н.* История Уфимского пехотного полка. 1796–1833. Уфа, 2004; *Цеглеев Э.А.* Ополчение Вятской губернии в 1812–1814 гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 86–98.

В отличие от полков регулярной армии, память о боевом пути которых потребовала известных усилий для своего «возвращения» на Урал, иррегулярные части, сформированные исключительно из уроженцев Урала, сразу и органично вписались в коммеморативную традицию. В кампаниях 1812–1814 гг. участвовали Оренбургский атаманский казачий тысячный полк; Оренбургские казахи № 1 и 3 полки; 1-й и 2-й Тептярские казачьи полки, сформированные из башкир, татар, марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей, проживавших на территории Оренбургской губернии; 3-й, 4-й, 5-й и 6-й полки Уральского казачьего войска; двадцать башкирских пятисотенных полков; два мещеряжских и два Тептярских полка из состава Башкиро-мещеряжского войска⁵.

В сущности, подобная «живая память» о 1812–1814 гг., изначально связанная с нерусскими народами и казаками, в основном Оренбургского края, составит важную особенность коммеморационных традиций Урала. В отличие от Оренбуржья, регионы Пермской и Вятской губерний в своем обращении к эпохе Наполеоновских войн сделают акцент на ключевой роли металлургических и военных заводов в победе над неприятелем⁶.

Важнейшей составляющей «живой памяти» стал фольклор и песенное творчество. И в этом случае особое место также принадлежит Южному Уралу, а именно – Оренбургскому краю. В среде башкирских воинов еще в ходе походов возникли такие песни, как «Любизар», «Эскадрон», «Баик», «Кутузов», «Ахмет Баик», «Баите о русско-французской войне», «Баите о Кутузове», «Французская песня» «Ерен кашка»; появились легенды и предания «Кахым-туря», «Абдрахман Акъегет» и «Вторая армия»⁷.

Важно отметить, что участие «иностранцев» полков, в основном, из Оренбургского края, в событиях 1812–1814 гг. запечатлелось в творчестве многих русских писателей и поэтов – современников событий⁸, а также и в произведениях зарубежных авторов (например, П.Ж. Беранже), в картинах и гравюрах многих иностранных художников.

Сохранялась долгое время память о славных событиях борьбы с Наполеоном и в песенном творчестве оренбургских казаков:

⁵ Юдин М.Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент, 1912; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962; Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993; Рахимов Р.Н. Башкирские конные полки // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. М., 2012. С. 132–137; Калинин С. Е. Оренбургское казачье войско // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. М., 2012. С. 635–636.

⁶ Азначев Ю. Очерки деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летнее существование Горного ведомства. СПб., 1900; Урал в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. Свердловск: Свердловгиз, 1945; Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. Пермь, 1982; Ляпин В.А. Военные поставки уральской промышленности в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998. С. 102–107; Ляпин В.А., Щербаков В.Н. Оружие армии и военная промышленность России 1799–1815 гг. М., 2002.

⁷ Бирюков В.П. Фольклор Урала. Исторические сказы и песни (Дооктябрьский период). Челябинск, 1949; Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957; Фоменков М.П. Башкирская народная песня. Уфа, 1976; Галин С.А. Башкирские народные песни и легенды об Отечественной войне 1812 года. Учебно-методическое пособие. Уфа, 1991; Сулейманов Р.С. Башкирские народные песни, посвященные Отечественной войне 1812 года // Народы Южного Урала на страже Родины: материалы всероссийской научно-практ. конференции. Оренбург, 2012. С. 135–137.

⁸ Сарбаш Л.Н. Русские писатели XIX века об «иных племенах» в Отечественной войне 1812 года // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. СПб., 2012. С. 111–121.

Эх, ты, злодей, вор – француз – грабитель!
 Ты зачем пришел в Москву стоять?
 Ты зачем пришел в Москву стоять?
 Должен жизнь свою в Москве скончать.
 Похвалялся вор – француз – грабитель,
 Своим пьяным польским табуном
 Сам на волю жить в Париж ушел⁹.

Важнейшим каналом сохранения памяти стали топонимы. И самым известным примером появления на карте Российской империи названий мест сражений 1812–1814 гг. является опять же Южный Урал. В связи с заселением пограничной линии в Оренбуржье между крепостями Орская и Троицкая в конце 1830-х – начале 1840-х гг. было создано более 30 военных постов-поселений (редутов), обозначавшихся первоначально номерами. Однако в 1843 г. генерал-губернатор В.А. Обручев предписал присвоить этим поселениям названия, связанные с героической историей оренбургского казачества. Так, в Оренбургской губернии (ныне это семь районов Челябинской области) появились: Бородино (ныне с. Бородиновка), Тарутино, Красное (ныне пос. Краснинский), Березина (ныне пос. Березинский), Берлин, Кацбах (ныне пос. Кацбахский), Кассель (ныне пос. Кассельский), Лейпциг, Бреды, Арси-Сюр (ныне пос. Арсинский), Фершампенуаз, Париж¹⁰.

В ряде городов Урала есть улицы, названные в честь событий и героев войны 1812–1814 гг., а именно, на территории бывшей Оренбургской губернии: (в Оренбурге, Челябинске, Златоусте, Миассе, Нязепетровске, Магнитогорске, Орске); на территории бывшей Вятской губернии (в Кирове и Сарапуле); на территории бывшей Пермской губернии (в Перми, Екатеринбурге, Каменск-Уральском). В этом плане Уральский регион значительно уступает западной части России как в отношении числа населенных пунктов, имеющих улицы с такими названиями, так и в разнообразии самих названий. Так, наиболее крупный на Урале мегаполис Екатеринбург имеет только две улицы – улицу Кутузова и переулок Багратиона, появившиеся к 150-летней годовщине войны 1812 г.¹¹ В Челябинске – это улица Кутузова, улицы Багратиона и у Бородинская.

Материализовавшаяся память

Важным средством сохранения и воскрешения событий и героев 1812–1814 гг. являются различные памятники, в том числе и здания.

Применительно к территории бывшей Вятской губернии первым памятником такого рода следует считать построенный в 1813–1814 гг. Свято-Никольский храм в с. Данилово (ныне с. Данилово Киясовского р-на Кировской области). Между 1822–1824 гг., в Вятской земле, в г. Слободском появился Спасо-Преображенский собор, построенный архитектором И.Д. Дюссар де Невилем¹². Еще позже, в 1852 г., в Ижевске воздвигли Михайловскую колонну возле оружейного завода как своего рода дань памяти вел. кн. Михаилу Павловичу, покровительствовавшему в первой

⁹ Новиков И.А. «Северные амуры» или в «Париже бывали мы»: 200 лет заграничных походов русской армии в историко-культурной памяти Южного Урала // Мир Евразии. 2013. № 3. С. 57.

¹⁰ Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина на карте Челябинской области: топонимический словарь. Челябинск, 1999; Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Топонимика как объект нематериального наследия, связанного с Отечественной войной 1812 года в России // Genesis: исторические исследования. 2012. № 1. С. 34–67.

¹¹ Рабинович Р.И., Шерстобитов С.Л. Улицы Свердловска. Свердловск, 1969. С. 28, 93; Кручинин А.М. Отечественная война 1812 г. на карте Екатеринбурга // Веси. 2011. № 8. С. 174–176.

¹² Долматова Т.М. Колокольня Спасо-Преображенского собора в г. Слободском – памятник победе России в Отечественной войне 1812 г. // Вклад Вятской губернии в победу в Отечественной войне 1812 года. Киров, 2012, С. 89–95.

четверти XIX в. военной промышленности. 20-метровая колонна, которую венчала фигура Михаила Архангела, воспринималась как уменьшенная копия Александровской колонны в Санкт-Петербурге. В советское время памятник был разрушен, но восстановлен в 2007 г. к 200-летию производства ижевского оружия. Косвенно с событиями Наполеоновских войн связан и памятник ижевским оружейникам, поставленный в 2007 г. в Ижевске. 2012 год был объявлен годом оружейной славы в честь 200-летия победы в Отечественной войне.

Есть памятники, поставленные Н.А. Дуровой (А.А. Александров). В г. Елабуге были открыты: памятник на могиле кавалерист-девице на Троицком кладбище (1901 г., утраченный в советское и восстановленный в постсоветское время); бюст в Городском парке (1962 г.); большая конная статуя на Троицкой площади перед Троицким кладбищем (1993 г.). Два памятника расположены в Сарапуле, на месте дома сарапульского городничего, отца Надежды Андреевны, и у здания Сарапульского музея-заповедника (оба появились в 2013 г.).

Наконец, следует упомянуть, что на кладбище г. Яранска Вятской губернии над братской могилой ополченцев (по преданию, погибших от ран, полученных в боях 1813 г.) в 1912 г. был сооружен мемориал в виде каменной пирамиды и окружавших ее 9 каменных барабанов. В советское время памятник был утрачен, и только в 2010 г. были найдены остатки этого мемориала, а в 2012 г. он был восстановлен.

В Пермской губернии старейшим памятником такого рода является, скорее всего, церковь Покрова Пресвятой Богородицы в д. Куяш (в начале XIX в. – д. Куяш Екатеринбургского уезда Пермской губернии; ныне с. Б. Куяш Кунашакского р-на Челябинской области). Работы по сооружению этого храма начались в июле 1812 г. И хотя работы длились до 1825 г., храм, согласно преданию, оказался связан с великими событиями 1812–1814 гг. В 1930-е гг. храм был закрыт, но на рубеже XX–XXI вв. стал постепенно восстанавливаться, что совпало с подготовкой к празднованию 200-летия победы в Отечественной войне 1812 г.¹³

Вторым по времени появления в Пермской губернии стало сооружение в ознаменование великих событий 1812–1814 гг. в Новом Усолье Николаевской (Никольской) церкви (проект А.Н. Вороникина (?) на средства Г.А. Строгонова (1813–1820 гг.)) В советское время здание подверглось разрушению, но в постсоветское время восстановлено и освещено.

Приблизительно в 1813 г. в пермском гостином дворе была построена и освящена часовня во имя Николая Чудотворца в память о войне 1812 года, разрушенная в 1929 г.

Отсутствие памятников в Перми, бывшей в 1812–1814 гг. губернским городом обширнейшего края, где находилось 21 казенное и 83 частных предприятий, внесших заметный вклад в победу над Наполеоном, трудно объяснить. Своего рода слабой компенсацией этого является то, что на старом Егошихинском кладбище в Перми сохранилась могила полкового командира Ширванского полка майора Н.А. Теплова (1779–1813), скончавшегося в Перми от контузии, полученной в Бородинском сражении. В то же время могил прапорщика А.А. Глушкова (1776–1825), штабс-капитана Н.И. Трухина (1778–1848) и А.А. Богуславского (1771–1831) не сохранилось. На месте Архиерейского кладбища, где они были погребены, находится зоопарк.

¹³ Андрусенко Я.С., Василова Т.М., Иванова А.Н., Столярова О.П., Салмина М.С. История Покровского храма села Большой Куяш – памятника Отечественной войны 1812 года // Гороховские чтения: материалы третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 12–21.

Несколько лучше выглядит «материализованная память» в Екатеринбурге. Еще в первой четверти XIX в. на месте временной полковой церкви Екатеринбургского мушкетерского (с 1811 г. – пехотного) полка был поставлен скромный кирпичный памятник. Вместо него в 1859 г. был сооружен из мраморных элементов новый памятный знак, ставший одной из достопримечательностей города. В 1930 г. в связи с расширением проспекта Ленина он был снесен. Однако в 2006 г. благодаря группе энтузиастов из Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит» недалеко от того места, где ранее стоял памятный знак, был поставлен новый памятник (архитектор А.А. Новиков).

Своеобразным памятником событий 1812–1814 гг. являются сохранившиеся Оровайские казармы, дворец Расторгуева – Харитоновна, где в сентябре 1824 г. останавливался император Александр I, а также дом главного начальника Уральских горных заводов, участника войны 1812 г. В.А. Глинки. Наконец, к 100-летию юбилею войны 1812 г. было построено здание городской школы № 12, официально именованной до Русской революции 1917 г. «школой в память Отечественной войны 1812 года»¹⁴.

В остальных городах бывшей Пермской губернии каких-либо памятников, связанных с войной 1812–1814 гг., не зафиксировано. Своего рода исключением является статуя архистратига Михаила, поставленная в 2012 г., и на постаменте которой была сделана надпись «В память великого подвига русского народа в Отечественной войне 1812 года от благодарных потомков 2012 г.» на территории церкви Покрова Божьей Матери в г. Каменск-Уральском. Тогда же на левом берегу р. Каменка была установлена монументальная стена «Каменные пушки», на которой скульпторы воспроизвели фрагмент Бородинского сражения. Тем самым была «подтверждена» давняя легенда об участии орудий, отлитых на Каменском заводе, в Бородинском сражении.

В Оренбургской и Челябинской областях собственно памятников событиям 1812–1814 гг. относительно немного. Помимо церкви Покрова Пресвятой Богородицы в с. Б. Куяш, которое теперь находится в Челябинской области, обращает на себя внимание небольшая стела, появившаяся благодаря местным энтузиастам в 2003 г. в с. Даутово Верхнеуфалейского городского округа Челябинской области. Стела посвящена «Северным амурам-терсякам», воинам одного из племен катаяских башкир-терсяков, участвовавших в составе одного из башкирских пятисотенных полков в войне с Наполеоном. Поставленный недалеко от берега живописного оз. Иткуль небольшой памятник стал подлинной достопримечательностью окрестных мест. Памятник стал своеобразным воплощением всех ратных подвигов башкир-терсяков вне зависимости от эпохи¹⁵.

В 2016 г. появился памятник героям войны 1812 г. в Челябинске. Мраморный камень с черной мемориальной доской, на которой золотыми буквами выведено посвящение воинам-героям (башкирских, мещерякских и казачьих полков) борьбы с Наполеоном. К подножию памятника доставили по горсти земли с Бородинна, из Дрездена, Лейпцига и Парижа.

К концу второго десятилетия XXI в. во многих городах страны стали открываться исторические парки «Россия – моя история». Три подобных парка были открыты на Урале в 2017 г. (в Уфе, Екатеринбурге, Перми); позже – в Челябинске. Вне зависимости от вполне оправданной критики подобной формы «исторической

¹⁴ Бухаркина О.А. Дом на видном месте. Как в Екатеринбурге строили школу в честь 100-летия войны с Наполеоном // Уральский рабочий. 2012. 29 августа; Кручинин А.М. Отечественная война 1812...

¹⁵ Юзлекбаев Ф.Ф. «Северные амуры». URL: <https://geocaching.su/?pn=101&cid=5695> (дата обращения: 10.10.2020); Южный Урал – памятно: дайджест к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Челябинск, 2012.

пропаганды», имеющей ярко выраженный религиозно-монархический привкус, следует в целом признать позитивную роль подобных институций в сохранении и распространении знаний не только общероссийского, но и регионального характера. Во всех четырех «парках» Большого Урала имеются разделы, посвященные как общеимперским страницам истории 1812–1814 гг., так и участию в них жителей региона. На наш взгляд, наиболее удачный вариант предложен создателями экспозиции в Уфе, ориентированный как на включение Башкортостана в общеисторический контекст, так и на акцентирование особой роли региона в событиях прошлого.

Праздники–память

Праздники, прежде всего юбилеи, составляют важнейшую форму актуализации памяти. Манифест Александра I об изгнании Наполеона из России не случайно пришелся на 25 декабря 1812 г., на день Рождества. С тех пор годовщина победы над нашествием «двунадесяти языков» не могла не отмечаться в христианских храмах молебствием, коленно-преклонением и трехдневным звоном. Сложнее обстояло дело с народами мусульманского вероисповедания, которые на Урале составляли коренное население. Однако различные формы не только общегражданского, но и религиозного характера тоже находились.

Особое значение, согласно традиции, придавалось круглым датам, называемым юбилеями. Мы, к сожалению, не располагаем материалами о том, как протекали в уральских губерниях 25-летний и 50-летний юбилеи. Основной объем сохранившихся сведений относится к 100-летнему юбилею войны 1812 года. Так, в Вятке 100-летняя годовщина была отмечена молебствием в церквях, народным гулянием, которое сопровождалось оркестровой музыкой, военными песнями, а вечером – фейерверком. В Александровском саду показывали «живые картины» из истории 1812 года, в кинотеатре «Прогресс» крутили фильмы, благотворители устраивали угощения для рабочих, сопровождаемые коллективным чтением литературы о великой эпопее. Особое внимание было уделено молодежи, для которой был устроен творческий конкурс эссе и рисунков, а учащихся допустили в кинематограф, что обычно было запрещено.

Нечто подобное происходило и в других городах и селениях Урала, отличаюсь только размахом и теми или иными отступлениями от «канона». Приведем в качестве примера праздник, состоявшийся в небольшой школе в пос. Кизильском Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. День начался с литургии и молебна в местной церкви. Затем школьники прошествовали на площадь села, где были устроены военные состязания. К 4 часам вечера дети собрались в школе, пропели гимн «Боже, Царя храни», после чего священник о. Антоний Горшенин рассказал детям о войне 1812 года. Вслед за ним дети продекламировали несколько басен и стихотворений. Затем хор под управлением учителя Н.П. Синебрюхова исполнил «Славься, славься наш русский царь». Закончился день раздачей гостинцев и платков с изображениями героев войны 1812 года¹⁶.

Ряд исследований последнего времени, посвященных практике отмечания 100-летней годовщины войны 1812 года в провинции, фактически выявил своего рода «канон», заданный властью, отступление от которого могло иметь место только в частностях. «Кампания прошла по одной и той же схеме, – поток публикаций в прессе, поиск участников и современников 1812 г., мероприятия в учебных заведениях и войсковых частях, лекции для общественности о войне, распространение литературы, августовские торжества на центральных площадях городов и сел, льго-

¹⁶ Вернигоров А. А помнит ли Россия? Верхнеуральск в Отечественной войне 1812 года. URL: <http://www.vurizvoz.ru/rubriki/kraevedenie/a-pomnit-li-vsya-rossiya> (дата обращения: 10.10.2020).

ты и награды потомкам участников войны, награждения активных организаторов юбилея. Представители церкви совершали различные церемонии, произносили речи, упоминали об участии и церковных служителей в деле защиты Отечества сто лет назад»¹⁷.

150-летие событий 1812–1814 гг. было отмечено на Урале более чем скромно. И только 200-летие войны 1812 года имело достаточно заметный резонанс. Наиболее широкие торжества прошли в Республике Башкортостан. В июне 2012 г. в Уфе прошла представительная международная конференция «Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года», завершением которой стал яркий народный праздник Сабантуй. В свет вышел ряд значительных трудов и сборников документов по истории событий 1812–1814 гг.¹⁸

28 декабря 2007 г. президент России подписал указ № 1755 «О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года». На Южном Урале юбилей стал нерядовым событием, охватившим не только большие города, но и небольшие селения. Так, Дом национального творчества Нагайбакского района Челябинской области (в нем, как известно, помимо пос. Кассельского, расположены с. Париж, с. Фершампенуаз и пос. Арсинский) организовал тур-миссию по одноименным городам Франции. В качестве ответного шага в апреле 2013 г. группа жителей Фершампенуаза во главе с бывшим мэром Клодом Арди побывала в уральском Париже. В отличие от Южного Урала, большие города Свердловской, Пермской и Вятской областей, как правило, ограничились проведением ряда научных конференций, небольших выставок и публикациями в прессе.

Военнопленные и память

Интереснейшим каналом памяти о событиях войн начала XIX в. является факт пребывания на Урале военнопленных армии Наполеона. Несмотря на то, что уральские губернии были тыловыми, это оставило по себе настолько глубокую память, что и по сию пору встречаются уральцы, ведущие свою родословную от пленных французов – настоящих или мнимых¹⁹. Искушение вывести некоторые фамилии, бытующие на Урале, от имен военнопленных армии Наполеона столь велико, что сегодня стали встречаться утверждения, будто в жилах Перминовых, Мартыновых, Николаевых и Краснопёровых тоже может течь французская кровь.

Продолжают активно пересказываться легенды о связи местных топонимов с пребыванием на Урале иностранных военнопленных в начале XIX в., которые не находят своего подтверждения²⁰. Сохраняется мнение о баснословной численности солдат наполеоновской армии, якобы пожелавших остаться на Урале, о широком использовании труда военнопленных на различного рода работах, что мы уже не

¹⁷ *Скворцов А.А.* Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг. Ставрополь, 2009; *Борисов С.Б.* Празднование победы над Наполеоном в Шадринске в 1814 году // Одиннадцатые Бирюковские чтения. Тезисы докладов. Шадринск, 1994. С. 39–41; *Сибирцева Е.В.* Празднование 100-летнего юбилея победы в войне 1812 г. на страницах уральской прессы // «И вечной памяти двенадцатого года...». Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. Екатеринбург, 2013. С. 279–284; *Дмитриева О.О.* Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века). Чебоксары, 2019.

¹⁸ Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа, 2012; *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014.

¹⁹ *Юдин П.Л.* Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; *Юдин П.Л.* Ссылные 1812 года в Оренбургском крае // Русский архив. 1896. С. 32–33.

²⁰ *Суворов Г.Е.* Вклад города Орлова и Орловского уезда Вятской губернии в победу России в Отечественной войне 1812 года // Вклад Вятской губернии в победу в Отечественной войне 1812 года. С. 55–56.

раз ранее подвергали обоснованному сомнению²¹. Наконец, наблюдается тенденция к идеализации жизни военнопленных на Урале и их взаимоотношений с местным населением²².

Как бы то ни было, следует признать, что бытование легенд и мифов, вне зависимости от того, насколько они являются исторически обоснованными, составляет важный канал привязки Уральского региона к «большой истории».

Выводы

Вне всякого сомнения, Уральский регион, несмотря на удаленность от театра военных действий, органично вписывается в общероссийский мемориальный контекст Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг. Вместе с тем он сохраняет и значительную региональную специфику, связанную с образом края, во-первых, ориентированного на военное производство, а, во-вторых, выставившего значительную часть иррегулярной кавалерии, набранной из нерусских народов и оренбургского казачества. Последнее обстоятельство через образы «северных амуров» предопределило «экзотическую» известность Урала и за рубежом (в 2017 г. в Нидерландах у переправы через р. Эйссел жители коммуны Весен установили памятник башкирским воинам, освободившим их от наполеоновского господства).

Формы сохранения памяти Урала о событиях 1812–1814 гг. отличаются разнообразием – от вариантов «живой памяти», включающей в себя элементы, оставшиеся от памяти коммуникативной, до целенаправленной деятельности центральных и местных властей по организации «массовых мероприятий» в период юбилейных дат. Значительную роль в сохранении памяти традиционно играют учебные заведения, которые, начиная со школьного уровня, формируют «память детства».

На территории Большого Урала память о событиях эпохи «распределяется» не совсем равномерно. Наибольшая концентрация ее разнообразных элементов наблюдается на Южном Урале, что предопределено, в значительной степени, наличием компактно проживающих нерусских народов, стремящихся подчеркнуть свою роль в событиях общероссийской и даже общемировой истории. Этот фактор эффективно способствует «сцеплению» «большой истории» и истории региональной.

В отличие от ряда других национальных регионов Российской Федерации, где нередко наблюдается «полураспад старых мемориальных конструкций»²³, обращение к исторической памяти на Урале происходит в рамках «объединяющей и примиряющей» традиции. Несмотря на некоторые коммеморативные «разрывы», три эпохи (досоветская, советская и постсоветская) применительно к исторической памяти на Урале о событиях 1812–1814 гг. смотрятся достаточно органично. Образы этой великой поры продолжают выступать в качестве объединяющего фактора, сохраняя тем самым ощущение «общего прошлого» не только с общероссийской, но и общеевропейской, глобальной историей.

Поступила в редакцию / Received: 27.10.2020

²¹ Земцов В.Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М., 2018. С. 388–391; Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на уральских заводах, или История о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник. 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 101–114.

²² Шарбаров П.Н., Бажанова Е.А. Проблемы взаимоотношения вятского населения и военнопленных Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии. С. 79; Цеглеев Э.А. Участие Вятской губернии в Отечественной и освободительных войнах 1812–1814 гг. Киров, 2009. С. 13.

²³ Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России... С. 251–277.

References

- Abramovskiy, A.P., and Kobzov, V.S. *Orenburgskoe kazach'e voysko: istoriya i sovremennost'*. Chelyabinsk: [N.s.], 1993 (in Russian).
- Andrusenko, Ya.S. "Istoriya Pokrovskogo hrama sela Bol'shoy Kuyash – pamyatnika Otechestvennoy voyny 1812 goda." In *Gorohovskie chteniya: materialy Tre'tey regional'noy muzeynoy konferentsii*, 12–21. Chelyabinsk: Chelyabinskiiy kraevedcheskiy muzey Publ., 2012 (in Russian).
- Aznacheev, Yu. *Ocherki deyatel'nosti kazennykh gornyykh zavodov po izgotovleniyu predmetov voornuzheniya za 200-letnee sushchestvovanie Gornogo vedomstva*. St. Petersburg: tipografiya M. Merkusheva Publ., 1900 (in Russian).
- Batyushkov, K.N. "Stranstvovatel' i domosed." *Amfion*, no. 6 (1815): 75–91 (in Russian).
- Bessonov, V.A. "Chislennost' voennoplennykh 1812 goda v Rossii." In *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy*, 18–34. Moscow: Borodinskiy voenno-istoricheskiy muzey-zapovednik Publ., 2002 (in Russian).
- Bessonov, V.A. *Voennoplennyye Velikoy armii 1812 goda v Rossii (po materialam Kaluzhskoy gubernii)*. Samara: Samara State University Publ., 2001 (in Russian).
- Biryukov, V.P. *Fol'klor Urala. Istoricheskie skazy i pesni (Dooktyabr'skiy period)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk Regional Publ., 1949 (in Russian).
- Borisov, S.B. "Prazdnovanie pobedy nad Napoleonom v Shadrinske v 1814 godu." In *Odinnadcatye Biryukovskie chteniya. Tezisy dokladov*, 39–41. Shadrinsk: Shadrinskiy pedinstitut Publ., 1994 (in Russian).
- Bulygina, T.A., and Kozhemyako, T.N. "Istoricheskaya pamyat' i yubilei v Rossii v XX–XXI vekah." In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, 63–76. Saratov: Saratov State University Publ., North Caucasus Federal University Publ., 2012 (in Russian).
- Cegleev, E.A. "Militia of the Vyatka province in 1812–1814." *Voprosy istorii*, no. 6 (2010): 86–98 (in Russian).
- Cegleev, E.A. *Uchastie Vyatskoy gubernii v Otechestvennoy i osvoboditel'nykh voynakh 1812–1814 gg.* Kirov: Kirov State University Publ., 2009 (in Russian).
- Dmitrieva, O.O. *Deyatel'nost' gosudarstvennoy vlasti i obshchestva v Rossiyskoy imperii po formirovaniyu kommemorativnykh praktik ob Otechestvennoy vojne 1812 goda (XIX – nachalo XX veka)*. Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2019 (in Russian).
- Dolmatova, T.M. "Kolokol'nya Spaso-Preobrazhenskogo sobora v g. Slobodskom – pamyatnik pobede Rossii v Otechestvennoy vojne 1812 g." In *Vklad Vyatskoy gubernii v pobedu v Otechestvennoy vojne 1812 goda*, 89–95. Kirov: O-Kratnoe Publ., 2012 (in Russian).
- Fomenkov, M.P. *Bashkirskaya narodnaya pesnya*. Ufa: Bashkir book publishing house Publ., 1976 (in Russian).
- Galim, S.A. *Bashkirskie narodnye pesni i legendy ob Otechestvennoy vojne 1812 goda. Uchebno-metodicheskoe posobie*. Ufa: BIRO Publ., 1991 (in Russian).
- Kalinin, S.E. "Orenburgskoe kazach'e voysko." In *Otechestvennaya voyna 1812 goda i osvoboditel'nyy pohod russkoy armii 1813–1814 godov*. Enciklopediya, 635–636. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).
- Kruchinin, A.M. "Patriotic War of 1812 on the map of Yekaterinburg." *Vesi*, no. 8 (2011): 174–176 (in Russian).
- Lyapin, V.A. "Voennyye postavki ural'skoy promyshlennosti v 1812–1814 gg." In *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy*, 102–107. Borodino: Borodino military history museum-reserve Publ., 1998 (in Russian).
- Lyapin, V.A. *Voennoe proizvodstvo na kazennykh gornyykh zavodakh Urala v pervoy polovine XIX v.* Perm: Perm State University Publ., 1982 (in Russian).
- Lyapin, V.A., and Shherbakov, V.N. *Oruzhie armii i voennaya promyshlennost' Rossii 1799–1815 gg.* Moscow: Reytar Publ., 2002 (in Russian).
- Marinov, V.I. *Kratkaya istoriya (1796–1907 gg.) 37-go Ekaterinburgskogo ego imperatorskogo vysochestva vel. kn. Alekseye Aleksandrovich polka*. Lodz: I. Petersil'ge Publ., 1907 (in Russian).
- Matvievskiy, P.E. *Orenburgskiy kray v Otechestvennoy vojne 1812 g.* Orenburg: [N.s.], 1962 (in Russian).
- Miller, A.I. "Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i v ee izuchenii?" In *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy*. St. Petersburg: European University Publ., 2020 (in Russian).
- Novikov, I.A. "Northern Cupids" or "We Have Been in Paris": 200 Years of Foreign Campaigns of the Russian Army in the Historical and Cultural Memory of the Southern Urals." *World of Eurasia*, no. 3 (2013): 56–59 (in Russian).

- Plesterer, L.L. *Istoriya 62-go pekhotnogo Suzdal'skogo generalissimusa knyazya Italiyskogo grafa Suvorova-Rymnikskogo polka. Istoriya Suzdal'skogo (1819–1831) i Vyatskogo (1815–1833) pekhotnykh polkov*. Belostok: Parovaya tipo-lit. SH.M. Volobrinskogo Publ., 1903 (in Russian).
- Polkovnikov, A.A. “K 200-letiyu pobedy Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 g. (Hronika podgotovki. 2007 g.)” In *Epoха 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya*, 420–421. Moscow: State Historical Museum Publ., 2008 (in Russian).
- Rabinovich, R.I., and Sherstobitov, S.L. *Ulicy Sverdlovskaya*. Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House Publ., 1969 (in Russian).
- Rahimov, R.N. “Bashkirskie konnye polki.” In *Otechestvennaya vojna 1812 goda i osvoboditel'nyy pohod russkoy armii 1813–1814 godov. Enciklopediya*, 132–137. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).
- Rahimov, R.N. *Istoriya Ufimskogo pekhotnogo polka. 1796–1833*. Ufa: Informreklama Publ., 2004 (in Russian).
- Rahimov, R.N. *Na sluzhbe u «Belogo carya». Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII–pervoy polovine XIX v.* Moscow: RISI Publ., 2014 (in Russian).
- Sarbash, L.N. “Russkie pisateli XIX veka ob ‘inyh plemenah’ v Otechestvennoy vojne 1812 goda.” In *Realii i legendy Otechestvennoy vojny 1812 goda*, 111–121. St. Petersburg; Tver': Mariny Batasovoy Publ., 2012 (in Russian).
- Severyuhin, I.I. “Iz istorii razmeshcheniya i trudoustroystva voennoplennykh napoleonovskoy armii v Vyatskoy gubernii posle Otechestvennoy vojny 1812 g.” In *Otechestvennaya vojna 1812 g. v regional'noy istorii i istoriografii. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Kirov, 1 noyabrya 2012 g.*, 156–162. Kirov: Vyatka State Humanitarian Institute Publ., 2012 (in Russian).
- Sharabarov, P.N., and Bazhanova, E.A. “Problemy vzaimootnosheniya vyatskogo naseleniya i voennoplennykh Otechestvennoy vojny 1812 goda.” In *Otechestvennaya vojna 1812 g. v regional'noy istorii i istoriografii. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Kirov, 1 noyabrya 2012 g.*, 170–182. Kirov: Vyatka State Humanitarian Institute Publ., 2012 (in Russian).
- Shul'gina, O.V., and Shul'gina D.P. “Toponymy as an object of intangible heritage associated with the Patriotic War of 1812 in Russia.” *Genesis*, no. 1 (2012): 34–67 (in Russian).
- Shulyakov, S.N. “Voennoplennyye napoleonovskoy armii v rossiyskoy promyshlennosti na primere Holunichikh zavodov Vyatskoy gubernii.” In *Vklad Vyatskoy gubernii v pobedu v Otechestvennoy vojne 1812 goda*, 69–89. Kirov: O-Kratnoe Publ., 2012 (in Russian).
- Shuvalov, N.I. *Ot Parizha do Berlina na karte Chelyabinskoy oblasti: toponimicheskii slovar'*. Chelyabinsk: [N.s.], 1999 (in Russian).
- Sibirtseva, E.V. “Prazdnovanie 100-letnego yubileya pobedy v voyne 1812 g. na stranitsakh ural'skoy pressy.” In *I vechnoy pamyati dvenadcatogo goda....' Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 14–15 dekabrya 2012 g.*, 279–284. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2013 (in Russian).
- Sirotkin, V.G. “Sud'ba francuzskikh soldat v Rossii posle 1812 g.” *Voprosy istorii*, no. 3 (1974): 129–136 (in Russian).
- Sirotkin, V.G. *Napoleon v Rossii*. Moscow: OLMA-Press Publ., 2000 (in Russian).
- Skvortsov, A.A. *Severnnyy Kavkaz v period bor'by Rossii s Napoleonom i istoricheskaya pamyat' mestnogo obshchestva ob epohe 1812–1815 gg.* Stavropol: Stavropol State University Publ., 2009 (in Russian).
- Suleymanov, R.S. “Bashkirskie narodnye pesni, posvyashchennyye Otechestvennoy voyne 1812 goda.” In *Narody Yuzhnogo Urala na strazhe Rodiny: materialy vserossiyskoy nauchno-konferencii*, 135–137. Orenburg: OGAU Publ., 2012 (in Russian).
- Suvorov, G.E. “Vklad goroda Orlova i Orlovskogo uezda Vyatskoy gubernii v pobedu Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 goda.” In *Vklad Vyatskoy gubernii v pobedu v Otechestvennoy vojne 1812 goda*, 55–56. Kirov: O-Kratnoe Publ., 2012 (in Russian).
- Urushadze, A.T. “Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya vojna v etnicheskikh kommemoratsiyah i bol'shom narrative.” In *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy*, 251–277. St. Petersburg: European University Publ., 2020 (in Russian).
- Usmanov, A.N. *Bashkirskiy narod v Otechestvennoy vojne 1812 g.* Ufa: Bashknigoizdat Publ., 1964 (in Russian).
- Vahrushev, M.N. *Istoriya 101-go pekhotnogo Permskogo polka. 1788–1897*. St. Petersburg: Tip. E.A. Evdokimova Publ., 1907 (in Russian).
- Yudin, M.L. *Orenburzhtsy v voynah 1812–1814 godov*. Tashkent: Typographic lithograph of the Headquarters of the Turkestan Military District Publ., 1912 (in Russian).

- Yudin, P.L. “Iz proshlogo. Francuzy-kazaki.” *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, no. 32 (1892): 120–125 (in Russian).
- Yudin, P.L. “Ssyl'nye 1812 goda v Orenburgskom krae.” *Russkiy arhiv*, no. 3 (1896): 5–33 (in Russian).
- Zemtsov, V.N. “Pamyat', ubivayushchaya proshloe (O prazdnovanii yubileev Otechestvennoy voyny 1812 g. i Zagranichnyh pohodov russkoy armii 1813–1814 gg.).” In *Zapad, Vostok i Rossiya: Istoricheskaya politika i politika pamyati: Voprosy vseobshchey istorii*, 208–223. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2014 (in Russian).
- Zemtsov, V.N. “Voennoplennyye armii Napoleona na ural'skih zavodah, ili istoriya o tom, kak russkie dvazhdy nastupili na odni i te zhe grabli.” In *Francuzskiy ezhegodnik. 2013: “Russkaya kampa-niya” Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'*, 101–114. Moscow: IVI RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Zemtsov, V.N. *Napoleon v Rossii: sociokul'turnaya istoriya voyny i okkupacii*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2018 (in Russian).
- Zemtsov, V.N., and Lyapin, V.V. *Ekaterinburg v mundire. Formennaya odezhda v istorii Ekaterin-burga XVIII – nachala XX vv.* Ekaterinburg: Central Ural Book Publ., 1992 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Vladimir N. Zemzov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Subjects, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Modern and Current History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

Научная статья / Research article

Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции

П. Малиновски^а, Е.В. Линькова^б

^аФонд развития русско-французских исторических инициатив,
115230, Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7 строение 9,
french.russia.historical.fund@gmail.com

^бРоссийский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10,
e.v.linkova@yandex.ru

Аннотация: На примере меморизации различных войн и ключевых исторических событий представляется возможным реконструировать и осмыслить ценностные ориентиры государств на определенных этапах развития. В настоящей статье предлагается обратиться к истории Крымской войны 1853–1856 гг., которая нашла свое отражение в исторической памяти двух стран-участниц – России и Франции. При подобном компаративном подходе авторы обращают внимание на различные уровни коммеморации данного события: речь идет о научных изысканиях, посвященных Крымской кампании, о народной памяти поколений, о государственных и политических практиках по увековечиванию героев и событий войны. Авторы анализируют данные аспекты и выявляют, какие из них получили наибольшее распространение в России и Европе, благодаря чему память о Крымской войне сохраняется в современном обществе. При этом анализируется феномен «забытой войны» – термина, вошедшего в научный лексикон французского сообщества и употребляемый для описания кампании 1854–1856 гг. Исследование проблемы дает возможность ответить на немаловажный вопрос: для чего существуют те или иные традиции памяти, помогают ли они формированию общественного сознания и ценностных установок.

Ключевые слова: Крымская война, историческая память, коммеморации, российско-французские отношения, военная история

Для цитирования: Малиновски П., Линькова Е.В. Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 205–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

The Crimean War of 1853–1856 in the Memory Space of Russia and France

Pierre Malinowski^а, Elena V. Linkova^б

^аFoundation for the Development of Russian-French Historical Initiatives,
7, building 9, Khlebozavodsky proezd, Moscow, 115230, Russia,
french.russia.historical.fund@gmail.com

^бRUDN University, 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia,
e.v.linkova@yandex.ru

Abstract: On the example of commemoration of various wars and key historical events, it is possible to reconstruct and comprehend the value orientations of states at certain phases of their development. In this article, we propose to turn to the Crimean War of 1853–1856, which was reflected in

the historical memory of the two participating countries – Russia and France. With such a comparative approach, attention is drawn to different levels of commemoration of this event: we are talking about scientific research on the Crimean campaign, about the people's memory of generations, about state and political practices. The authors analyze these aspects and identify which of them are most widespread in Russia and Europe, so that the memory of the Crimean War is preserved in modern society. The authors analyze the phenomenon of the “forgotten war” – a term that has entered the scientific lexicon of the French community and is used to describe the campaign of 1854–1856. The study of the problem makes it possible to answer an important question: why do certain traditions of memory exist, whether they help to form a certain consciousness, value attitudes.

Keywords: Crimean War, historical memory, commemorations, Russian-French relations, military history

For citation: Malinowski, Pierre, and Linkova, Elena V. “The Crimean War of 1853–1856 in the Memory Space of Russia and France.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 205–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

Введение

Импульсом к проведению настоящего исследования послужили результаты археологической экспедиции, организованной Фондом развития русско-французских исторических инициатив в октябре 2020 г. Речь идет о первом в своем роде франко-российском поисковом проекте в Крыму, в ходе реализации которого археологи обнаружили останки десятков солдат разных стран, погибших в сражениях на реке Альме, при Инкермане и Севастополе. Важно отметить, что Фонд, возглавляемый французским общественным деятелем Пьером Малиновски, уже проводил археологические раскопки под Вязьмой в поисках артефактов Отечественной войны 1812 г., а также в местах, связанных с историей Первой мировой войны. В перспективе планируются изыскания под Сталинградом, Курском и на Камчатке¹. Совместные научные акции вызывают заметный общественный резонанс, дискуссии во французских и российских СМИ о необходимости, задачах, скрытых целях подобных проектов, что придает им определенный политический оттенок. Однако, при всей остроте полемики, которая ведется вокруг столь ярких международных инициатив, одно остается очевидным: и в России, и во Франции сохраняется определенный запрос на сохранение исторической памяти, на меморизацию тех событий, которые стали важными вехами в развитии не только отдельных государств, но и всего европейского сообщества. К подобным событиям, безусловно, относится Крымская война 1853–1856 гг.

Коммеморация тех или иных исторических событий предполагает не только их презентацию и оценку, но и ракурс восприятия из дня сегодняшнего. Она несет в себе нравственное, политическое и общественное содержание и зачастую используется государством в целях консолидации и самоидентификации социума. По мнению одного из авторитетных исследователей проблемы П.Х. Хаттона, «это та сторона памяти, при помощи которой мы осознанно восстанавливаем образы прошлого, выбирая то, что подходит нуждам нашей сегодняшней ситуации»².

Задачами настоящей статьи являются выявление, анализ и реконструкция методов и результатов коммеморации Крымской войны в российском и французском обществе. Совокупность историко-сравнительного, историко-антропологического методов, принципа историзма стала методологической базой, создающей условия для решения поставленных задач. Данные методы и принципы позволили провести сравнительный анализ, дифференцировать особенности коммеморативных практик, оценить результаты их применения на государственном уровне, выявить стереоти-

¹ Официальный сайт Фонда развития русско-французских исторических инициатив. URL: <https://french-russia-historical-fund.com/future> (дата обращения: 4.12.2020).

² Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 23.

пы восприятия определенных событий прошлого и механизмы их формирования. Выбор Крымской войны в качестве объекта изучения единого пространства памяти объясняется тем, что в России сложились довольно прочные традиции, связанные с Отечественной войной 1812 г. и Великой Отечественной войной, с местами памяти, героями войн и т.д. Подобные же тенденции свойственны для Франции в отношении Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и Первой мировой войны. Однако именно Крымская война 1853–1856 гг., которая зачастую остается в тени других военных конфликтов (особенно во Франции), явилась тем поворотным событием, которое оказало существенное влияние на изменение международной обстановки, способствовало разрушению Венской системы международных отношений, реваншу Наполеона III за поражение Наполеона Бонапарта, ослаблению России на южных рубежах и, одновременно, выдвигала на лидирующие позиции новых геополитических лидеров, например Пруссию. Данная война явилась по сути первым опытом противостояния России объединенным европейским силам, причем речь шла как об объединении военном (Великобритания, Франция, Сардиния), так и о дипломатическом (примкнувшая к европейскому блоку Австрия). Неслучайны и различные названия данной войны – «нулевая» или «предмировая», встречающиеся в зарубежной и российской историографии и отражающие ее особое место в истории.

Историографическая традиция Крымской войны зародилась еще в 1854–1856 гг. Работы этого периода были посвящены изучению различных документальных материалов и касались не только хода военных действий³, но и причин конфронтации. Они выстраивали хронологию событий⁴, анализировали дипломатическую борьбу⁵.

Обращаясь к историографии данной научной проблемы, необходимо отметить, что вопрос о создании монументов и праздновании годовщин, связанных с Крымской кампанией, изучался как во французском, так и в российском научном сообществе⁶. Исследователи затрагивали и вопрос о природе исторической памяти⁷, о социальной направленности подобной практики, зачастую не выделяя ее в качестве отдельного направления⁸.

³ Богданович М.И. Крымская война 1853–1856 гг. М., 2014; Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956; Дубровин Н.Ф. 349 – дневная защита Севастополя. СПб., 2005; Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М.И. Богдановича составил Н. Дубровин. СПб., 1878; Скицкий Н.В. Крымская война 1853–1856 годы. М., 2006; Яковлев А. Крымская война 1853–1856. М., 2007.

⁴ Bazancourt C.L. La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. Paris, 1856-1857; Bazancourt C.L. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. Paris, 1856; Ferbalier M. Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854; de Giustiniani H. Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris, 1857; Roy J.-J.-E. Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient. Tours, 1856; Siège de Sébastopol et guerre de Crimée. Paris, 1856.

⁵ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856). М., 1874; Татищев С.С. Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853–1856 годов. Poleмические статьи о дипломатии. М., 2017; Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. По поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». СПб., 1870; Фадеев Р.А. Черноморский военный театр. По поводу Крымской железной дороги. СПб., 1870; Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. М., 1860.

⁶ Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или почему машут кулаками после драки // История и историческая память. Саратов, 2019. С. 167–182.

⁷ Булыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память. Саратов, 2010. С. 5–19.

⁸ Багдасарян В.Э. К 160-летию начала Крымской войны: взгляд через призму теории борьбы цивилизаций. URL: <http://vbagdasaryan.ru/k-160-letiyu-nachala-kryimskoy-voynyi-vzglyad-cherez-prizmu-teorii-borbyi-tsvivilizatsiy/> (дата обращения: 04.12.2020).

Особого внимания заслуживают работы французских историков о феномене памяти. По мнению П.Х. Хаттона, «интерес историков к проблеме памяти был в значительной степени инспирирован французскими исследователями» – П. Нора, Ф. Арьесом, М. Блоком и Л. Февром, Ж. Ле Гоффом и др. Исследователь пишет, что «он берет свое начало в работах по истории коллективных ментальностей, ожививших еще в 60-е годы французскую историографию»⁹. Более того, П.Х. Хаттон приходит к выводу о том, что историческое познание в современную эпоху становится непосредственным образом связанным с политикой коммеморации, которая дает возможность, по его словам, «...идентификации и описанию тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти». Пространство памяти – это та сфера, где «пересекаются исследования культур-антропологов, психологов, литературоведов и специалистов по устной традиции...»¹⁰. Таким образом, «пространство памяти» становится некой традицией, на которую, согласно теории Э. Хобсбоума, опирается общество и государство. Мир меняется, заставляя человека искать для себя новые точки опоры, а государство – новые символы и скрепы. И память о героическом прошлом как раз и выполняет в меняющемся мире подобные функции.

Как справедливо отмечает историк Т.А. Булыгина, «очевидна прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума»¹¹. Во многом Крымская война и явилась тем символом, который превратился в точку опоры, в средство познания себя, своей идентичности в условиях перемен.

Становление образа Крымской кампании в России и во Франции

Формирование исторической памяти о Крымской кампании – это процесс, который берет начало еще в 1854–1856 гг., причем как в России, так и во Франции. Тем интереснее обращение к различному опыту меморизации данной войны, ведь, как логично указывает историк А.В. Гладышев, «различные национальные нарративы формируют об одном и том же событии в исторической памяти своего народа различные образы»¹². Безусловно, события 1853–1856 гг. привлекали к себе повышенное внимание не только участников и свидетелей военных действий, но и многонациональной аудитории, причем как в XIX в., так и в современную эпоху. Однако, несмотря на значимость и масштабы Крымской войны, в научном сообществе и общественном сознании эта война долгое время находилась в тени Первой (что больше свойственно для Франции и Второй мировых войн, антинаполеоновских кампаний, противоборства Франции и Германии в 1870–1871 гг. С одной стороны, сражения и битвы Крымской кампании увековечены в названиях бульваров и улиц французских городов, а в России Севастополь традиционно символизировал героическое прошлое страны. С другой – исследования истории Крымской кампании, а главное, коммеморативные практики носили зачастую эпизодический характер, не имели столь масштабного характера, как другие страницы военного прошлого, уже упомянутые ранее.

Образ Крымской войны начал складываться в российском и французском общественном сознании в конце 1850-х – 1860-е гг. Главными его создателями можно считать непосредственных участников военных действий – офицеров, солдат, военных инженеров, медиков, которые оставили мемуары, поделились самыми яркими впечатле-

⁹ Хаттон П.Х. История как искусство памяти... С. 33–34.

¹⁰ Там же. С. 30, 33.

¹¹ Булыгина Т.А. Модели исторической памяти... С. 7.

¹² Гладышев А.В. Великие сражения... С. 167.

ниями о событиях в Крыму и о своем опыте. Причем подобного рода литература создавалась вплоть до начала 1900-х гг., т.е. до того времени, пока еще были живы ветераны войны. Однако нельзя не отметить, что передаваемые сведения не всегда отличались объективностью, зачастую с годами они утрачивали правдоподобность, дополнялись размышлениями и умозаключениями, которые приходили к автору значительно позже, под влиянием официальной пропаганды или при естественной переоценке пережитого. И анализ данного взаимодействия истории и памяти, причем памяти, трансформирующейся в общественном сознании, представляется особенно интересным.

Воспоминания военных стали важным источником при создании образа войны, а значит, повлияли и на конструирование коллективной идентичности. Так произошло в России во второй половине XIX в., сходные же процессы были свойственны и Франции.

По мнению историка О.В. Павленко, «эта идентичность создавалась как системный проект власти, ответ на национальный сепаратизм в имперских государствах, левый радикализм молодежи и разночинцев, протесты фабричных рабочих»¹³. Сходную мысль мы можем обнаружить в знаменитой работе Ф. Арьеса, отмечавшего, что меморизация войн – это процесс, который берет истоки именно во второй половине XIX в. Ф. Арьес писал: «Никогда на Западе различные классы не знали так мало друг о друге, как во второй половине XIX в., стремясь замкнуться в мирке собственного квартала, своих родственных связей, не вступая в соприкосновение с соседними мирками. Когда вселенское движение повлекло людей, вне зависимости от их положения в обществе, в адский водоворот войны и революции, эти консервативные сообщества были вынуждены устремить взгляд за собственные пределы...»¹⁴.

Память о войнах создает своего рода основу, базу для объединения разнородных общественных слоев. И в этой связи возможно задать резонный вопрос: не является ли практика героизации исторического прошлого тем инструментом, который использует государство в определенный момент для решения собственных внутренних задач: экономических, социальных, политических?

Исторический опыт войн, которые вела Россия, всегда был мощным механизмом для консолидации общества, стимулировал к повторению подвигов предков, служил мотивацией и базой патриотического воспитания. Поскольку Крымская война явилась важным моментом не только в истории России, но и стран-участниц (Англии, Франции, Сардинии), а последствия кампании привели к изменению положения Пруссии и началу активной фазы объединения германских земель, то и в общественном сознании европейских государств события в Крыму в 1854–1856 гг. нашли живейший отклик. Дискуссии в прессе велись и по поводу ситуации на Ближнем Востоке и на Балканах, и вокруг тех причин, которые способствовали началу конфликта.

Необходимо отметить, что Крымская кампания была, по-видимому, первой европейской войной, столь активно освещаемой в медийном пространстве всех стран-участниц. В национальной прессе европейских государств публиковались военные хроники, печатались репортажи, фотографии с мест боев, из Севастополя, Инкермана, Керчи. Поэтому неслучайно Крымская кампания столь остро воспринималась не только в России, на территории которой велись военные действия, но и в английском, и французском обществе. Неудивительно, что и после войны интерес к событиям в Крыму не угас, а запрос на меморизацию войны был вполне логичным и во многом исходил не от государства и правительств, а от общества.

¹³ Павленко О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2014. № 18. С. 9.

¹⁴ Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 49.

Механизмы меморизации Крымской войны

Известно, что еще во время войны и сразу после ее окончания французы начали увековечивать свои наиболее значимые победы. Тому свидетельством – площадь Альма и мост Альма через Сену, названный в честь победы в Альминском сражении, бульвар Севастополя, улицы Крыма и Евпатории, проспект Малахов.

Для Наполеона III победа в Крымской войне имела большое политическое значение, способствовала укреплению Второй Империи. Разрушив Венскую систему, основанную на поражении Наполеона Бонапарта, она стала своего рода реваншем за катастрофу 1812–1815 гг. Неудивительно, что в первые послевоенные годы во французском обществе наблюдался явный интерес к мемуарам участников войны, началось формирование французской историографической традиции Крымской кампании, органично вписавшейся в исследования столь популярной во Франции военной истории. Кроме того, уже в апреле 1856 г. в центре Парижа был сооружен один из главных памятников Второй Империи, посвященных войне – мост Альма со статуями французских военных – зуава, пехотинца, артиллериста и гренадера, непосредственных участников кампании 1854–1856 гг.

Однако уже в 1870-е гг. Крымская война и ее герои были заметно оттеснены событиями Франко-прусской войны, колониальными конфликтами, а в начале XX в. – Первой мировой войной. В 1920-х гг. интерес к военной проблематике и вовсе ослабевает, и «история сражений» уступает место социальной и экономической истории. Кроме того, можно отметить, что если для России именно страницы военного прошлого становились той скрепой и объединяющим началом (и данная тенденция сохранялась на протяжении XIX–XX вв.), то во Франции подобной основой явилась все же Великая французская революция, укрепившая национальное единство и завершившая процесс складывания национальной идентичности. Однако, несмотря на подобное забвение Крымской кампании, война продолжает изучаться в научном сообществе¹⁵ и привлекает внимание тех французов, которые стремятся к сохранению памяти своих предков.

Военная проблематика всегда вызывала живейший интерес в российском обществе. Собственно военные действия, их результат становились порой мерилем эффективности внутренней политики, внешнеполитического курса правительства. И если Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии воспринимались в том числе как результат грамотного руководства, как доказательство некоего превосходства России и ее государственных, военных и духовных традиций, то Крымская война спровоцировала волну критики со стороны как консервативных, так и либеральных кругов российского общества. Нельзя сказать, что неудачная война была намеренно предана забвению, но в 1860-е гг. ввиду внутривнутриполитических изменений можно отметить спад интереса к военной проблематике. В общественной мысли наблюдается повышение интереса именно к внутренней проблематике, что, впрочем, вполне объяснимо. Да и во внешнеполитическом дискурсе центральное место занимает польский вопрос, а также начавшийся процесс присоединения Средней Азии¹⁶.

С другой стороны, важно отметить, что уже в ходе событий 1854–1856 гг. в России начинается меморизация битв и героев войны. В это время Крым и Сева-

¹⁵ Примером может послужить международная конференция, организованная Университетом Париж Пантеон Сорбонна 7–9 ноября 2019 г. «La guerre de Crimée, première guerre moderne?». См. программу: https://www.musee-armee.fr/fileadmin/user_upload/Documents/Colloques___conferences/Programme_colloque_Crime_e.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

¹⁶ Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–363.

стополю превратились в символ героизма русской армии, причем армии в лучших традициях блистательной екатерининской эпохи. Историк и публицист М.П. Погодин, выражая общее чувство, писал: «Севастополь показал в полном блеске все, что есть прекрасного и высокого в Русской природе...»¹⁷. Однако подлинный процесс героизации Севастополя начнется несколько позже и будет связан не только с общественным запросом и патриотическим порывом, но и с государственной политикой, направленной на создание определенного настроения в российском социуме в начале XX в.

В 1871–1878 гг. в связи с существенными изменениями на мировой арене, с обострением Восточного вопроса, крымская тема вновь возвращается в качестве предмета общественных дискуссий. Более того, публицист М.Н. Катков отмечал, что Русско-турецкая кампания 1877–1878 гг. по сути явилась продолжением Крымской войны и тех противоречий, которые вовсе не были сняты в 1856 г. Крымская война закончилась в 1878 г., утверждал М.Н. Катков, «после двадцатидвухлетнего перемирия!»¹⁸.

Неслучайно, что именно в 1870-е гг. начинается процесс героизации Севастополя, монументализации памяти о Крымской кампании, продолжившейся, фактически, до Первой мировой войны. В данный период в России, как и во Франции, публикуются многочисленные мемуары и литературные произведения, посвященные сражениям в Крыму, складывается историографическая традиция изучения причин, хода и результатов войны, вызревают определенные геополитические концепции, в которых немалое место занимает анализ международной ситуации 1850-х гг.¹⁹

Кроме того, именно в 1870-е – начале 1900-х гг. Крымская война становится важным элементом не только общественной, народной, но и государственной политики памяти. Чекаются медали, посвященные войне, создаются первые монументальные комплексы, прославляются герои²⁰. Так, в 1905 г. к 50-летию обороны Севастополя были сооружены памятники затопленным кораблям и Музей обороны Севастополя. Юбилейная дата широко отмечалась в Российской империи. Под руководством великого князя Александра Михайловича был учрежден Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны и, наверное, центральным экспонатом музея явилась знаменитая севастопольская Панорама, заказ на создание которой получил основоположник российской художественной школы батальной и панорамной живописи Ф.А. Рубо.

В 1898 г. при посещении Севастополя Николаем II были торжественно открыты памятники П.С. Нахимову, Э.И. Тотлебену и С.А. Хрулеву. Подобный образ Севастополя не утратил своей актуальности и в Советской России. Город-крепость не раз демонстрировал свой героизм в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда защитники Севастополя явились достойными продолжателями традиций середины XIX в. Кстати, данные исторические параллели прослеживаются и в фильмографии, посвященной Крымской кампании, например в картине «Адмирал Нахимов», снятой режиссером В.И. Пудовкиным в 1946 г.

Севастополь и для русской, и для французской стороны имел важное символическое значение. Для французов Севастополь стал образом победы в Крымской войне, для России – героизма и стойкости. 11-месячная оборона Севастополя, наряду с Куликовской битвой и Бородинским сражением, превратилась в исторический

¹⁷ Погодин М.П. Прибытия государя императора в Москву // Москвитянин. 1855. Т. 5. № 17, 18. С. 5.

¹⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1878. С. 64.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кузнецов А. Медали в память о Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. // Ориентир. Журнал Министерства обороны Российской Федерации. 2009. № 2. С. 76–77.

пример «моральных побед» России. Данная тенденция в полной мере сохранялась и в советскую, и в современную эпоху. Что же касается Франции, то историк А. Гутман на этот счет справедливо писал: «Слава Севастополя была мимолетной. Позор Седана до сих пор распространяется на наследие Второй Империи и на память о Наполеоне III»²¹. Однако, несмотря на данное обстоятельство, кампания 1854–1855 г. до сих пор является примером амбициозной позиции французов, символом той политики, которая вернула Франции лидирующие позиции на европейской арене. В этой связи нельзя не вспомнить слова Шарля Де Голля, который через сто лет после Крымской войны отмечал, что «пружиной развития нации являются амбиции»²². Именно они столь ярко проявились в действиях французского императора в середине XIX в.

Крымская война, таким образом, стала источником многих символов, которые в дальнейшем использовались на государственном уровне и стали объединительным началом в ходе последующих войн, в которых участвовала Россия. Более того, в российском общественном сознании середины XIX в. Крымская война сыграла важную роль, направленную на понимание собственного положения в мире, самоидентификацию, а также «открыла... глаза на многое, обличила ложных друзей и указала истинных»²³.

В целом для российского общественного сознания на протяжении всего XIX в. был свойственен живой интерес как к внутривосточной, так и к внешнеполитической составляющей. Эта особенность во многом отличала российскую общественную мысль от французской. Соглашаясь с точкой зрения историка А.В. Фененко, можно отметить, что во французском обществе полемика по проблемам внешней политики приобрела свою остроту и значимость лишь после поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг.²⁴ Данное обстоятельство исследователь объясняет «исключительно благоприятным положением, которое занимал Париж в «европейском концерте», а также «отсутствием непосредственной военной опасности на границах, ... наличием одной из самых мощных сухопутных армий»²⁵. Однако в России, какой бы мощной ни была ее армия, каких бы успехов она ни добивалась, как бы эффективно ни выполняли свои обязанности дипломаты, происходящее на мировой арене всегда было в центре внимания как консервативного, так и либерального общественно-политического дискурса. Более того, именно Крымская война спровоцировала и «появление» новой темы для размышлений: о природе войны как таковой, о ее трансцендентном смысле и его трансформации.

Крымская кампания и дискуссии о ее причинах повлекли за собой размышления о войнах в истории России, об их смысле, геополитических и историософских основаниях отечественной внешней политики. Кстати, данное явление свойственно не только для дореволюционной России. Коммеморативные практики зачастую приводят не только к размышлениям о недопущении повторения разрушительных военных конфликтов (как это происходит на примере празднования памяти Первой мировой войны во Франции), но и к дискуссиям о военной истории страны, об исторической судьбе государства, отстаивавшего право на национальную идентичность и суверенитет в противостоянии цивилизаций. Для России Крымская война и память о ней стали возможностью оценить историю страны именно в военном кон-

²¹ Gouttman A. *La guerre de Crimée 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris, 2003. P. 401.

²² Там же. P. 398.

²³ Аксаков К.С. *Эстетика и литературная критика*. М., 1995. С. 389.

²⁴ Фененко А.В. «Классический национализм» и внешнеполитические взгляды французских консерваторов XIX в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия гуманитарные науки*. 2002. № 1. С. 184–185.

²⁵ Там же. С. 185.

тексте. Например, отечественные консерваторы воспринимали события 1853–1856 гг. сквозь ракурс наполеоновских войн. Образ войны связывался с неким «очищением», «обновлением», импульсом к развитию страны.

В середине XIX в. еще не утратили силу представления о войне как о единственно возможном способе решения межгосударственных и межблоковых конфликтов, а также внешнеполитических задач государства. В то же время в международной сфере так и не появилось действенных механизмов для предотвращения вооруженной конфронтации, и даже конгрессовый этап европейской дипломатии продемонстрировал свою несостоятельность. Все же в геополитической ситуации того времени только государство с сильной армией и флотом, способное мобилизовать общество ради общих целей, могло быть достаточно уверенным в отстаивании своих интересов.

Признавая, что «война <...> есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния», российский мыслитель К.С. Аксаков отмечал, что «война часто является необходимостью и даже долгом для государства. Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо»²⁶. Вспоминая о Крымской войне, К.С. Аксаков признавал: «Человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна. Пусть, вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, – война заставляет их короче узнать и самих себя, и друг друга»²⁷. Можно добавить, что война, как и память о ней, является объединительным началом.

Наконец, еще одна составляющая меморизации войн, которая проявилась и в отношении Крымской кампании, – это реконструкция прошлого. Сохранение памяти о войне, размышления о ее природе, научные исследования, посвященные битвам и повседневной жизни на фронтах, – все эти аспекты способствуют погружению в историю. Как отмечал Ф. Арьес, историку следует «психоанализировать документы, как Марк Блок и Люсьен Февр психоанализировали средневековые и ренессансные свидетельства, чтобы выявить свойственную этим периодам ментальность – ту самую, которая была незаметна современникам и кажется удивительной на наш взгляд»²⁸. Благодаря сохранению памяти о прошлом, реконструируя его, анализируя отдельные события и явления, исследователь погружается в него. В своей знаменитой работе, посвященной проблеме коммемораций, Ф. Арьес настаивал, что «историк современности должен покинуть настоящее, чтобы положиться на референциальное прошлое»²⁹.

Выводы

Меморизация войн, в частности Крымской кампании, имеет важное значение как в научном, так и в общественном и политическом плане. Во-первых, через коммеморативные практики идет процесс изучения источниковой базы и историографической традиции, реконструируется образ войны в представлении участников и очевидцев. Причем данные практики дают возможность увидеть, как менялся образ войны, какую роль в этом процессе сыграли различные институты памяти (архивы, музеи и т.д.), смена поколений и ценностных установок. Как отмечал П. Хат-

²⁶ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 389.

²⁷ Там же.

²⁸ Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 243.

²⁹ Там же. С. 245.

тон, «история является искусством памяти», а «воспоминание связано с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое»³⁰.

Севастополь и Крым – это места памяти как для России, так и для Франции, «мемориальная территория»³¹, существование которой во многом характеризует современную эпоху. По мнению французского историка П. Нора, современный мир отличает некая «одержимость памятью». Применительно к французам он, а за ним и П. Рикёр, писали о том, что французское общество тяготеет к подобной исторической памяти, в которой ищет точку опоры и единства, т.к. «самопонимание французов идентифицировалось с историей становления государства-нации»³².

Изучая представления о Крымской войне в современном российском и французском обществе, возникает закономерный вопрос об актуальности исторической памяти о данном событии. Для России, как представляется, на этот вопрос можно ответить положительно, принимая во внимание особое отношение к Крыму и Севастополю, сформированное не политической пропагандой, а исходящее именно из исторической памяти. Что же касается Франции, то в научном сообществе совершенно явно присутствует исследовательский интерес в отношении данной военной кампании, изучаемой как с точки зрения стратегии Второй империи, так и с позиций военно-исторической антропологии. Недавние археологические раскопки в Крыму убеждают в том, что и в российском, и во французском обществе существует определенный запрос не только на изучение Крымской кампании, но и на сохранение памяти о ней и ее солдатах. И данный запрос не является искусственно сформированным государством³³, а, напротив, демонстрирует стремление преодолеть те противоречия, которые разделили Россию и Францию в середине XIX в. и на основе общей исторической памяти создать условия для межнационального диалога.

Поступила в редакцию / Received: 14.12.2020

References

- Aksakov, K.S. *Estetika i literaturnaya kritika*. Moscow: Iskustvo Publ., 1995 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. Russian periodicals at the turn of the 19th – 20th centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in central Asia. *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–363 (in Russian).
- Ar'yes, F. *Vremya istorii*. Moscow: OGI Publ., 2011 (in Russian).
- Bazancourt, C.L. *L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient*. Paris: Amyot, 1856 (in French).
- Bazancourt, C.L. *La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient*. Paris: [N.s.], 1856–1857 (in French).
- Bestuzhev, I.V. *Krymskaya voyna 1853–1856 gg.* Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1956 (in Russian).
- Bogdanovich, M.I. *Krymskaya voyna 1853–1856 gg.* Moscow: Eksmo Publ., 2014 (in Russian).
- Bulygina, T.A. "Modeli istoricheskoy pamyati v vospominaniyakh o voyne." In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, 5–19. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 2010 (in Russian).
- Chicherin, B.N. *Vostochnyy vopros s russkoy tochki zreniya*. Moscow: [N.s.], 1860 (in Russian).

³⁰ Хаттон П.Х. История как искусство памяти... С. 23.

³¹ De Meaux L. La Crimée, territoire mémoriel: mémoire de la guerre, d'hier à aujourd'hui, dans l'espace Criméen – доклад на Международном конгрессе «La Guerre de Crimée: première guerre moderne?» 7–9 ноября 2019 г.

³² Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 131.

³³ В силу официальной позиции Франции по Крыму, как отмечается в газете «Le Figaro», освещавшей экспедицию Фонда Пьера Малиновски, во время церемонии перезахоронения французских солдат не присутствовало ни одного официального представителя Франции. См.: <https://www.lefigaro.fr/international/sebastopol-l-hommage-russe-aux-soldats-de-napoleon-iii-tombes-en-crimée-20201004> (дата обращения: 10.12.2020).

- Dubrovin, N.F. *349-dnevnyaya zashchita Sevastopolya*. St. Petersburg: Russkaya simfoniya Publ., 2005 (in Russian).
- Dubrovin, N.F. *Vostochnaya voyna 1853–1856 godov. Obzor sobyitij po povodu sochineniya M.I. Bogdanovicha sostavil N. Dubrovin*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1878 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Chernomorskiy voyennyi teatr. Po povodu Krymskoy zheleznoy dorogi*. St. Petersburg: Tipografiya Vul'fa Publ., 1870 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Mneniye o vostochnom voprose. Po povodu poslednikh resheniy na «Vooruzhennyye sily Rossii»*. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta udelov Publ., 1870 (in Russian).
- Fenenko, A.V. “Classical nationalism” and foreign policy views of the French conservatives of the 20th century.” *Voronezh State University Journal. Humanities*, no. 1 (2002): 184–201 (in Russian).
- Ferbalier, M. *Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major*. Paris: [N.s.], 1854 (in French).
- Giustiniani, H. de. *Commentaire sur les opérations militaires en Crimée*. Paris: [N.s.], 1857 (in French).
- Gladyshev, A.V. “Velikiye srazheniya v istoricheskoy pamyati ili Pochemu mashut kulakami posle drake.” In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, 167–182. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 2019 (in Russian).
- Gouttman, A. *La guerre de Crimée 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris: Perrin, 2003 (in French).
- Katkov, M.N. *Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey*. Moscow: Izdaniye S.P. Katkovoy Publ., 1897–1898 (in Russian).
- Khatton, P.Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg: «Vladimir Dal» Publ., 2003 (in Russian).
- Kuznetsov, A. “Medals in memory of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856.” *Journal of the Ministry of Defense of the Russian Federation*, no. 2 (2009): 76–77 (in Russian).
- Pavlenko, O.V. “Crimean War in the historical memory of the Russian Empire at the turn of the XX–XX centuries.” *RGGU Journal. International Relations. Foreign Regional Studies*, no. 18 (2014): 9–37 (in Russian).
- Pogodin, M.P. “Pribytiya gosudarya imperatora v Moskvu.” *Moskvityanin* 5, no. 17, 18 (1855): 1–7 (in Russian).
- Pogodin, M.P. *Istoriko-politicheskiye pis'ma i zapiski v prodolzheniye Krymskoy voyny (1853–1856)*. Moscow: Tipografiya V.M. Frish Publ., 1874 (in Russian).
- Rikor, P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004 (in Russian).
- Roy, J.-J.-E. *Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient*. Tours: Mame, 1856 (in French).
- Skitskiy, N.V. *Krymskaya voyna 1853–1856 gody*. Moscow: Veche Publ., 2006 (in Russian).
- Tatishchev, S.S. *Russkaya diplomatiya, staraya i novaya. Yevropa nakanune Vostochnoy voyny 1853–1856 godov. Polemicheskiye stat'i o diplomatii*. Moscow: LENAND Publ., 2017 (in Russian).
- Yakovlev, A. *Krymskaya voyna 1853–1856*. Moscow: Palomnik Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Малиновски Пьер, президент Фонда развития русско-французских исторических инициатив.

Pierre Malinowski, President of the Foundation for the Development of Russian-French Historical Initiatives.

Линькова Елена Валентиновна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России РУДН.

Elena V. Linkova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor of the Russian History Department, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

Научная статья / Research article

Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте

О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19,
o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация: Анализируются формирование и эволюция исторической памяти о Первой мировой войне в России в контексте подобных процессов в Европе. Рассматриваются влияние Революции 1917 г., социально-политических трансформаций советского и постсоветского периодов на политику памяти. Характеризуются факторы, определявшие особую роль политики памяти в становлении и функционировании советского государства, значение «переформатирования» памяти о Первой мировой войне в реализации задач создания нового общества и человека, подготовки к новой войне с «империалистическими» державами. Раскрывается роль наиболее влиятельных акторов политики памяти, сыгравших решающую роль в утверждении концепта «империалистической войны» в сознании советского общества: ЦК РКП(б)/ВКП(б), его Отдела агитации и пропаганды, РККА, Коминтерна. Показаны специфика и содержание деятельности РККА и Коминтерна как акторов политики памяти, их взаимодействие в период подготовки и проведения массовых политических кампаний, посвященных годовщинам войны и ее «юбилеям». Характеризуются эволюция политики памяти, корректировка концепции войны и изменения в использовании ее образа в пропаганде середины – конца 1930-х гг. Главным объектом сакрализации после Второй мировой войны в СССР стала Великая Отечественная война, а Первая мировая война осталась символом несправедливых империалистических войн.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Европа, политика памяти, историческая память, юбилей

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях».

Для цитирования: Поршнева О.С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 216–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

The Politics of Russian Memory: The Great War in the European Context

Olga S. Porshneva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia,
o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract: This article examines how the historical memory of World War I emerged and developed in Russia, and also compares it to how Europeans have thought about the conflict. The author argues that the politics of memory differed during the Soviet and post-Soviet periods. In the wake of the 1917 Revolution, Bolshevik efforts to “re-format” the memory of the Great War were part of its

© Поршнева О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

attempt to create a new society and new man. At the same time, the regime used it to mobilize society for the impending conflict with the 'imperialist' powers. The key actors that sought to inculcate the notion of the war with imperialism into Soviet mass consciousness were the Central Committee of the Bolshevik Communist Party, the Department of Agitation and Propaganda, and, in particular, the Red Army and Comintern. The latter two worked together to organize the major campaigns dedicated to war anniversaries, which were important both to reinforce the concept of imperialist war as well as to involve the masses in public commemorations, rituals and practices. The Soviet state also relied on organizations of war veterans to promote such commemorative practices while suppressing any alternative narratives. The article goes on to explain how, under Stalin, the government began to change the way it portrayed the Great War in the mid-1930s. And after the Second World War, Soviet politics of memory differed greatly from those in the West. In the USSR the Great Patriotic War was sacralized, while the earlier conflict remained a symbol of unjust imperialist wars.

Keywords: World War I, Russia, Europe, politics of memory, historical memory, anniversaries

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project № 18-18-00053 'Politics of Memory vs. Historical Memory: Napoleonic Wars and World War I in Anniversaries').

For citation: Porshneva, Olga S. "The Politics of Russian Memory: The Great War in European Context." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 216–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

Введение

В современной историографии активно разрабатывается проблематика памяти применительно к Первой мировой войне, стимулированная «мемориальным поворотом» в историографии и 100-летними юбилеями ее событий¹. Историки изучают эту тематику как в страновом, так и в компаративном ключе, на основе выявления общего и особенного в становлении политики памяти и мемориальной традиции в державах-участницах вооруженного конфликта². Пристальное внимание исследователей привлекает межвоенный период, в течение которого формировались культура памяти о войне и политика памяти, происходили осмысление и инструментализация опыта 1914–1918 гг.

Первая в истории тотальная война породила развитие современных методов управления населением через инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, возможностях социального инжиниринга, переделки сознания и поведения человека. Тем самым она дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики в XX в.

В трактовке термина «политика памяти» мы разделяем подход А. Миллера, который понимает ее как понятие «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а историческую политику как «частный случай политики памяти, для которой характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов»³.

¹ Heathorn S. The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War // *The Historical Journal*. 2005. № 4. P. 1103–1124.

² Hynes S. *A War Imagined: the First World War and English culture*. London, 1990; Mosse G.L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford, 1990; Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1996; Winter J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London, 2006; Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis, 2011; Колоницкий Б.И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // *Звезда*. 2014. № 11. С. 199–216; Politics of Memory: Commemorating War. London and New York, 2017.

³ Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера. URL://www. <http://gefeter.ru/archive/author/miller> (дата обращения 27.08.2018).

В западной и российской историографии 1990 – начала 2000-х гг. утвердилось представление о Первой мировой войне как «забытой» для России, так как, по словам Д. Орловски, «на протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую»⁴. Тезис о Первой мировой войне как «забытой» в советский период истории, как отчасти справедливый, не отвергается и сегодня исследователями, выступая как метафора, инструмент для сравнения мемориальной традиции в России и на Западе.

Историками доказано, что в советской России, в отличие от других европейских стран и США, официальная память о Первой мировой войне была превращена в элемент мифа о Революции, подчинена его логике. Причины вытеснения из российского массового сознания образа Великой войны, как подчеркивают авторы, были связаны как с исторической политикой большевиков, направленной на сознательное переформатирование коллективной памяти, так и с более масштабной, в сравнении с мировой войной, катастрофичностью событий Российской Революции и особенно Гражданской войны, ознаменованных значительно большим количеством жертв. Важную роль в изменении образа войны в ее последний период, оказавшем влияние на историческую память, сыграл фактор разочарования в ее целях, психологической демобилизации российского общества, негативный окопный опыт солдат⁵.

Сравнение российской и европейской/западной мемориальной традиции, выявление в них общего и особенного осуществляется исследователями на основе широкого круга источников, включающих как документальные комплексы, так и художественную литературу⁶. Б.И. Колоницкий на основе анализа произведений литературы и искусства, созданных в ряде стран в ходе самой войны, их общественного восприятия и социально-исторического контекста пришел к выводу о глубоких различиях военной культуры памяти в России и на Западе. В России, – пишет он, – «в 1914–1917 гг. не были созданы такие книги, такие картины, которые было бы невозможно забыть», «забвение войны» началось уже в ходе нее самой⁷. Е.С. Сенявская, напротив, обращает внимание на общие черты, характерные для формирования памяти о войне во всех странах: большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики; определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей; значимую роль «культурной фиксации» военного опыта в

⁴ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: материалы международного colloquium. СПб., 1999. С. 49.

⁵ Орловски Д. Великая война и российская память... С. 49–51; Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 93–94; Ульянова С.Б. Память об «империалистической войне»... С. 675; Колоницкий Б.И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199–216; Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // Slavic Review. 2017. Vol. 76. № 3. P. 703–709.

⁶ Petrone K. The Great War in Russian Memory...; Колоницкий Б.И. Первая мировая война.: Нагорная О.С. Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 127–140; Hellmann B. In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers // Russian Culture in War and Revolution. 1914–1922. Popular Culture, the Arts, and Institutions. Bloomington, 2014. P. 209–232; Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37.

⁷ Колоницкий Б.И. Первая мировая война... С. 216.

произведениях литературы и мемуаристики⁸. К. Петрон в своей монографии, посвященной российской памяти о Первой мировой войне в межвоенный период, также обращает внимание на интернациональные явления в культуре памяти, характерные как для европейских стран, так и для советской России. Она связывает это, в частности, с проницаемостью информационных границ между государствами в межвоенное время, осуществлением в раннесоветский период переводов произведений российских авторов на иностранные языки и, с другой стороны, – европейских авторов на русский, изданием на русском языке и распространением в советской России воспоминаний политических и военных деятелей Запада, представителей эмиграции и т.д. Все это, делает вывод К. Петрон, способствовало созданию множественных векторов памяти о войне, как в Советском Союзе, так и в Европе⁹. Опровергая историографическое клише о «забытой войне», она обоснованно утверждает, что отсутствие официальных коммемораций не означает отсутствие памяти, воспоминания и размышления о войне присутствовали постоянно в советской межвоенной культуре, даже если «империалистическая» война часто казалась простой «прелюдией» к революции или ее фоном¹⁰. О.Ю. Никонова также подчеркивает, что тема войны так или иначе присутствовала в советской действительности, но если в официальном дискурсе – в форме крайне упрощенных и реинтерпретированных в духе марксизма символов, то в других сферах – в форме «подтекста», «скрытой информации», проявлявшихся в социальных и дискурсивных практиках и мировоззренческих установках¹¹. А. Коэн подчеркивает общность «мобилизационных» целей использования памяти о войне в России и во многих частях Европы, однако выделяет и различия, связанные с разделением российской памяти между советской и эмигрантской культурами, где она имела разные значения, места памяти и символические выражения¹². К этому положению можно добавить фактор сохранения «расколотой памяти» в современной России, связанный с разным отношением людей к советскому прошлому и его наследию.

Приведенные точки зрения свидетельствуют о сохранении дискуссионного характера проблемы формирования и эволюции памяти о Первой мировой войне в России. Продвинуться в ее понимании поможет изучение взаимодействия политики памяти и массового сознания советского общества; влияния коммуникативной памяти и военного опыта отдельных групп на формирование исторической памяти и реализацию политики памяти; роль репрезентаций индивидуального восприятия прошлого в советском обществе и его соотношения с коллективной памятью. Не ставя задачу решить все эти проблемы, мы постараемся ответить на ряд вопросов, проясняющих общее и особенное в политике памяти в России и европейских странах: Каковы были факторы, определявшие особую роль политики памяти в отношении Первой мировой войны и ее особые механизмы в советском государстве; В чем была специфика российской политики памяти, а также общие черты, роднившие ее с европейскими странами? Какова роль наиболее влиятельных акторов политики памяти в советской России, сыгравших решающую роль в утверждении концепта «империалистической войны» в массовом сознании советского общества? Как акторы политики памяти взаимодействовали в период подготовки и проведе-

⁸ Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе. С. 31–37.

⁹ Petrone K. The Great War in Russian Memory... P. 10.

¹⁰ Ibid., P. 6.

¹¹ Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 498.

¹² Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 1. P. 83.

ния массовых кампаний, посвященных годовщинам войны и ее «юбилеям»? Как изменилась политика памяти в отношении Первой мировой войны в России послевоенного и постсоветского периодов?

Большевистская политика памяти: акторы и императивы

Пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации, разрыв с традициями дореволюционной России – все это способствовало утверждению в советской России ленинской концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистической» войны как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к мировой войне. Теория справедливых и несправедливых войн, разработанная Лениным, позволяла обосновать правомерность лозунга «превращения войны империалистической в войну гражданскую», борьбы с собственным правительством и буржуазией как разновидности «справедливых» войн¹³. В «Прощальном письме к швейцарским рабочим» (1917) Ленин писал: «Мы не пацифисты... мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма»¹⁴. Ленинские идеи об империалистических войнах как войнах «несправедливых» были развиты в раннесоветский период в трудах М.Н. Покровского. В предисловии к сборнику, вышедшему в 1928 г., он писал: «Война была гнило-капиталистической, грабительской, “нападательной” со стороны Антанты вообще и России, в частности, ... ни в какой степени не была “обороной отечества” и “защитой свободы”, не упраздняла, а укрепляла милитаризм, – все это остается на своем месте, как бы ни понимали мы термин “империализм”... признавали ли бы мы наличность самостоятельного “русского”, “национального” империализма, или считали Россию просто вассалом Антанты»¹⁵. М.Н. Покровский, таким образом, прямо поставил вопрос о виновности царского правительства в возникновении войны. Он впервые назвал мировую войну «забытой» для России, объяснив это крахом старого режима: «Империалистическая война у нас в СССР забыта больше, чем где бы то ни было», «Старое сожжено дотла: стоит ли вспоминать, из чего была сделана сгоревшая постройка?», – писал он¹⁶.

Особая активность в использовании инструментов политики памяти в советской России в большой степени определялась стремлением большевиков создать «нового человека», сформировать у людей новую идентичность. Последняя, как справедливо отмечает А. Ассман, наиболее эффективно конструируется посредством аффективного усвоения собственной истории через исторический миф¹⁷. Грандиозность замыслов по «переозначиванию» прошлого, масштабность задач большевистского проектирования, авторитарный характер советского режима определяли методы политики памяти. Важным обстоятельством было то, что носители коммуникативной памяти – участники событий недавнего прошлого, – были живы и могли потенциально представить конкурирующие нарративы. Образ прошлого, предлагаемый официальным дискурсом, нередко расходился с их недавним опытом, что требовало значительных государственных и партийных усилий по подавлению «неудобных» воспоминаний, «периформатированию» памяти.

Выработкой принципов и методов реализации политики памяти занимались руководящие агитационно-пропагандистские структуры коммунистической партии

¹³ Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 307–350.

¹⁴ Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91.

¹⁵ Покровский М.Н. Империалистская война. 1915–1930. Изд. 3-е. М., 2010. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 39.

и советского государства: ЦК РКП(б)/ВКП(б), РККА, Народного комиссариата просвещения, Коминтерна. Формирование официального дискурса о войне происходило на основе его подчинения большевистской концепции Революции, включения в нее в качестве составной части, превращения образа «империалистической войны» в доминирующий нарратив.

Два главных фактора – природа государства и войны, о которой вспоминают, имеют решающее влияние на оформление мемориальных нарративов. Авторитарное государство стремится, как правило, насильственно внедрить доминирующий нарратив, а интенсивные репрессии способны разорвать даже привычные механизмы трансмиссии памяти между поколениями внутри семьи. Так было в СССР в 1930-е гг., когда в полной мере проявился феномен «репрессированной памяти». Причиной ареста могли быть не только награды, но и сохраненные фотографии с изображением людей в форме царской армии¹⁸.

В советской России особую роль среди методов реализации политики памяти играли массовые празднества, важной формой которых были юбилеи. Именно в первой половине 1920-х гг. подготовка к юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП(б), в которых определялись не только формы празднования, характер юбилейных мероприятий, но и формулировались позиции и оценки, которые должны были стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных юбилейным датам¹⁹. В межвоенный период именно юбилеи стали центральными точками проявления процессов сознательного конструирования прошлого и переформатирования памяти.

Агитпроп ЦК РКП(б)/ВКП(б) разрабатывал и издавал пропагандистские материалы, предназначенные к использованию в ходе массовых кампаний, приуроченных к годовщинам мировой войны и ее «юбилеям», в системе подготовки кадров и политического просвещения населения. В них, помимо готовых пропагандистских текстов, содержались фрагменты статей В.И. Ленина и других лидеров революционного движения, документы Коминтерна, статистические материалы, карикатуры, отрывки из литературных произведений антивоенного характера. Идеи, заложенные в пропагандистских брошюрах, не только тиражировались в системе образования и прессе, но доводились до сознания населения в ходе специальных кампаний на предприятиях, в клубах, избах-читальнях.

Влиятельным актором политики памяти в отношении мировой войны стала РККА. Ее руководство было заинтересовано в изучении опыта мировой войны в интересах подготовки страны к будущей войне, укрепления ее обороноспособности, совершенствования стратегии, тактики, вооружений. С этим было связано создание «Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг.», на которую возлагалась задача изучения войны «с целью практического использования ее опыта»²⁰. После преобразования структуры и названия Комиссии²¹ в декабре 1918 г. ее председателем был назначен бывший генерал царской армии А.А. Свечин. Функции Комиссии, помимо сугубо практических, включали научно-академические: собирание архивных документов, написание и издание трудов по истории Первой

¹⁸ Быкова С.И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 38–54.

¹⁹ Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 53.

²⁰ Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (О деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 г. М., 2006. С. 27.

²¹ Там же. С. 28.

мировой войны, выпуск журнала «Военно-исторический сборник», проведение лекций²². Комиссия и ее глава А.А. Свечин ставили также задачу сохранения памяти о героическом самопожертвовании русской армии в сознании советского общества. Свечин писал: «Каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину... Воинская доблесть нуждается в культе и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»²³.

Подобная позиция отличала руководство РККА от других структур профессиональным отношением к мировой войне, преемственностью дореволюционного и постреволюционного ее понимания. Несмотря на вытеснение старых военных специалистов «красными» спецами после ухода Троцкого с поста главы Красной армии работники Военно-исторического отделения Генерального Штаба РККА продолжали активно изучать стратегический и тактический опыт, историю военных операций мировой войны. Поистине колоссальная работа по созданию, переводу, изданию трудов предстает из данных систематического указателя книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. Г. Хмелевского²⁴. Даже с учетом того факта, что указатель литературы был далеко не полным, о чем писали сами составители²⁵, он включал 1633 наименования²⁶, в том числе изданные воспоминания представителей союзников и противников, переведенные на русский язык.

Профессиональный подход, в сочетании с историко-материалистическим видением, был продемонстрирован военными специалистами и исследователями, участвовавшими в создании Военно-исторического музея – филиала Государственного исторического музея, существовавшего с 1921 по 1926 г. Он был создан из коллекций полковых музеев царской армии с целью представления истории военного быта и русского военного искусства 18 – начала 20 в.²⁷ Музей имел отдел по истории мировой войны, включавший экспонаты бывшей царской армии (знамена, иконы, предметы солдатского быта, оружие и т.д.), пользовался большой, растущей популярностью у посетителей²⁸. Это говорило о бытовании в обществе живой памяти и интересе к «германской» войне, затронувшей судьбы миллионов людей.

РККА активно взаимодействовала с другим актором политики памяти – Коминтерном, которому в 1920-х – начале 1930-х гг. принадлежала ведущая роль в ее реализации. Исполком Коминтерна (далее – ИККИ) являлся аналитическим и политическим центром, предлагавшим концептуализацию войны, организовывавшим массовые коммеморации.

Официальные коммеморации и формы общественного участия в конструировании мемориальной культуры

Коминтерн инициировал и возглавил главную юбилейную коммеморацию межвоенного периода, посвященную Первой мировой войне – массовую кампанию «Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся в 1924 г. с 27 июля

²² Свечин А.А. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. // Военно-исторический сборник. М., 1919. С. 4–6; Тархова Н.С. Как создавалась история... С. 28–36.

²³ Свечин А.А. Труды Комиссии... С. 6.

²⁴ Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914–18 гг. Систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. М., 1936.

²⁵ Там же. С. 3–4.

²⁶ Без произведений В.И. Ленина и работ, трактующих его труды.

²⁷ Государственный исторический музей. Отделение письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). Ф. 137. Д. 38. Л. 23, 38.

²⁸ Там же. Л. 38 об, 39, 51, 55.

по 4 августа в ознаменование 10-летия начала войны и «краха Второго Интернационала»²⁹. Неделя борьбы против войны носила международный характер и по официальной версии была инициирована Германской коммунистической партией в Письме ее ЦК Исполкому Коминтерна от 3 июня 1924 г.³⁰ Можно предположить, что за этой инициативой стояло Политбюро ЦК РКП(б), так как оно играло определяющую роль в подготовке и проведении V Конгресса, утвердившего проведение кампании³¹. Представители ИККИ от ЦК РКП(б) О. Куусинен, А. Лозовский, Д. Мануильский побывали на съезде КПП в апреле 1924 г. и, по-видимому, подготовили появление данной инициативы³².

11 июня 1924 г., по Постановлению Секретариата ИККИ от 10 июня, была создана Комиссия по подготовке Недели борьбы против войны. Она развернула широкую пропагандистскую кампанию за рубежом, в которую были вовлечены не только коммунистические партии, но и общественные организации левого толка.

Подготовкой и организацией кампании внутри СССР руководил непосредственно ЦК РКП(б), о чем свидетельствовало секретное Циркулярное Письмо от 11 июля, адресованное всем руководящим партийным органам на местах («всем Облбюро ЦК, ЦК Нацкомпартий, Обкомам и Губкомам РКП(б)»)³³. Для проведения кампании ЦК предлагал «организовать Комиссию в составе: АПО Губкома (Обкома), ГСПС (Губернского Совета профессиональных союзов. – *О.П.*), Политоргана соответствующей красноармейской части, Губполитпросвета, Женотдела и Губкома РКСМ»³⁴, что свидетельствовало о ее масштабности и тотальном характере, стремлении организаторов охватить все слои и группы населения. В инструкции определялись формы, даты и лозунги мероприятий. Среди их форм – массовые демонстрации 3 августа, митинги.

В дополнение к общей инструкции была разработана секретная «Инструкция о проведении кампании десятилетия империалистической войны в печати»³⁵. Документ содержал детальные рекомендации по организации пропаганды в органах печати, среди различных слоев населения, указания по тематике публикаций, их последовательности. Проведение кампании должно было сопровождаться масштабной трансляцией большевистского нарратива о мировой войне как «империалистической»³⁶.

В СССР в ходе Недели, особенно в назначенный для демонстрации день 3 августа, проходили грандиозные манифестации, в которых участвовали до десяти и более тысяч человек. Они сопровождались театральными постановками, политсудами над виновниками войны, политиграми, карнавальными шествиями³⁷. В методических материалах к 10-летнему юбилею войны для рабочих, красноармейских и школьных клубов содержались рекомендации не только принять участие в шествии, но и «придумывать более или менее оригинальные костюмы для участников шествия, например, генералов, инвалидов, калек, костюмы в виде пушек, снарядов,

²⁹ Российский государственный военных архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

³⁰ Российский государственных архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 1.

³¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 257.

³² Там же. С. 252.

³³ РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же.

³⁷ Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 79; Ульянова С.Б. Кампания против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 41–44.

танков». Группы артистов в ходе празднования Недели, согласно методическим рекомендациям, должны были представлять «агит-балаганы, частушки, сценки, живые картины для исполнения на улицах»³⁸.

Среди направлений деятельности Коминтерна было создание и координация работы интернациональных – «красных» Ассоциаций бывших участников войны, противопоставлявшихся в своей повестке и методах находившимся под влиянием социал-демократов «реформистским» Ассоциациям, созданным под эгидой Лиги Наций и других организаций³⁹. В советской России 10-летний юбилей войны ознаменовался инициативой создания Общества бывших участников империалистической войны, сформулированной 27 августа 1924 г. в Письме в Президиум Коминтерна и ЦК РКП(б) Инициативной группой – «Оргбюро»⁴⁰. Данная группа была создана на собрании бывших участников империалистической войны, состоявшемся 26 июля 1924 г. в клубе ОГПУ им. Дзержинского. Целью Общества объявлялось ведение «широкой агитации среди бывших участников войны, а через них и в самой гуще трудовых масс за идейное и активное противодействие возникновению новых империалистических войн»⁴¹. В СССР была создана и другая организация – Общество бывших российских солдат 1 и 2 особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах⁴². Устав Общества был утвержден Председателем СНК СССР А.И. Рыковым 13 февраля 1925 г. Среди его целей и задач обозначались «принятие мер к собиранию, сохранению, разработке и опубликованию материалов, касающихся жизни и принудительного задержания на работах бывших солдат 1 и 2 особых дивизионов», «увековечение в той или иной форме памяти погибших товарищей», а среди прав – проведение съездов, совещаний, конференций, вечеров воспоминаний, организация клубов, читален, командирование членов на места и за границу для сбора материалов, относящихся к пребыванию дивизии за рубежом»⁴³.

Среди ряда изданных с политическими целями воспоминаний был сборник «Октябрь за рубежом»⁴⁴, куда вошли мемуары бывших солдат, воевавших во Франции и на Балканах, активно участвовавших в революционной борьбе, преимущественно членов солдатских комитетов. Характерно, что героический дискурс, несмотря на идеологическую заточенность, «прорывался» и в них. Так, в предисловии от имени «Бюро Общества бывших русских солдат во Франции и на Балканах» причины использования союзниками русских солдат за рубежом объяснялись их высокими боевыми качествами: «Русские солдаты, которые с таким успехом ломают сопротивление “бошей”, с успехом врываются в Восточную Пруссию, в Галицию и накатываются на Карпаты, в то время, когда солдаты Франции, Англии и Бельгии, терпя поражение, откатываются к стенам Парижа»⁴⁵.

В целом, несмотря на усилия властей, тематика «трагического» героизма присутствовала, по данным К.А. Пахалюка, в воспоминаниях, выходящих в 1920–1930-е годы⁴⁶. Для мемуарной литературы 1920–1930-х гг. следование жестким канонам марксизма-ленинизма было, по его оценке, скорее исключением, нежели правилом, а гораздо большее влияние на нее оказывал набор базовых установок интерпретации социальной реальности (в том числе и прошлого), а также сложившаяся кол-

³⁸ Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война... С. 15.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30 Д. 281. Л. 63–68.

⁴⁰ Там же. Д. 83. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 4 об.

⁴² Там же. Д. 281. Л. 1–2.

⁴³ Там же. Л. 125, 125 об.

⁴⁴ Октябрь за рубежом. Сборник воспоминаний. М., 1924.

⁴⁵ Там же. С. 8–9.

⁴⁶ Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат... С. 206–236.

лективная дискуссия о Первой мировой, в частности кристаллизовавшиеся в ходе нее наиболее значимые темы, подходы, способы постановки проблемы⁴⁷.

В 1927 г. ЦК ВКП(б) и ИККИ поставили задачу создать объединенное «Общество бывших участников и жертв империалистической войны». Оно должно было строиться не на началах индивидуального членства, а в форме «федерации уже существующих и могущих быть созданными отдельных организаций», как то: ВИКО (Всероссийского производственного и потребительского объединения инвалидов), Общества бывших русских солдат во Франции и на Балканах, объединений инвалидов отдельных союзных республик и т.д.⁴⁸ Данная задача стала реализовываться в августе 1927 г., когда был разработан Проект Устава Общества⁴⁹. В Уставе определялась модель коммемораций бывших участников войны на основе обязательного соединения памяти о погибших с нарративом об антивоенной революционной борьбе⁵⁰. Основной задачей Общества провозглашалось «предотвращение возникновения империалистических войн»⁵¹. Существовали классовые и политические ограничения в отношении членства в Обществе, в которое не могли войти «лишечны» и представители «не трудовых» классов⁵².

Вечера воспоминаний бывших участников войны проводились в рамках кампаний, посвященных годовщинам «империалистической войны», Антивоенному Дню 1 августа. Несмотря на жесткий контроль, локальные практики воспоминаний во время празднования «антиимпериалистического Дня» 1 августа (с 1929 г.) иногда выходили за предписанные идеологические рамки, что вызывало негативную реакцию местных руководителей, под давлением которых «односторонние» (а по сути, – расходившиеся с официальными) оценки блокировались, как это было, например, в Уфе⁵³.

Таким образом, под политический контроль была поставлена коммуникативная память бывших участников войны путем установления надзора над создаваемыми «сверху» общественными организациями, недопущения стихийных объединений, запрета организаций, занимавших «антибольшевистские» позиции, мониторинга настроений и поведения ветеранов. «Союзы фронтовиков» – объединения, создававшиеся еще в период мировой войны, были подвергнуты репрессиям и распущены из-за их участия в антибольшевистской борьбе в годы Гражданской войны⁵⁴.

Важной составляющей политики памяти в отношении Первой мировой войны была антивоенная пропаганда, включающая критику реальных пороков договора и международных противоречий, порождаемых им. При этом акцент делался на неизбежности новой империалистической войны и/или мировой революции как закономерных последствий Версальского мира⁵⁵.

Отличительной чертой межвоенной культуры памяти в Европе, в сравнении с Россией, было то, что в реализации политики памяти легально участвовали представители гражданского общества, предлагавшие разное толкование смысла жертв и потерь, принесенных на алтарь войны. Так, в Великобритании коммеморации вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся с исполь-

⁴⁷ Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат... С. 207.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 401. Л. 194.

⁴⁹ Там же. Д. 404. Л. 24–36.

⁵⁰ Там же. Л. 25.

⁵¹ Там же. Л. 27–28.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 97.

⁵⁴ Дмитриев П.Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // ИДНАКАР. 2014. № 1. С. 5–23.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 192. Л. 14.

зованием идеалов гражданства, утвержденных подвигом павших. Однако что именно коммеморации должны были означать для общества, как подчеркивает А. Кинг, было предметом политических дебатов⁵⁶. Подобный плюрализм и борьба мемориальных нарративов имели место в Германии до 1933 г., и в межвоенной Франции⁵⁷.

Другую особенность пропагандистского дискурса о Первой мировой войне в СССР справедливо охарактеризовал А. Коэн, отметивший, что кампании в прессе в связи с годовщинами войны не включали воспоминаний специфического российского военного опыта, деталей сражений, страданий гражданских и военных лиц. Например, в 1924 и 1926 гг. рубрики «Помни о войне» призывали читателей вспоминать не конкретные события и факты, а империалистическую природу войны. Статьи фокусировали внимание на международных аспектах войны и «разъединяли» войну и специфическое российское прошлое. Мишенью антивоенных материалов (как и в пропаганде большевиков в 1914 г.) была буржуазия и ее «лакеи» – европейские социал-демократы⁵⁸.

Массовой кампанией, посвященной годовщинам «империалистической войны» и предполагавшей организацию публичных коммемораций, стал Антивоенный День 1 августа. Он был введен по решению VI Конгресса Коминтерна (1928 г.) и 10 Пленума ИККИ (июль 1929 г.), «во исполнение постановления VI Всемирного Конгресса об организации международного дня против империалистической войны»⁵⁹. Во введении Методического пособия для докладчиков и групповых агитаторов, посвященного Международному Дню борьбы против империалистической войны 1 августа, авторы подчеркивали, что отнюдь «не юбилейные соображения», хоть День и совпал с 15-летием начала войны и 10-летием Версальского мира, побудили Коминтерн поставить в центре внимания вопрос о войне⁶⁰. «1 августа – не просто обычная демонстрация или антивоенный парад, не просто обычное юбилейное напоминание о 15-летию первой всемирной империалистической войны, – отмечалось в брошюре. Международная политическая обстановка складывается так, что опасность новой войны становится самой злободневной»⁶¹. Докладчики, как предлагалось в пособии, должны были увязать борьбу против опасности новой войны с задачами текущего момента – индустриализации, социалистической переделки сельского хозяйства, борьбой с внутренним врагом⁶².

С введением Антивоенного Дня 1 августа в 1929 г. связана милитаризация практик коммемораций, посвященных «империалистической» войне, отражавшая общую тенденцию эволюции праздничной культуры на рубеже 1920–1930-х гг.⁶³ Частью праздничной программы с этого времени стали парады физкультурников и осоавиахимовцев⁶⁴. В целом, подчеркивают О.Ю. Никонова и Т.В. Раева, практика проведения Международного антивоенного Дня в 1930-е гг. упрощается и обедняет

⁵⁶ King A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939*. London, 1993. P. 3–4.

⁵⁷ Theodosiou C. *Le deuil inachevé. Lacommemoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris, 2018; Die Urkatastrophe als Erinnerung. *Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs*. Münster, 2006; Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. М., 2020. С. 323–356, 387–413.

⁵⁸ Cohen A.J. *Oh, That! Myth, Memory...* P. 80.

⁵⁹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 908.

⁶⁰ 1-е августа – международный красный день борьбы против империалистической войны. Методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов. М.-Л., 1929. С. 3.

⁶¹ Там же. С. 4.

⁶² Там же. С. 53–58.

⁶³ Рольф М. *Советские массовые праздники*. М., 2009. С. 97–110.

⁶⁴ Никонова О.Ю., Раева Т.В. *Первая мировая война...* С. 19.

ется, при этом инструментальная база воздействия на аудиторию расширяется, включает радио, звуковое кино, театр, выставки, кинопередвижки, спартакиады, позволявшие унифицировать и централизовать агитационно-пропагандистскую работу⁶⁵. В результате 1 Августа стало символом абстрактной идеи «империалистической войны», а не знаком, отсылающим к специфическому историческому событию⁶⁶. Как справедливо отметил А. Коэн, как любая публичная память, память о Первой мировой войне нацелена на создание настоящего так же, как и на воспоминания о прошлом⁶⁷. В СССР миф об «империалистической войне» отделял советскую Россию от имперского российского прошлого и враждебного капиталистического настоящего. Память о войне использовалась для представления советской версии современной реальности как борьбы между Советским Союзом и империалистическими агрессорами⁶⁸.

Изменение общественно-политической конъюнктуры – нарастание реальной угрозы войны после прихода Гитлера к власти в Германии, попытки СССР создать систему коллективной безопасности, его вступление в Лигу наций, крах надежд на скорую мировую революцию, – обусловили своеобразие юбилейного дискурса 1934 г. В нем появилась пацифистская риторика, он отличался многоаспектностью и неоднозначностью, более сложным взглядом на мировую войну писателей и публицистов⁶⁹.

Использование пацифистской риторики в 1930-е гг. не было случайным, определялось установкой ЦК ВКП(б) и решениями, принятыми на VII Конгрессе Коминтерна о необходимости единого рабочего фронта и возможности создания правительств Народного фронта для совместной борьбы с фашистской угрозой, в сотрудничестве с реформистскими, социал-демократическими, религиозно-демократическими, национально-освободительными и пацифистскими организациями⁷⁰.

От советского патриотизма к постсоветской памяти: возвращение героического дискурса?

В дискурсе 1930-х гг., посвященном «империалистической» войне, как и в целом в политической лексике этого периода, сосуществовали национальные и антивоенные элементы, пропагандировался «советский патриотизм» как приверженность социалистическому отечеству, готовность встать на его защиту. Это было относительно новым явлением и отражало национально-патриотический поворот в советской идеологии в сер. 1930-х –1941 гг. Не случайно юбилейная литература 1930-х гг., в сравнении с предшествующим периодом, обходит вопрос об ответственности России за возникновение мировой войны, а в публикациях, приуроченных к 1 августа 1939 г., Германия уже называется ее «зачинщиком». Так, в связи с 25-летним юбилеем войны, в газете «Уральский рабочий» от 1 августа 1939 г. в передовой статье, перепечатанной из «Правды» (за 31 июля 1939 г.), говорилось: «Виновниками войны являлись империалисты всех стран. А главным зачинщиком ее был германский империализм... Уроки первой империалистической войны ярко живут в памяти народов... Первая империалистическая война нанесла тяжелейший удар империализму. В надежде оправиться он затевает вторую»⁷¹.

⁶⁵ Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война... С. 20.

⁶⁶ Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory... P. 80.

⁶⁷ Там же. P. 85.

⁶⁸ Там же. P. 83.

⁶⁹ Petrone K. The Great War in Russian Memory... P. 181, 235.

⁷⁰ О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Резолюция по докладу г. Тольятти, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизм и войны. (Сборник документов). М., 1975. С. 386–387.

⁷¹ Уральский рабочий. 1939. 1 августа. С. 2.

Корректировка концепции войны, изменения в определении ее виновников, роли России в составе Антанты была закреплена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г., где делался акцент на англо-германских противоречиях как главном факторе конфликта держав, а роль России определялась как зависимая от Англии и Франции⁷².

Изменение пропаганды в отношении «империалистической» войны в конце 1930-х гг. проявлялось и во включении исторических деталей в ход коммемораций 1 Августа⁷³. Так, в 1939 г. статья Д. Заславского «Героизм русского солдата» в газете «Красная звезда» прославляла героизм, стойкость и мужество простых солдат в мировой войне. В статье говорилось: «Советская военно-историческая литература о мировой войне изобилует фактами героизма русских солдат... Русский солдат завоевал для себя новую славу во время империалистической войны»⁷⁴. В статье приводились конкретные примеры солдатской доблести, решительности, смелости, повлиявшие на исход тех или иных сражений. Содержалась констатация, что русская армия не была разбита и побеждена в 1917 г., а добровольно вышла из войны⁷⁵.

Исторические образы, связанные с Первой мировой войной, широко использовались в пропаганде в ходе Второй мировой, когда встала необходимость мобилизовать патриотизм населения для ведения Отечественной войны⁷⁶. «Империалистическая» война стала «Первой мировой», враг – не «международным империализмом», а «германским империализмом», подчеркивались общие черты, роднящие последний с нацистским экспансионизмом. В статье «Правды» от 31 июля 1942 г. опыт Красной армии связывался с опытом Русской армии в годы Первой мировой войны, значимостью Восточного фронта⁷⁷. Эксплуатировался образ «немецких зверств» в истории войн, в том числе в период 1914–1918 гг., были опубликованы документы, относящиеся к этой теме⁷⁸. Тема героизма русских солдат в годы Первой мировой войны присутствовала в воспоминаниях военачальников, вышедших после 1945 г.⁷⁹ Для мемуаров, изданных после 1945 г., свойственна, по оценке К.А. Пахалюка, «попытка примирить две ценности: патриотизм (образца царского времени) и революцию. Теперь доблестная служба в императорской армии сама по себе не имеет оттенка контрреволюционности, от которого надо откреститься»⁸⁰.

Однако в послевоенный период Первая мировая война оставалась все-таки «более полезной» в своей символической функции, а не в историческом содержании⁸¹. Главным событием исторической памяти российского общества стала «Великая Отечественная война», от исхода которой зависело само право на существование русского народа и других народов СССР. Великая Отечественная война стала в послевоенный период новой основой легитимности советской системы и в этой функции с 1970-х годов стала заменять миф о революции. С течением времени, по мере ухода живых носителей памяти о Первой мировой войне, особенно после катастрофы Второй мировой войны, «империалистическая» война надолго переместилась на «задворки» исторического сознания советского общества. Однако это не означает, что память о Первой мировой войне полностью исчезла из общественной

⁷² История коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 155.

⁷³ *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory... P. 82.

⁷⁴ Красная звезда. 1939. 1 августа.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Колоницкий Б.И.* Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199.

⁷⁷ Правда. 1942. 31 июля. С. 4.

⁷⁸ Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.

⁷⁹ *Пахалюк К.А.* Отражение героизма русских солдат... С. 211.

⁸⁰ Там же. С. 233.

⁸¹ *Cohen A.J.* That! Myth, Memory... P. 83.

жизни. Существовали три ключевых контекста, позволявшие обращаться к Первой мировой войне: исторические традиции Советской армии, предыстория «Великой Октябрьской социалистической революции» и биографии «выдающихся» граждан СССР⁸². Война не была полностью «забыта», но вложенные в нее смыслы не способствовали практикам поминовения, а ее материальное наследие было фактически предано забвению⁸³.

В историографическом плане Первая мировая война в течение всего советского периода не была «забытой», будучи тесно связанной с темой Революции, получая разработку с позиций марксистско-ленинской методологии в рамках военно-исторической, социально-экономической и политической проблематик.

В обстановке либерализации политической и общественной жизни страны второй пол. 1950-х гг., в условиях преодоления сталинского догматизма начался новый этап исследований Первой мировой войны. Он был связан с широкой публикацией источников по истории революционного движения, приуроченной к 40-летию Октябрьской революции. Воспоминания и другие документы, вышедшие в этот период, содержали богатый фактический материал, позволявший извлечь неявную информацию, что объективно создавало возможности для новых обобщений⁸⁴.

Всплеск научного интереса к истории Первой мировой войны был отмечен в СССР в связи с 50-летием ее событий, в 1964–1968 гг., когда состоялись специальные заседания Научного совета РАН, были подготовлены и изданы монографии и сборники трудов, проведены научные конференции⁸⁵.

1960-е – 80-е гг. характеризовались дальнейшим расширением источниковой базы исследований российского общества в годы Первой мировой войны: использованием разнообразных архивных материалов, опубликованных и неопубликованных статистических данных, воспоминаний, сборников документов, газетной и журнальной периодики. Значительно расширяется в эти годы проблематика научных исследований, повышается научный уровень работ.

В условиях действия этих тенденций в середине 1960-х – середине 80-х гг. появились труды, содержавшие не только ценный фактический материал, но и нетрафаретные выводы и оценки сознания и психологии массовых слоев российского общества в период Первой мировой войны и революции 1917 г.⁸⁶ Они принадлежали в основном представителям так называемого «нового направления» в историографии, возникшего на рубеже 1960–1970-х гг.

Однако ситуация в историографии не изменилась принципиально вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда в связи с перестройкой и последовавшим крушением СССР были предприняты шаги по комплексному переосмыслению истории России, включая историю Первой мировой войны.

Методологический плюрализм, снятие идеологических ограничений в использовании разнообразных по своему происхождению источников позволили историкам по-новому взглянуть на этот период, разработать новые подходы к его осмыслению. О расширении источниковой базы и общественном интересе к истории России в годы Первой мировой войны свидетельствовали выход в свет сборника «Первая мировая» из серии «История Отечества в романах, повестях, документах. Век XX», периодическая публикация материалов о Первой мировой войне в научно-популярных журналах, издание в серии «редкая книга» дневников, мемуаров участни-

⁸² Война, политика, память... С. 502–512.

⁸³ Там же. С. 506.

⁸⁴ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 30.

⁸⁵ 50 лет советской исторической науки, 1917–1967: Хроника. М., 1971. С. 430.

⁸⁶ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты... С. 31.

ков войны, документов, характеризующих состояние и быт русской армии⁸⁷. Расширению исследовательского кругозора отечественных историков способствовало использование переведенных на русский язык и оригинальных работ зарубежных исследователей по истории России рассматриваемого периода⁸⁸, а также проведение совместных симпозиумов и коллоквиумов российских и зарубежных ученых⁸⁹. Попыткой «заново оценить драматический опыт 1914–1918 гг. уже на базе объективных познавательных критериев и с учетом достижений мировой науки» стал выход в свет подготовленного институтом Всеобщей истории РАН сборника «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории»⁹⁰.

Активизация изучения Первой мировой войны была обусловлена двумя датами, отмечавшимися в 1994 и 1998 гг. – 80-летием ее начала и окончания. К этим датам были приурочены международная конференция «Первая мировая война и XX век», дискуссия отечественных историков в рамках «круглого стола», международный научный коллоквиум «Россия в Первой мировой войне»⁹¹, ознаменовавшие явно выявившуюся тенденцию интеграции концептуальных подходов российских и зарубежных ученых в исследовании Первой мировой войны.

Заметным явлением нач. 2000-х – 2010-х гг. стало преодоление разрыва в изучении собственно военной и «гражданской» истории России 1914–1917 гг., характерного для советской историографии. По оценке Ю.А. Петрова, ситуация стала меняться в связи со 100-летним юбилеем начала войны, когда вышли в свет первые обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет⁹².

В последние десятилетия, в отличие от советского периода, ситуация с памятью о войне в России коренным образом изменилась в двух отношениях. Речь идет не только о научных исследованиях Первой мировой войны («памяти историков»), но и об общественном внимании к этой теме, ее включенности в актуальную коллективную память о прошлом. Если в 2000 г. опрос россиян Фондом «Общественное мнение» показал, что ни один из респондентов не назвал Первую мировую войну среди важнейших событий современной истории⁹³, то в канун и в ходе 100-летнего юбилея она уже присутствовала в актуальной общественной повестке и общественном сознании населения. Факторы «возвращения памяти» о Первой мировой войне в современной России связаны прежде всего с отказом от советского проекта и реа-

⁸⁷ Первая мировая. История Отечества в романах, повестях и документах. Век XX. М., 1989; Родина. 1993. № 5–6, 8–9; *Войтоволский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998; Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999; *Бочкарева М.* Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001.

⁸⁸ *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1986; *Карп Э.* История Советской России: большевистская революция, 1917–1923. М., 1990; *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994; *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994; *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; *Hosking G.* A history of the Soviet Union. L., 1990.

⁸⁹ Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Рабочее движение и Первая мировая война (о книге «Забастовки, социальный конфликт и Первая мировая война. Международный аспект») // Отечественная история. 1994. № 2. С. 203–207; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997; Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб, 1999.

⁹⁰ Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 4–5.

⁹¹ Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история, 1994. № 4–5; Россия и Первая мировая война. СПб, 1999.

⁹² *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой Революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 12.

⁹³ *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory... P. 84.

билитацией ценностей дореволюционной имперской России. Можно согласиться с К. Пахалюком в том, что особую роль в этом процессе сыграло усиление идеологии государственного патриотизма в 2000-е г. с его акцентом на «сильную национальную государственность», «аффективный менеджмент прошлого» с приоритетом тематики героизма в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея войны⁹⁴.

Политика памяти в отношении Первой мировой войны в современной России претерпела определенную эволюцию в 1990-е – 2010-е гг., сохраняет противоречивый характер. Если в 1990-е гг. она была направлена на «встраивание» в пространство общеевропейской памяти, то в 2000-е – 2010-е гг. – на формирование особой национальной памяти с доминированием героического дискурса. Так, 8 ноября 1998 г., впервые после 1917 г., в России был открыт монумент, посвященный павшим в войне, – «Примирия нации» – на территории бывшего кладбища Первой мировой войны в Москве. Открытие и поминальная коммеморация состоялись в год 80-летней годовщины окончания войны. Данный акт, как справедливо подчеркивает А. Коэн, был проявлением стремления вписать российский опыт в общеевропейский контекст и общеевропейскую память, преодолеть политическое деление на Белых и Красных в современной России⁹⁵.

Возрождение памяти о войне было ознаменовано также мероприятиями в Москве в 2001 г., когда отмечалась 85-я годовщина Брусиловского прорыва, массовым открытием с 2004 г. мемориалов, музеев и музейных экспозиций, посвященных войне, особенно масштабным в период 100-летнего юбилея начала войны. 1 августа 2014 г. Президент России В.В. Путин торжественно открыл памятник героям Первой мировой войны на Поклонной горе⁹⁶, в период юбилея было создано около 100 памятников, обелисков, бюстов и мемориальных досок, а в 2018 г. обновлен портал-картотека «Памяти героев Великой войны», на котором размещены сведения о более чем 10 млн воинов русской армии⁹⁷. Знаковым стало превращение с 2013 г. 1 августа в День памяти российских воинов, погибших в 1914–1918 гг., вместо прежнего «антивоенного дня». Представление о войне как общечеловеческой трагедии, стремление актуализировать значимость ее исторических уроков, отраженных в мемориалах памяти, документах и других свидетельствах о Первой мировой войне в Европе и России, характерно для современных студентов⁹⁸.

Эволюция политики памяти в России в 2000–2010-е гг. проявилась в нарастании различий в мемориальном дискурсе и способах его репрезентации в сравнении с Западом⁹⁹. В России в объяснении причин Революции во время мировой войны и оценке социально-политической ситуации 1915–1917 гг. зачастую стали использоваться антизападные конспирологические теории (масонского, либерального заговора и т.д.), не имеющие научных оснований, но получившие достаточно широкий резонанс и репрезентацию в популярных медиа. Лидеры профессионального сообщества подвергли их критике, однако подобные версии транслируют и некоторые современные историки¹⁰⁰. В российском мемориальном дискурсе, воплощенном в

⁹⁴ Пахалюк К. 1914–2017: Первая мировая война в пространстве культурной памяти современной России. Незабывтая «забытая» война. URL: <http://www.gefter.ru/archive/22877> (дата обращения: 23.08.2018).

⁹⁵ Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory... P. 84.

⁹⁶ Открытие памятника героям Первой мировой войны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385/photos> (дата обращения: 12.09.2020).

⁹⁷ Война, политика, память... С. 519.

⁹⁸ Быкова С.И. Первая мировая война в представлениях современных студентов // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения. Екатеринбург, 2015. С. 298–308.

⁹⁹ Нагорная О.С. Музеализация Первой мировой войны в Германии и России: Юбилейные выставки между героикой и гуманизмом // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 37–43.

¹⁰⁰ См.: Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции... С. 15–16.

музейных проектах, по оценке О.С. Нагорной, вопреки достаточно развитому антропологическому направлению исторических исследований, недостаточно учитывается «человеческое измерение» войны, допускается глорификация негативного военного опыта. Это, по мнению исследователя, исключает общецивилизационные перспективы, зачастую относит на второй план античеловеческую природу войны, переживания некомбатантов (женщин, беженцев, военнопленных, инвалидов), воспроизводит милитаризированный дискурс, «диссонирующий с постгероической парадигмой европейской культурной памяти»¹⁰¹. Надо признать, однако, что воспроизводство героического дискурса времен Первой мировой войны имело место и в политике памяти других стран в период юбилейных коммемораций, и также подверглось критике академического сообщества¹⁰².

Выводы

Таким образом, в отличие от большинства европейских стран – главных участниц Первой мировой войны, в Советской России межвоенного периода историческая политика не была направлена на превращение памяти о войне в доминирующий «мемориальный проект». Она была подчинена задачам утверждения мифа о Революции, легитимации советского режима и политической мобилизации населения для подготовки к новой империалистической войне. Апеллируя к негативно-окопному опыту солдат и разочарованию значительных слоев населения в войне в ее последний период, используя методы массовой пропаганды, политического контроля и репрессий, большевики продвигали концепт «империалистической войны» в сознание общества, конструировали его коллективную память, вытесняли и подавляли альтернативные дискурсы. Осуществлялся надзор партийных и государственных органов над коммуникативной памятью ветеранов.

В то же время, как и в Европе, в России опыт мировой войны, несмотря на интернационалистский акцент в пропаганде и включение нарратива об «империалистической войне» в меганарратив о Революции, тщательно изучался и осмысливался военными специалистами и политической элитой. В СССР официальный дискурс о войне и государственные коммеморации были детерминированы доминирующей идеологией, а память о войне в разных формах стихийно проявлялась в мемориальной культуре. Однако специфика советского государства была в том, что оно стремилось во что бы то ни стало преодолеть сохранявшуюся стихийность массового сознания, целенаправленно и активно формируя коллективную память, не допуская в эту сферу конкурентов.

Во всех странах память о Великой войне была межвоенной конструкцией, именно в этот период формировалась культура памяти о войне народов, переживших глобальный вооруженный конфликт. В отличие от советской России, в Великобритании и Франции, вышедших из Первой мировой войны победившими, а также в побежденной Германии, до прихода к власти нацистов, помимо государства и его политических течений влиятельными акторами политики памяти выступали различные агенты гражданского общества, воздействовавшие на понимание того, как и что надо вспоминать.

В советской России, как и в других странах, значимую роль в мемориальной культуре межвоенного периода сыграл фактор разочарования в войне, по-разному проявившийся. В России он обозначился как отрицание «империалистической» войны,

¹⁰¹ Нагорная О.С. Музеализация Первой мировой войны... С. 43.

¹⁰² Война, политика, память... С. 468; Голубинов Я.А. Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М.; СПб., 2019. С. 71.

резонирующее с окопным опытом солдат и психологической демобилизацией российского общества в последний период мировой войны. В Великобритании, Франции и Германии – с возникновением традиции памяти, связанной с «пацифистской реакцией» и образом разочарованного комбатанта, сложившемся в литературе 1920-х – 1930-х гг. Несмотря на серьезные различия традиций памяти, возникших в межвоенный период в России и других европейских странах – участницах конфликта, в них были и иные, помимо уже отмеченных, общие черты. К ним можно отнести конфликты вокруг памяти о войне, проявлявшиеся как в Европе, так и, в своеобразной форме, – в советской России.

В 1920-е гг. в советской России сохранявшийся информационный обмен с Европой, близость недавнего прошлого и живая память его свидетелей, незавершенность эволюции авторитарного советского режима также позволяли проявляться и взаимодействовать множественным дискурсам памяти. В 1930-е гг. государство с помощью репрессий подавляло реальные и мнимые оппозиционные взгляды и настроения, в том числе – «ненадлежащую» память о прошлом.

После Второй мировой войны для европейских стран новыми явлениями в исторической памяти и политике памяти стали «объединение» памяти о павших в Первой и Второй мировых войнах. Этот феномен проявился в создании общих коммемораций, посвященных павшим в двух мировых войнах, праздновании совпадающих юбилейных дат обеих войн, актуализации «послания памяти», заложенного в ритуалы, обращении к молодому поколению, формировании общеевропейских коммемораций и общеевропейской памяти.

В СССР главным объектом сакрализации после Второй мировой войны стала Великая Отечественная война, а Первая мировая война осталась символом несправедливых империалистических войн, агрессивной природы капитализма. Несмотря на использование пропагандистских образов эпохи Первой мировой войны в интересах патриотической мобилизации в годы Великой Отечественной войны, присутствия в воспоминаниях военачальников после 1945 г. темы героизма русских солдат в годы Первой мировой войны, «объединение» памяти об этих войнах не состоялось. Более того, в политике памяти эти войны противопоставлялись как несправедливая «империалистическая» и справедливая Отечественная. Если после Второй мировой войны Первая мировая война и не была полностью «забыта», то вложенные в нее смыслы не способствовали возникновению и поддержанию практик ее поминовения, а память об этой войне отошла на периферию массового сознания.

Общим для стран Европы и России стал «мемориальный бум» 1990-х – 2010-х гг., сопровождавшийся возрождением интереса к Первой мировой войне как явлению, определившему историю 20 века, особенно ярко проявившийся в юбилейных кампаниях, превратившихся в медийные события. Несмотря на различающийся набор факторов «мемориального бума» и отличия в мемориальной культуре России и Европы, диалог традиций памяти по-прежнему возможен. Он дает надежду на формирование общего пространства памяти о величайшей трагедии 20 века.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2020

References

- Alekseeva, G.D. "Istoricheskaya nauka v Rossii posle pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii." In *Rossiya v XX veke: Sud'by istoricheskoi nauki Rossiia v XX veke: sud'by istoricheskoi nauki*, 43–58. Moscow: Nauka Publ., 1996 (in Russian).
- Выкова, С.И. " 'Punished memory': evidence of the past in the investigative materials of the NKVD." *Emergency ration. Debates on politics and culture*, no. 2 (2009): 38–54 (In Russian).

- Cohen, A.J. “Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union.” *Slavic Review* 62, no. 1 (2003).
- Dmitriev, P.N. “Organizations of former servicemen on the eve of the Izhevsk-Votkinsk uprising.” *Idnakar*, no. 1 (2014): 5–23 (in Russian).
- Golubinov, Ya.A. “Stoletie Pervoy mirovoy voiny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolkakh korolevstva.” In *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom*, 69–72. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2019 (in Russian).
- Heathorn, S. “The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain’s Great War.” *The Historical Journal*, no. 48 (2005): 1103–1124.
- Hellmann, Ben. “In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers.” In *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Popular Culture, the Arts, and Institutions*, 209–232. Bloomington: Indiana, 2014.
- Hynes, S.A. *War Imagined: The First World War and English culture*. London: the Bodley Head, 1990.
- Khmelevskiy, G. *Mirovaya imperialisticheskaya voina 1914–18 gg. Sistematicheskii ukazatel' knizhnoy i stateynoy voenno-istoricheskoy literatury za 1914–1935 gg.* Moscow: [N.s.], 1936 (in Russian).
- King, A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939*. London: University of London, 1993.
- Kolonitskii, B.I. “Pervaya mirovaya voina: kul'tura epokhi i sotsial'naya pamyat'.” *Zvezda*, no. 11 (2014): 199–216 (in Russian).
- Lenin, V.I. “Proshhal'noe pis'mo k shveytzarskim rabochim.” In *Polnoe sobranie sochineniy*, 87–94. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1974 (in Russian).
- Lohr, E., and Sanborn, J. “1917: Revolution as Demobilization and State Collapse.” *Slavic Review* 76, no. 3 (2017): 703–709.
- Malysheva, S.Yu. *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)*. Kazan: Ruten Publ., 2005 (in Russian).
- Mosse, G.L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford University press, 1990.
- Nagornaia, O.S. “Musicalization of the First World War in Germany and Russia: Jubilee Exhibitions between Heroism and Humanism.” *Perm University Journal*, no. 4 (2014): 37–43 (in Russian).
- Nagornaia, O.S. “Plen Pervoy mirovoy voiny v sovetskoy khudozhestvennoy literature: konflikt i konsensus individual'nykh perezhivaniy.” In *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoy i sovetskoy epokh*, 127–140. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014 (in Russian).
- Nikonova, O., and Raeva, T. “Pervaya mirovaya voina v prazdnichnoy kommemoratsii rannesovetskoy epokhi.” In *Problemy istorii rossiyskogo sotsiuma*, 4–23. Chelyabinsk: Tsentra nauch. Sotrudnichestva Publ., 2011 (in Russian).
- Nikonova, O.Yu. “Voennoe proshloe Rossii i sovetskiy patriotizm: k postanovke problem.” In *Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii*, 489–506. Chelyabinsk: Kamennyi poyas Publ., 2004 (in Russian).
- Nikonova, O.Yu. *Vospitanie patriotov: Osoviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoy provintsii (1927–1941 gg.)*. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2010 (in Russian).
- Orlovsky, D. “Velikaya voina i rossiyskaya pamyat'.” In *Rossiya i Pervaya mirovaya voina*, 49–57. St. Petersburg: Institut istorii RAN Publ., Dmitrii Bulanin Publ., 1999 (in Russian).
- Pakhalyuk, K.A. “Otrazhenie geroizma russkikh soldat i ofitserov Pervoy mirovoy voiny v memuarnoy literature sovetskogo perioda.” In *Velikaya voina: sto let*, 206–236. Moscow; Sankt Petersburg: [N.s.], 2014 (in Russian).
- Petrone, K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011.
- Petrov, Yu. A. “Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii.” In *Rossiiskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura*, 12–26. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2017 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Imperialisticheskaya voina. 1915–1930*. Moscow: URSS Publ., 2010 (in Russian).
- Porshneva, O.S. *Krest'iane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy Voiny*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Raeva, T.V. “Memorialization of the First World War in the USSR: ‘Agicide’ as a way of forming memory.” *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities* 14, no. 3 (2014): 11–13 (in Russian).
- Rolf, M. *Sovetskie massovyie prazdniki*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).

- Senyavskaya, E.S. "Historical memory of the First World War: features of the formation in Russia and in the West." *Vestnik MGIMO-University*, no. 2 (2009): 31–37 (in Russian).
- Tarkhova, N.S. "Kak sozdavalas' istoriya Pervoy mirovoy voyny (O deyatelnosti Komissii po issledovaniyu i ispol'zovaniyu opyta voyny 1914–1918 gg.)." In *Poslednyaya voyna Rossiyskoy imperii. Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov*, 27–36. Moscow: [N.s.], 2006 (in Russian).
- Ulyanova, S.B. "Campaign against imperialist wars in 1924: tasks, implementation, results." *Vestnik of Kostroma State University*, no. 1 (2015): 41–44 (in Russian).
- Winter, J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: [N.s.], 2006.
- Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: [N.s.], 1996.

Информация об авторе / Information about the author

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Olga S. Porshneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Научная статья / Research article

Воспоминание о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг.

С.Б. Ульянова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29,
oulianova@mail.spbstu.ru

Аннотация: Рассматриваются оценки исторического опыта Первой мировой и Гражданской войн в системе советской ретроспективной пропаганды в 1920–1930-е гг., использование «полезного прошлого» для конструирования представлений о будущих войнах. Несмотря на провозглашение политики мира, советские лидеры говорили о будущей войне как о неизбежности и пытались заранее определить ее характер, используя сравнение с конфликтами недавнего прошлого. Первая мировая война представлена в советском информационном пространстве в 1920–1930-е гг., прежде всего в социально-политическом аспекте. Отталкиваясь от ее восприятия как войны империалистической, советская пропаганда подчеркивала, что будущий конфликт неизбежно приобретет характер контрреволюционной войны против СССР. Главным источником героического военного дискурса стала Гражданская война. Постепенно сложился концепт «победоносной гражданской войны», описываемый в терминах национальной войны против внешнего врага. Главной силой, противостоявшей Советской России в 1918–1920 гг., представлялась иностранная интервенция. Ожидаемая война также мыслилась по модели интервенции. В статье проанализирован агитационный механизм репрезентации данного подхода на примере кампании, посвященной двадцатой годовщине обороны Петрограда от войск Юденича в 1919 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, историческая политика, полезное прошлое, советская пропаганда, сталинизм

Благодарности и финансирование: Работа выполнена при поддержке проекта Academic Excellence Project 5–100, предложенного Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого.

Для цитирования: Ульянова С.Б. Воспоминание о будущем: исторический опыт Первой мировой и Гражданской войн в советской пропаганде 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 236–246. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Memories from the Future: The Historical Experience of the First World War and the Civil War in Soviet Propaganda of the 1920s and 1930s

Svetlana B. Ulyanova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russia,
oulianova@mail.spbstu.ru

Abstract: The article deals with the historical experience of the First World War and the Russian Civil War as it was brought up in Soviet propaganda of the 1920s and 1930s; topic is thus the employment of a “useful past” in the production of ideas about future wars. The present research is based on

a corpus of normative texts related to the assessment of the First World War and the Civil War in the late 1920s and 1930s (including periodicals, political writings, materials of the Communist Party) as well as archival documents about campaigns dedicated to the anniversaries of the First World War and the Civil War. Despite their proclaimed policy of peace, Soviet leaders spoke of a major future war as inevitable, and tried to anticipate its nature through comparison with conflicts of the recent past. In the Soviet information space of the 1920s and 1930s, the Great War was presented primarily from a socio-political perspective. Assessing the First World War as imperialist, Soviet propaganda emphasized that the future conflict would inevitably start as a counter-revolutionary war against the USSR. The Civil War became the main source of heroic military discourse, and was presented as a national war against external enemies. The future war was thereby imagined on the model of the foreign interventions of 1918–1920. The author analyzes this approach with the example of the Soviet campaign dedicated to the twentieth anniversary of the defense of Petrograd from Yudenich's troops in 1919.

Keywords: World War I, Civil War, historical politics, useful past, Soviet propaganda, Stalinism

Acknowledgements and Funding: This research work was supported by the Academic Excellence Project 5–100 proposed by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

For citation: Ulyanova, Svetlana B. “Memories from the Future: The Historical Experience of the First World War and the Civil War in Soviet Propaganda of the 1920s and 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 236–246. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-236-246>

Введение

Современная историография подчеркивает мобилизационный и милитаризированный характер советского общества конца 1920-х – 1930-х гг.¹ Наличие постоянной внешней угрозы, реальной или воображаемой, атмосфера «осажденной крепости» служили универсальным оправданием тяжелых условий жизни и эффективным инструментом для подавления сопротивления радикальным мероприятиям, реализуемым во внутренней политике.

Советское общество в 1920–1930-е гг. жило в ожидании неизбежной войны. Какой виделась эта будущая война? Какой исторический опыт взяла на вооружение власть, конструируя ее образ? Фактически в ее распоряжении были две модели – Первая мировая или Гражданская война. В нашей статье делается попытка увидеть «следы будущего в прошлом», понять, как с помощью манипуляций с исторической памятью формировались массовые представления о новой войне.

Советская пропаганда в 1920–1930-е гг. активно использовала «полезное прошлое», поставив себе на службу недавнюю историю страны. Как говорилось в первой редакционной статье «Военно-исторического журнала», военная история должна, черпая опыт прошлого, освещать дорогу в будущее². Исследователи отмечают, что составной частью советского политического проекта являлась так называемая «ретроспективная пропаганда»³. События прошлого актуализировались, приобретали не только собственно историческую ценность, но и превращались в составную часть модели сегодняшнего дня.

¹ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018; *Velikanova O.* The first stalin mass operation (1927) // *Soviet and Post Soviet Review*. 2013. № 1. P. 64–89; *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010; *Кондрашин В.В., Сухова О.А.* Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 4. С. 979–992; Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013; *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. *Soviet Methods of Mass Mobilisation*. 1917–1929. Cambridge, 1985; *Никонова О.Ю.* Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927–1941 гг.) // *Российская история*. 2012. № 1. С. 90–104; *Брянцев М.В.* Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // *Новейшая история России*. 2017. № 3. С. 100–114.

² За ленинско-сталинскую передовую военно-историческую науку // *Военно-исторический журнал*. 1939. № 1. С. 8.

³ *Сенявская Е.С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № 2. С. 31–37; *Бранденбергер Д.* Нацио-

«Мировая буржуазия грозит пролетариату новой войной»

«Все как один против империалистской войны, на защиту завоеваний Октября!» – с таким призывом обратился ЦК ВКП(б) к трудящимся в 1927 г., накануне десятилетнего юбилея Октябрьской революции⁴. Этот воинственный лозунг был связан с военной тревогой, благодаря которой страна оказалась в состоянии «имитации войны»⁵.

Несмотря на провозглашение политики мира, руководители партии говорили о будущей войне как о неизбежности и пытались заранее определить ее характер, используя сравнение с Первой мировой войной. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 9 августа 1927 г. заявил, что грядущая война против СССР создаст обстановку, которая будет принципиально отличаться от ситуации 1914 г. Речь теперь должна идти не о войне между империалистическими государствами, а о борьбе империализма против пролетариата, «организованного как государственная власть»⁶.

Присутствие Первой мировой войны в советском информационном пространстве в рассматриваемый период заметно в нескольких аспектах. С одной стороны, как показала О.С. Поршнева, влиятельным актором исторической политики были руководители Красной Армии, заинтересованные в изучении опыта 1914–1918 гг.⁷ Поэтому в это время издавалось много военно-исторических работ, анализирующих отдельные операции Первой мировой войны⁸. Кроме оригинальных сочинений, в СССР публиковались и работы западных авторов⁹. Примечательно, что переводные издания снабжались специальными предисловиями, в которых расставлялись «правильные» акценты, объяснялись «ошибки» буржуазных авторов в оценке Первой мировой войны.

С другой стороны, в системе советской пропаганды гораздо более востребованным оказался не собственно военный, а социально-политический опыт мировой войны. Как писал один из авторов журнала «Коммунистический Интернационал», учесть опыт первой империалистической войны – это учесть опыт революционного движения¹⁰. Данный аспект хорошо замечен уже в 1924 г., когда отмечался десятилетний юбилей начала войны¹¹.

Вообще интерес к истории Первой мировой войны заметно возрастал в юбилейные годы – 1924, 1934 и особенно 1939 гг. Причем трактовка войны от юбилея к

нал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

⁴ Правда. 1927. 26 октября.

⁵ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 39.

⁶ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. М., 2020. С. 296.

⁷ Поршнева О.С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2020. Т.10. № 1. С. 153–167.

⁸ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1924; Новицкий В. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1926–1928; Корсун Н. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. М., 1938; Бородин Ф.М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1939; Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939; Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938; Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. М., 1938.

⁹ Ребольд Ж. Крепостная война в 1914–1918 гг. М., 1938; Вильсон Г. Линейные корабли в бою 1914–1918 гг. М., 1938; Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. М., 1935.

¹⁰ Нотович Ф. Учесть опыт первой империалистической войны // Коммунистический Интернационал. 1934. № 17. С. 42.

¹¹ Манифест Коминтерна к мировому пролетариату и тезисы к десятилетию мировой империалистической войны. Тифлис, 1924; Десятилетие мировой войны (Материалы для агитаторов). М., 1924; К десятилетию империалистической войны. Л., 1924.

юбилею менялась. Так, в 1924 г. советские пропагандисты старательно замалчивали роль России в Антанте и события на Восточном фронте и представляли войну, прежде всего, как конфликт западных держав¹². В 1934 г. акцент был сделан на классовую борьбу в воюющих странах¹³. Исторический опыт Первой мировой был признан значимым только в этом контексте.

В 1934 г. Центральные Комитеты компартий Франции, Англии, Германии и Польши обратились к трудовому народу всех стран с призывом помнить о миллионах жертв, о непомерных военных расходах, о несправедливых послевоенных мирных договорах, проводя прямые параллели между 1914 и 1934 гг.¹⁴ И все же будущая война должна была отличаться от Первой мировой: это должна была быть империалистическая, контрреволюционная война против СССР, который таким образом оказывался не на периферии, а в самом центре конфликта.

Постоянные напоминания в прессе о грядущей войне с отсылками к опыту 1914–1921 гг. вызывали у простых людей беспокойство и опасения, заставляли их искать любую информацию о положении в мире. В частности, материалы агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского обкома ВКП(б) показывают, что эти вопросы часто задавались на собраниях, лекциях и т.п. Например, при проработке партактивом области решений VII конгресса Коминтерна в 1935 г. слушатели спрашивали: «Придется ли нам воевать? Будет ли допускаться братание в будущей войне? Будем ли воевать, если Германия выступит против Франции? Какая из стран, готовящих войну, является для нас наиболее опасной?»¹⁵.

Лекции о международном положении пользовались большой популярностью. Особенно это заметно в 1939–1940 гг., когда разгорелись военные действия в Европе и на Дальнем Востоке. Так, судя по отчетным материалам отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома ВКП(б), из 112 лекций, прочитанных в сентябре 1940 г., 25 были посвящены международному положению, причем посещаемость этих лекций (в среднем 305 чел.) была выше, чем на других темах (154 чел.)¹⁶.

Лектор Разумовский в своем отчете в августе 1940 г. отмечал, что в результате «безобразной» организации на его лекцию о «Манифесте Коммунистической партии» на заводе «Дружная Горка» никто не пришел. Отсутствие рабочих и партийного актива завода организаторы объяснили так: «Лето, лес, озеро, речка...». В то же время Разумовского уверили, что, если будет лекция о международном положении, соберется около 300 чел.¹⁷

В докладной записке другого лектора, работавшего в Новгороде, Боровичах и Валдае, также подчеркивался высокий интерес к лекциям на тему: «Международное положение и внешняя политика СССР»: «Как правило всюду помещения, где устраивались лекции, были переполнены. Интерес к между<ародной> тематике настолько велик, что за 5–6 дней до устройства лекции, билеты обычно проданы»¹⁸.

Для всех пропагандистов нормативным текстом с 1938 г. служил «Краткий курс истории ВКП(б)», в VI главе которого были даны оценки Первой мировой войны, а в VIII главе много внимания уделено иностранной интервенции в годы

¹² Ульянова С.Б. Кампания борьбы против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 41–44.

¹³ Поль К. Опыт классовой войны в мировую войну // Коммунистический интернационал. 1934. № 16. С. 37.

¹⁴ Коммунистический Интернационал. 1934. № 20–21 С. 3.

¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 10. Д. 145. Л. 1–2, 52–54, 82–87.

¹⁶ Там же. Д. 492. Л. 35.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 84.

Гражданской войны¹⁹. Война 1914–1918 гг. была представлена как борьба за передел мира и сфер влияния, ее виновниками названы империалисты всех стран. Она была неудачной для России в военном и социально-экономическом отношении: «царская армия терпела поражение за поражением»; «война разрушала народное хозяйство России»²⁰.

В 1939 г., когда отмечалось 25-летие начала Первой мировой войны, на ее восприятие определяющее воздействие оказал острый международный кризис и начало военных действий в Европе²¹. Советская пропаганда перенесла исторический опыт четверть вековой давности на современную политическую ситуацию, на «вторую империалистическую войну». Это изменило и характер ожидавшегося столкновения СССР с внешним миром. Начавшаяся новая мировая война была представлена не как конфликт великих держав, преследующих свои интересы, а как готовящееся нападение фашистов-милитаристов-империалистов на миролюбивый Советский Союз. При этом отмечалось, что некоторые капиталистические страны тоже были заинтересованы в мире, мощной силой является и антифашистское народное движение. Поэтому, если агрессорам удастся спровоцировать новую мировую войну, то она примет характер народной войны против фашизма²².

Спустя всего несколько недель советской пропагандистской машине пришлось срочно перестраиваться²³. Если до заключения пакта Молотова – Риббентропа публицисты писали о «фашистских хищниках», подчеркивали особую агрессивность германского империализма как в настоящее время, так и накануне Первой мировой войны²⁴, то после 23 августа оценки вынужденно поменялись.

Нормативным пропагандистским текстом стало сообщение В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Смена ориентиров советской внешней политики привела и к переоценке Первой мировой войны в пропагандистском дискурсе. Так, в выступлении В.М. Молотова отмечалось: «История показала, что вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам. Самыми пострадавшими из войны 1914–18 годов вышли Россия и Германия»²⁵. Главными поджигателями войны снова, как и в 1924 г., были объявлены английские и французские империалисты.

Отсылки к опыту Первой мировой войны были использованы для оправдания пакта 23 августа и Договора о дружбе и границах 28 сентября 1939 г. В качестве примера приведем стенограмму лекции, прочитанной ответственным редактором журнала «Коммунистический Интернационал» П. Виденом (Э. Фишером) на тему «Моменты борьбы рабочего класса за рубежом» 4 января 1940 г. в Ленинградском областном комитете МОПР²⁶. Докладчик начал с тезиса о том, что после заключения пакта 23 августа Германия изменила свою политику и в начавшейся войне не является агрессором. Затем, отвечая на вопросы, он заявил о невозможности новой Антанты, так как подобный союз был бы для нашей страны менее выгоден, чем договор с Германией²⁷.

¹⁹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 154–173, 215–236.

²⁰ Там же. С. 155, 166–167.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 419. Л. 33.

²² Флорин В. Силы войны и силы мира // Ленинградская правда. 1939. 1 августа.

²³ Лейбович О.Л. «Война на Западе уже началась...»: Разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги. 2015. Т. 1. № 3. С. 18–19.

²⁴ К 25-летию первой мировой империалистической войны // Коммунистический Интернационал. 1939. № 7. С. 5.

²⁵ Молотов В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 9.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 546. Л. 1–27.

²⁷ Там же. Л. 1, 21.

В целом динамика образа Первой мировой войны на протяжении 1920–1930-х гг. варьировалась в зависимости от международной обстановки и внутривосточной ситуации. Сохраняя название «империалистическая война», советская пропаганда часто использовала ленинский тезис о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Именно Гражданская война сыграла решающую роль в формировании образа будущей войны.

«Победоносная гражданская война»

В 1939 г. в СССР появилось новое издание Наркомата обороны – «Военно-исторический журнал». В редакционной статье, открывшей его первый номер, говорилось: «Враги народа всячески мешали развитию военно-исторических знаний. Они сознательно игнорировали историческое прошлое великого русского народа, стремясь предать забвению его героическую вооруженную борьбу за самостоятельное и независимое государственное существование. Они извращали опыт победоносной гражданской войны в СССР»²⁸. В этом пассаже нам интересны не ритуальные упоминания о врагах народа, а тезис о «победоносной гражданской войне».

Как подчеркивал один из видных советских военных историков 1930-х гг. Н.Г. Корсун, «победоносная гражданская война» в СССР была школой, сформировавшей оперативное искусство и тактику Красной Армии и придавшей им своеобразные черты, присущие военному искусству победившего пролетариата²⁹. Именно Гражданская война стала главным источником героического военного дискурса, отодвинув Первую мировую на задний план.

Формирование образа Гражданской войны осуществлялось не только прямыми пропагандистскими кампаниями, но и средствами искусства. В советской литературе уже к началу 1930-х гг. сложился костяк писателей, выбравших ее своей главной темой – Вс. Вишневский, Д. Фурманов, Б. Лавренев и др. В середине 1930-х гг. на экраны страны вышли художественные фильмы о героях Гражданской войны – Чапаеве, Щорсе, Пархоменко. Гражданская война обросла обширной научно-популярной библиографией³⁰.

В советской публицистике рассматриваемого периода описание гражданской войны насыщено лексикой войны национальной: «Трудящиеся Советской республики, поднявшиеся под руководством партии Ленина – Сталина на *отечественную войну* (здесь и далее курсив наш. – С.У.) против белогвардейских банд и иностранных интервентов, одержали в 1918 г. ряд решающих побед. Трехсоттысячная *оккупационная армия*, с помощью которой *германский империализм* хотел уничтожить советскую власть и *превратить Украину в свою колонию*, была разбита»³¹. В результате в сознании людей произошло смешение образов мировой и гражданской войн.

С чем связано приоритетное внимание советской пропаганды к Гражданской войне? Во-первых, объективно для России эта война была большей трагедией, чем Первая мировая. Во-вторых, большевики не могли назвать себя победителями в империалистической войне, в отличие от гражданской.

Можно также предположить, что внимание к событиям Гражданской войны способствовало еще большему возвеличиванию И.В. Сталина, претендовавшего на славу гениального военного руководителя, организатора самых важных побед Красной

²⁸ За ленинско-сталинскую передовую военно-историческую науку // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 3.

²⁹ Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 25.

³⁰ Ананьев К.В. В боях за Перекоп. М., 1938; Датюк Н. Штурм Перекопа. М., 1939; Гуковский А.И. Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.

³¹ Боголюбов А. Разгром Колчака // Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 9.

армии. В героизации Гражданской войны были заинтересованы и руководители РККА 1930-х гг., выдвинувшиеся именно в этот период. Для них военный опыт 1918–1921 гг. был лично значимым.

Конструируя образ будущей войны на основе мифологизированного исторического опыта, нужно было поместить в него внешнего врага. Гражданская война не предусматривает такого противника, на борьбу с которым можно было бы сплотить весь народ. Именно поэтому, на наш взгляд, в дискурсе Гражданской войны в центре внимания оказывается не борьба с белым движением и иными внутренними противниками большевиков, а иностранная интервенция.

«Краткий курс истории ВКП(б)» отчеканил формулировку: в 1918 г. началась иностранная военная интервенция против Советской власти, поддержанная контрреволюционными мятежами ее врагов внутри России³². Эту тему подхватили пропагандисты на всех уровнях, называя Гражданскую войну «священной» и «справедлившей из войн» и сравнивая ее с освободительными войнами прошлого³³.

Таким образом, грядущая война мыслилась по модели интервенции. Но интервенция в реальности была всего лишь вмешательством, причем ограниченным, в Гражданскую войну. Поэтому в официальном советском дискурсе пришлось «подправить» картину: размах интервенции преувеличивался, а белые генералы оказывались просто подручными у западных империалистов. Их приход на советские территории был сродни иноземной оккупации³⁴.

Тесно связанные с интервентами белые как бы выводились из числа русских людей, оказывались «чужими» на родной земле³⁵. Советская пропаганда ни на минуту не допускала, что эти люди тоже любили свою родину и действовали в ее интересах.

В советском пропагандистском дискурсе был выработан концепт «контрреволюционной войны», которую западные державы вели против Советской России в 1918–1920 гг. Рассмотрим его на примере масштабной агитационно-пропагандистской кампании, посвященной двадцатилетию героической обороны Петрограда в 1919 г.

В 1939 г. в Ленинграде была создана специальная комиссия по организации празднования. Ее задача заключалась не столько в том, чтобы напомнить об одном из эпизодов гражданской войны, сколько в том, чтобы использовать этот эпизод для мобилизации масс и развития оборонной работы³⁶.

Особое обстоятельство заключалось в том, что Ленинград был пограничным городом. И это ощущение близости врага остро чувствовали его жители. Как говорил в мае 1932 г. один из участников конференции комсомольской организации завода «Красный Путиловец», «нельзя забывать того, что в случае объявления войны финский самолет летит до Ленинграда всего 7 минут»³⁷.

Кампания предусматривала выпуск целой серии агитационно-пропагандистских материалов. Ленинградские издательства планировали опубликовать брошюры «Тов. Сталин – организатор и руководитель обороны Петрограда»; «Оборона Петрограда от банд Юденича и иностранных интервентов»; «Балтийский флот – защитник красного Петрограда»; «Ленинград – неприступная крепость обороны страны». Сотрудники Ленинградского Истпарта должны были подготовить сборники доку-

³² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 216–217.

³³ *Белановский В., Добржинский Л.* 1 августа – Международный антивоенный день. Л., 1939. С. 8; Если родина позовет вас в бой // Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

³⁴ *Хесин С.* На Юденича. М., 1939. С. 8, 49–50.

³⁵ *Шефтель С.* Советский патриотизм. М., 1939. С. 8.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 1.

³⁷ Там же. Ф. 202 к. Оп. 2. Д. 57. Л. 145; Там же. Д. 117. Л. 26 об.

ментов и материалов, воспоминаний участников обороны Петрограда, писатели – составить сборник очерков и рассказов³⁸.

В рамках кампании была организована серия популярных лекций³⁹. Их тематика («Пулковское сражение и разгром», «Как и почему победила советская страна» и т.п.) свидетельствует о подмене понятий «гражданская война» и «национальная война»⁴⁰. Фактически один из эпизодов гражданской войны предлагалось трактовать в терминах войны межгосударственной.

Как и любая массовая кампания, празднование 20-летия разгрома Юденича не обошлось без «инициативы снизу». В данном случае застрельщиками выступили рабочие завода «Красный Октябрь», которые обратились ко всем ленинградцам с предложением включиться в массовое оборонное соревнование, установив тем самым прямую связь между событиями Гражданской войны и подготовку к войне грядущей⁴¹. В ответ на этот призыв трудящиеся брали на себя обязательства усилить работу организаций ОСОАВИАХИМа, получить значок ПВХО, приобрести навыки работы в противогазе, стать ворошиловскими стрелками, парашютистами и т.п.⁴²

В ходе кампании поход Юденича на Петроград был представлен как акция Антанты. В этой связи говорилось, что «осенью 1919 года англо-французские империалисты подготовили новый вооруженный поход против молодой Советской республики»; «героическая эпопея обороны Петрограда взволновала весь мир»; «она послужила предметным доказательством непобедимости советского народа, отстаивающего свою свободу и независимость»; «эта попытка кончилась крахом, точно так же, как и все такие же попытки поработить нашу страну»⁴³.

Еще более ярко этот сюжет проиллюстрирован в художественном фильме «Разгром Юденича» (Ленфильм, 1940 г.). В одном из эпизодов главный герой – рабочий-путиловец, большевик Иванов говорит: «Английские танки идут на Петроград». Перед этим зритель видит панораму исторического центра города с памятником Петру I и слышит отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». Все вместе создает впечатление, что на город идут иноземные захватчики, готовые его разрушить⁴⁴.

Юбилейная кампания предусматривала и целую серию праздничных мероприятий⁴⁵, которые растянулись на несколько месяцев. Среди них:

20 мая 1939 г. в Центральном парке культуры и отдыха им. С.М. Кирова (ЦПКиО) – народное гулянье, посвященное Военно-Морскому Флоту СССР;

12 июня 1939 г. – день стрелка, показ достижений массового стрелкового спорта;

18 июня 1939 г. – массовые гуляния, посвященные разгрому восстания на фортах «Красная Горка» и «Серая лошадь» в 1919 г.⁴⁶;

30 июня 1939 г. на площади Урицкого (в 1923–1944 гг. так называлась Дворцовая площадь) – парад физкультурников под лозунгом «Крепим вооруженную мощь страны Советов»;

12 июля 1939 г. – народное гулянье, посвященное 5-й годовщине образования НКВД (очевидно, включение этого праздника в план мероприятий, посвященных

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 3–4.

³⁹ Там же. Л. 27–30.

⁴⁰ Там же. Д. 490. Л. 43.

⁴¹ Ленинградская правда. 1939. 11 июля.

⁴² Там же. 1939. 15 июля.

⁴³ Залесская А. Разгром второго наступления Юденича на Петроград // Ленинградская правда. 1939. 18 октября; Город навсегда советский // Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

⁴⁴ Брыкин Н., Недоброво В. Оборона Петрограда. Л., 1939. С. 211.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 417. Л. 8–10.

⁴⁶ Елизаров М. Восстание на форте «Красная Горка» в июне 1919 г. Правда и легенды // Морской сборник. 2009. № 4. С. 69–75.

разгрому Юденича, можно объяснить особым вниманием сталинских пропагандистов к теме «пятой колонны», врагов народа и «предателей» Троцкого и Зиновьева, якобы готовившихся в 1919 году к сдаче Петрограда белым⁴⁷);

18 июля 1939 г. – народное гулянье, посвященное очередному призыву в РККА и ВМФ (призывникам напомнили, что они, говоря словами П. Тольятти, «сыны героев гражданской войны»⁴⁸);

1 августа 1939 г. – городской оборонный митинг, показ массовых оборонных видов спорта;

6 августа 1939 г. – праздник вооруженного народа в честь годовщины боев у озера Хасан;

18 августа 1939 г. – массовый народный праздник, посвященный дню авиации.

Апогеем массовых мероприятий должен был стать городской день обороны 24 октября 1939 г., посвященный «героическим победам Красной Армии и Питерского пролетариата над Юденичем у Пулковских высот».

Сваливая в одну кучу интервентов и белых, День Военно-Морского Флота и спортивный праздник, советская пропаганда не упускала из виду главное: напоминание о прошлом должно было мобилизовать людей на ударный труд и военную подготовку. В открытом письме участников обороны Красного Петрограда к ленинградским призывникам говорилось: «Советские люди постоянно помнят о своем священном долге крепить оборонную мощь любимой родины. По-стахановски работая у станков, они в то же время учатся метко стрелять из винтовки и пулемета, метать гранату, летать на самолете, водить танк»⁴⁹.

Выводы

Межвоенное советское общество являет собой пример удивительной трансформации исторической памяти о недавних событиях. В результате целенаправленных пропагандистских усилий по конструированию прошлого Гражданская война вытеснила Первую мировую и, в свою очередь, приобрела черты войны национальной. Недостаток позитивного исторического опыта противоборства Красной Армии с внешним противником был восполнен героизацией Гражданской войны.

Советская пропаганда вольно обращалась с «полезным прошлым», черпая в нем элементы идеального будущего. К концу 1930-х гг. в ней уже сложился шаблон, о каких войнах и в каком ключе нужно напоминать советским гражданам, чтобы способствовать формированию мобилизационных настроений и подготовить их к будущей войне.

В пропагандистских оценках Первой мировой войны в 1920-е – 1930-е гг. господствовал дискурс империалистической войны, столкновения «мировых хищников». Такая война не могла служить моделью для будущих конфликтов. Поэтому за образец была взята война гражданская, которой, в свою очередь, придали черты справедливой войны, в которой народ защищал свою страну от внешнего врага.

Интерес советской пропаганды к историческому опыту Первой мировой и Гражданской войн носил «волнообразный» характер, оживлялся в связи с юбилейными кампаниями, а также с изменениями в международной обстановке. При каждом повороте советской внешней и внутренней политики менялся и ракурс воспри-

⁴⁷ Priestland D. *Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power, and terror in inter-war Russia*. N.Y., 2007. P. 4.

⁴⁸ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 263.

⁴⁹ Ленинградская правда. 1939. 21 октября.

ятия прошлого. Таким образом, и Первая мировая, и Гражданская войны неоднократно «пересоздавались», формируя представления о будущей войне, неизбежность которой никем не оспаривалась.

Поступила в редакцию / Received: 16.01.2021

References

- Anan'ev, K.V. *V boyakh za Perekop*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Belanovskiy, V., and Dobrzhinskiy, L. *1 avgusta – Mezhdunarodnyy antivoennyy den'. K 25-letiyu Pervoy mirovoy imperialisticheskoy voyny*. Leningrad: Lensovet Publ., 1939 (in Russian).
- Bogolyubov, A. "Razгром Kolchaka." *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no.1 (1939): 9–23 (in Russian).
- Borodin, F.M. *Mirovaya vojna 1914–1918 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Brandenberger, D. *Natsional-Bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2009 (in Russian).
- Bryantsev, M.V. "The Anglo-Soviet conflict of 1927 as seen by the population of the Soviet province." *Modern History of Russia*, no. 3 (2017): 100–114 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.308>
- Brykin, N., and Nedobrovo, V. *Oborona Petrograda*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1939 (in Russian).
- Datyuk, N. *Shturm Perekopa*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Elizarov, M. "Uprising at Fort 'Krasnaya Gorka' in June 1919 Truth and Legends." *Morskoy sbornik*, no. 4 (2009): 69–75, no. 5 (in Russian).
- Gibson, R., and Prendergast, M. *Germanskaya podvodnaya vojna 1914–1918 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1935 (in Russian).
- Goldman, W. *Terror i demokratiya v epokhu Stalina. Sotsial'naya dinamika repressiy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Golubev, A.V. "Soviet society and the 'war alarms' of the 1920s." *Russian History*, no. 1 (2008): 36–58 (in Russian).
- Goncharov, G.A., Bakanov, S.A., Grishina, N.V., Pass, A.A., and Fokin, A.A. *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiskogo obshchestva v XX veke*. Cheliabinsk: Entsiklopediya Publ., 2013 (in Russian).
- Gukovskiy, A.I. *Likvidatsiya Permskoy katastrofy*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Hesin, S. *Na Udenicha*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Kenez, P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917–1929*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Kondrashin V.V., and Sukhova, O.A. "The collective farm system as the main resource of the mobilization economy of the USSR in the 1930s–1950s." *Modern History of Russia* 9, no. 4 (2019): 979–992. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.410> (in Russian).
- Korsun, N.G. "Nekotorye operativnye vyvody iz poslednikh voyn." *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 1 (1939): 24–37 (in Russian).
- Korsun, N.G. *Erzerumskaya operatsiya: Na Kavkazskom fronte mirovoy vojny v 1915–1916 gg*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Krasil'nikov, S.A. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018 (in Russian).
- Kudriavtsev, I.I., *Ob'edinennyy plenium TsK i TsKK VKP(b). 29 iyulya – 9 avgusta 1927 g.: Dokumenty i materialy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2020 (in Russian).
- Leibovich, O.L. "The war in the West has already begun...": Conversations in 1939 in barracks, prisons and queues." *Steps* 1, no. 3 (2015): 14–27 (in Russian).
- Molotov, V.M. "O ratifikatsii sovetско-germanskogo dogovora o nenapadenii." *Voenno-istoricheskij zhurnal*, no. 2 (1939): 5–11 (in Russian).
- Nikonova, O.U. "Osoaviakhim as an instrument of Stalinist social mobilization (1927–1941)." *Russian History*, no. 1 (2012): 90–104 (in Russian).
- Notovich, F. "Uchest' opyt pervoi imperialisticheskoy vojny." *Kommunisticheskiy Internatsional*, no. 17 (1934): 42–44 (in Russian).
- Novitskiy, V.F. *Mirovaya vojna 1914–1918 gg.: Kampaniya 1914 goda v Bel'gii i Frantsii*. Moscow: Voenizdat Publ., 1926–1928 (in Russian).
- Podorozhny, N.E. *Narochskaya operatsiya v marte 1916 g. na russkom fronte mirovoy vojny*. Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).

- Pol', K. "Opyt klassovoi voiny v mirovuiu voynu." *Kommunisticheskiy internacional*, no. 16 (1934): 37–39 (in Russian).
- Porshneva, O.S. "'Imperialist War' in the Bolshevik memory policy: the institutional aspect (1920–1930)." *Modern History of Russia* 10, no. 1 (2020): 153–167 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.110>
- Priestland, D. *Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power, and terror in inter-war Russia*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.
- Rebol'd, Zh. *Krepostnaya voyna v 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Senyavskaya, E.S. "Historical memory of the First World War: features of the formation in Russia and in the West." *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2009): 31–37 (in Russian).
- Shafalovich, F. *Vstrechnyy boy 10-go armeyskogo korpusa na r. Zolotoy Lipe 26–29 avgusta 1914 g.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Sheftel', S. *Sovetskiy patriotizm*. Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Shirinya, K.K. *VII kongress Kommunisticheskogo Internatsionala i bor'ba protiv fashizma i voyny*. Moscow: Politizdat Publ., 1975 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs*. Moscow: Pravda Publ., 1938 (in Russian).
- Ul'yanova, S.B. "Campaign against 'imperialist wars' in 1924: tasks, implementation, results." *Vestnik of the Kostroma State University* 21, no. 1 (2015): 41–44 (in Russian).
- Vasil'ev, N. *Transport Rossii v voyne 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Velikanova, O. "The first Stalin mass operation (1927)." *Soviet and Post Soviet Review*, no. 1 (2013): 64–89 (in Russian). <https://doi.org/10.1163/18763324-04001003>
- Vil'son, G. *Lineynye korabli v boyu 1914–1918 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1938 (in Russian).
- Zaionchkovskiy, A. *Mirovaya voyna 1914–1918 gg.: Obshhiy strategicheskiy ocherk*. Moscow: Voenizdat Publ., 1924 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ульянова Светлана Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Svetlana B. Ulyanova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-247-257>

Научная статья / Research article

Региональные российские книги Памяти как форма сохранения и передачи культурно-исторической памяти об «афганской войне» 1979–1989 гг.

Т.В. Рабуш

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18, taisarabush@mail.ru

Аннотация: Предметом изучения стала историческая память о событиях крупного военного конфликта с участием СССР – войны в Афганистане 1979–1989 гг., рассматриваемая через призму издаваемых в разных регионах России книг Памяти, посвященных участникам этой войны и погибшим в ней. В настоящее время не существует отдельных исследований, посвященных изучению «афганских» книг Памяти, изданных в Российской Федерации за минувшие десятилетия, и новизна данной статьи состоит в том, что это первое исследование такого рода. Статья состоит из двух разделов: в первом изучены региональные книги Памяти, изданные в разных субъектах Российской Федерации с 1991 г. и вплоть до настоящего времени; второй раздел анализирует книги Памяти, вышедшие в свет в малых городах России как отдельный феномен коммеморации. В заключение автор описывает основные черты региональных «афганских» книг Памяти, делая акцент на том, что книги Памяти издаются и издавались при активном участии самых разных региональных организаций – начиная от местных архивов и заканчивая представителями муниципалитетов и органов власти, что говорит о том, что выпуск этих книг представляется важной задачей для государственных и общественных организаций регионов. Также особенно важен тот факт, что многие книги Памяти были переизданы, и он указывает на постоянное продолжение сбора, обработки и накопления информации о погибших в Афганистане. Региональные книги Памяти являются одной из важнейших форм сохранения и передачи исторической памяти об «афганской войне».

Ключевые слова: книги Памяти, война в Афганистане, историческая память, войны-афганцы, потери СССР в Афганистане

Для цитирования: Рабуш Т.В. Региональные российские книги Памяти как форма сохранения и передачи культурно-исторической памяти об «афганской войне» 1979–1989 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 247–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-247-257>

Regional Russian Books of Memory as a Form of Preservation and Transfer of Cultural-Historical Memory about the Afghanistan War of 1979–1989

Taisiya V. Rabush

St. Petersburg State University industrial technology and design,
18 ul. Bol'shaya Morskaya, Saint Petersburg, 191186 Russia,
taisarabush@mail.ru

Abstract: The historical memory of the Soviet military intervention in Afghanistan (1979–1989) is studied through the prism of memory books dedicated to the participants of the war and those who died in it. The present paper is the first study of the “Afghan” books of memory that were published

© Рабуш Т.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

over the past decades in different regions of Russia. The first part of this paper analyzes the regional books of memory published in various regions of the Russian Federation from 1991 to the present day; the second part analyzes the books of memory published in small cities of Russia as a separate cultural phenomenon. In conclusion, the author describes the main features of regional “Afghan” books of memory, emphasizing that the memory books are published with the active participation of various regional organizations – from local archives to representatives of municipalities – revealing that the publication of these books is part of cultural policy in the regions. Many memory books have been reprinted, which indicates the continued collection and processing of information about the military casualties in Afghanistan. The regional books of memory are one of the most important forms of preserving and transmitting the historical memory of the Afghanistan war.

Keywords: Afghanistan, books of memory, Afghanistan war, historical memory, the participation of the USSR in the Afghan war, veterans of Afghanistan, the irretrievable losses of the USSR in Afghanistan

For citation: Rabush, Taisiya V. “Regional Russian Books of Memory as a Form of Preservation and Transfer of Cultural-Historical Memory about the Afghanistan War of 1979–1989.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 247–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-247-257>

Введение

Словосочетания «память о войне», «память о военном прошлом» у жителей России нередко вызывают ассоциации с событиями Великой Отечественной войны. Но в XX в. ряд граждан СССР «прошел» через еще одну крупную войну, растянувшуюся для Советского Союза на целое десятилетие: это война в Афганистане 1979–1989 гг. Безвозвратные потери Советского Союза в этом конфликте составляют 15051 человек, а всего в Афганистане в 1980-е гг. прошли военную службу более 620 тыс. чел.¹ Поэтому слово «Афган» стало не просто сокращением от названия страны, а метафорой, а память об участии СССР в афганской войне – частью массового сознания.

В каких же формах реализуется культурно-историческая память об участии граждан СССР в афганской войне? Во-первых, в форме создания литературных произведений, которые издаются уже с 1980-х гг. Во-вторых, почти в каждом субъекте федерации РФ действует организация, объединяющая ветеранов «афганской войны» и проводящая различные мероприятия, в том числе направленные на сохранение исторической памяти об этом военном конфликте. В-третьих, в ряде городов России есть памятники воинам-«афганцам» («Черный тюльпан» в Екатеринбурге, «Разорванная звезда» в Пензе, «Разорванное братство» в Перми и др.), и их установка продолжается. В-четвертых, в разных городах и даже в некоторых районных центрах были изданы и продолжают издаваться книги Памяти, посвященные землякам, погибшим в Афганистане. Важность издания книг Памяти подтверждает и законодательство РФ – так, в одном из пунктов статьи 2 Закона РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» указывается: «Основными формами увековечения памяти погибших при защите Отечества являются... занесение их имен и других сведений о них в книги Памяти и соответствующие информационные системы»².

Задачи статьи – представить классификацию и провести анализ изданных на настоящий период времени российских региональных книг Памяти с целью выяснить, каким образом они выполняют функцию сохранения и трансляции культурно-исторической памяти об «афганской войне» в регионах России и в стране в целом.

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 563.

² Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». URL: <https://base.garant.ru/1583840/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/#friends> (дата обращения: 24.01.2021).

Обратимся к историографии вопроса. Книги Памяти существуют не только о войне в Афганистане – издано намного большее количество книг Памяти, посвященных жертвам репрессий 1930-х гг. и погибшим в Великой Отечественной войне. В отечественной науке уже начато изучение книг Памяти о погибших в Великой Отечественной войне³ и о репрессированных в 1930-е гг.⁴ Конкретно «афганские» книги Памяти описываются в монографии украинских авторов А.А. Костыри и С.В. Червонопиского «Історіографія війни в Афганістані (25 грудня 1979 – 15 лютого 1989 рр.)»⁵, но применительно к книгам Памяти авторы пишут лишь об их существовании как одном из элементов историографии и сосредотачиваясь на книгах Памяти, изданных на территории постсоветской Украины. Если говорить в целом об увековечении памяти погибших в Афганистане, то эта тема затронута в статье О.В. Андреева⁶, но, во-первых, помимо Афганистана, там идет речь и об участии советских и российских военнослужащих в других вооруженных конфликтах; а во-вторых, акцент сделан на увековечении памяти участников военных конфликтов – уроженцев Чувашской Республики. Таким образом, в историографии заявленная в статье проблема не получила должного освещения.

«Афганские» книги Памяти субъектов Российской Федерации

На данный период времени с даты вывода советских войск из Афганистана прошло немногим более тридцати лет, и можно подвести некоторые итоги, говоря о сохранении культурно-исторической памяти об этом военном конфликте. Все книги Памяти, изданные за последнее десятилетие XX в. и два первых десятилетия XXI в., можно разделить по двум принципам: по хронологическому и по территориальному. Автор предпочел взять за основу хронологический принцип, рассматривая издания по годам их выпуска от самых «старых» к более новым.

Книги Памяти начинают издаваться в первые же годы после завершения советского участия в афганском вооруженном конфликте. Так, в 1992 г. издана одна из первых «региональных» книг Памяти, посвященная погибшим в Афганистане жителям Алтайского края⁷, а в 1993 г. – книга Памяти «Пепел Афгана»⁸ о 81 погибшем жителе города и области опубликована в Вологде. Подготовка «вологодской» книги Памяти осуществлена студенческой группой «Поиск» Вологодского государственного педагогического института, Ассоциацией воинов-интернационалистов области и работниками местных военных комиссариатов. В 1994 г. издание аналогичной книги происходит в Ульяновске⁹. В 1995 г. книга Памяти вышла в Кургане¹⁰. Также в 1995 г.

³ Иванов А.А., Кадыров Б.Г. Увековечивание исторической памяти погибших в годы Великой Отечественной войны (на примере книги Памяти Республики Татарстан) // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 15–17; Цуцулаева С.С. Книги Памяти Чеченской Республики как источник по истории участия чеченцев в Великой Отечественной войне // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 2. С. 54–61.

⁴ Уйманов В.Н. Дольше всего живет память... (к 25-летию выхода книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская») // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 136–141; Мишина Е.М. Политические репрессии в Москве и Московской области в 1930-е гг.: по страницам электронной книги Памяти репрессированных москвичей // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 3. С. 13.

⁵ Червонопиский С.В., Костыря А.А. Історіографія війни в Афганістані (25 грудня 1979 – 15 лютого 1989 рр.). Киев, 2006. С. 16–19.

⁶ Андреев О.В. Сохранение памяти о военнослужащих СССР и Российской Федерации, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1946–2009 годов // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 5–14.

⁷ Сыны Алтая. Книга Памяти. СПб., 1992.

⁸ Пепел Афгана. Памяти воинов-вологоджан, павших в Афганистане. Архангельск, 1993.

⁹ Солдаты «спрятанной» войны: Книга Памяти: Афганистан, 1979–1989. Ульяновск, 1994.

¹⁰ Книга Памяти. Воины-интернационалисты Курганской области. Курган, 1995.

книга Памяти, подготовленная Союзом ветеранских объединений Омской области, появилась в Омске¹¹. Отметим (это касается всех книг Памяти), что каждая такая книга содержит информацию о погибших в Афганистане не только того областного или республиканского центра, в котором она была издана, но и обо всех погибших уроженцах данной области/республики/края.

В 1997 г. региональные книги Памяти издаются в Твери¹², Курске¹³, Оренбурге¹⁴ и Волгограде¹⁵. В 1999 г. книга Памяти о 170 погибших южноуральцах увидела свет в Челябинске¹⁶: она включала письма военнослужащих и воспоминания близких. В 2000 г. опубликованы три книги Памяти в Республике Башкортостан, Республике Коми¹⁷ и «Черный тюльпан»¹⁸ в Екатеринбурге (343 уроженца Башкирской АССР и 236 свердловчан не вернулись из Афганистана). В создании книги Памяти Республики Коми приняли участие администрация республики и Коми Республиканский Союз ветеранов Афганистана. Екатеринбургский «Черный тюльпан» увидел свет благодаря работе областных и региональных ветеранских организаций, областных военного комиссариата и администрации и Уральского военного округа. Итак, уже в первое десятилетие после вывода советских войск из Афганистана развернулась активная публикация региональных книг Памяти, основными инициаторами и акторами чего были региональные организации ветеранов Афганистана и местные органы государственного управления.

Новое столетие не прерывает процесс публикации «афганских» книг Памяти в российских регионах. В 2001 г. книги Памяти опубликованы в Тамбове¹⁹, Новосибирске²⁰ и в Ростове-на-Дону²¹, причем ростовская книга посвящена не только ветеранам Афганистана, но и ростовчанам, погибшим в других локальных вооруженных конфликтах. Деятельность по подготовке новосибирской книги Памяти и ее издание были осуществлены на средства областной администрации, а книга Памяти «Так хочется оставить всех в живых» издана усилиями Ростовской областной организации Союза ветеранов Афганистана. В 2003 г. в Нижнем Новгороде издана книга Памяти «Поклонись кресту “афганца”»²², отличающаяся необычным форматом: на каждом развороте страниц – краткая биография погибшего нижегородца с фотографией и посвященное ему стихотворение. Эта книга является авторской, что для «афганских» книг Памяти скорее исключение – авторских среди них относительно немного. «Поклонись кресту “афганца”» не является единственной книгой Памяти, изданной в Нижнем Новгороде. В 2008 г. здесь был издан первый том (о погибших в Афганистане) четырехтомной серии книг об участниках локальных военных конфликтов – уроженцах Нижнего Новгорода²³.

¹¹ Омичи на земле Афганистана 1979–1989. Омск, 1995.

¹² Афганистан: ...И боль, и слезы...: Сыновья Тверской земли. Тверь, 1997.

¹³ Книга Памяти о воинах-курянах, погибших в Афганистане. Курск, 1997.

¹⁴ Родина, это твой сыновья: Книга Памяти о воинах-оренбуржцах, погибших в афганской войне и умерших после нее. Оренбург, 1997.

¹⁵ Живая боль: Реквием по жертвам афганской войны. Волгоград, 1997.

¹⁶ Вспомним всех поименно. Книга Памяти. Афганистан 1979–1989. Челябинск, 1999.

¹⁷ Книга Памяти Республики Коми. Афганистан 1979–1989. Сыктывкар, 2000.

¹⁸ Черный тюльпан: Книга Памяти, Афганистан, 1979–1989. Екатеринбург, 2000.

¹⁹ Афганистан – наша память и боль: 1979–1989 гг. Тамбов, 2001.

²⁰ Книга Памяти. Афганистан, 1979–1989. Новосибирская область. Новосибирск, 2001.

²¹ Так хочется оставить всех в живых. Книга Памяти о погибших и пропавших без вести в Афганистане и в вооруженных конфликтах (1979–2001) ростовчанам и жителям Ростовской области. Ростов-на-Дону, 2001.

²² Жуков Б.Н. Поклонись кресту «афганца»: книга Памяти нижегородских воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане в 1979–1989 годах. Нижний Новгород, 2003.

²³ Книга Памяти: исторический обзор локальных военных конфликтов. Афганистан, 1979–1989: памяти нижегородцев, погибших в ходе боевых действий в Демократической Республике Афганистан, посвящается. Нижний Новгород, 2008.

В первой половине нулевых годов XXI в. книги Памяти также были изданы в Республике Крым. В 2001 г. авторская книга ««Афганцы» Добровской долины» была опубликована в Симферополе²⁴ (впрочем, она посвящена не всем «афганцам»-крымчанам, а только жителям населенных пунктов Добровского сельского совета Симферопольского района и окрестностей). В 2006 г. «появилась» книга Памяти по всем погибшим в Афганистане крымчанам²⁵.

В 2003 г. книга Памяти по Республике Карелия издана в Петрозаводске²⁶, в 2005 г. по инициативе администрации области и областной организации Российского союза ветеранов Афганистана – в Кемерово²⁷; а в 2007 г. книга Памяти²⁸ вышла в Пензе (она имеет и электронную версию²⁹). Выше упоминалось, что существуют региональные книги Памяти, посвященные не только погибшим в 1979–1989 гг. в Афганистане, а своего рода «сборные», где под одной обложкой представлены данные об уроженцах региона, погибших или воевавших в Афганистане и, например, на Северном Кавказе – такие книги Памяти были изданы в 2001 г. в Ростове-на-Дону, в 2004 г. – в Нижнем Новгороде, в 2004 г. при поддержке правительства области – в Самаре³⁰. Практика подобных «сборных» книг Памяти стала довольно распространенной в XXI в.

Иногда практиковалось и переиздание книг Памяти: так, это было осуществлено в 2005 г. в Республике Башкортостан³¹, а в 2008 г. на средства администрации города вторая книга Памяти³² издана в Оренбурге (первое издание³³ вышло в свет в 1997 г.). Книга Памяти Республики Башкортостан была подготовлена усилиями Башкирской республиканской организации Российского союза ветеранов Афганистана и депутата Государственного Собрания Республики Башкортостан Д. Купцова, который координировал работу по сбору материалов. В 2009 г. книга Памяти³⁴ была издана в Воронеже (первое ее издание выпущено в 1996 г.) – второе издание воронежской книги Памяти опубликовано в соответствии с Планом подготовки и проведения мероприятий, посвященных 20-й годовщине вывода ОКСВ³⁵ из Республики Афганистан. Увеличение объема переизданных книг Памяти достигается, как правило, за счет добавления новой информации о погибших или о пропавших без вести.

В 2010 г. силами местной ветеранской организации книга Памяти была опубликована в Смоленске³⁶; а в 2013 г. книга Памяти, подготовленная сотрудниками отделов Псковской областной научной библиотеки, издается во Пскове³⁷ –

²⁴ Брошеван В.М. «Афганцы» Добровской долины. Симферополь, 2001.

²⁵ Книга Памяти. Афганистан. Автономная Республика Крым. Симферополь, 2006.

²⁶ Семенов О.Н. Письма к живым. Книга Памяти погибших в Афганистане. Петрозаводск, 2003.

²⁷ Книга памяти. Афганистан, 1979–1989. Кемерово, 2005.

²⁸ Книга Памяти Пензенской области: Афганистан (1979–1989). СПб., 2007.

²⁹ Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. URL: <http://www.penza-veteran.ru/index.php> (дата обращения: 24.01.2021).

³⁰ Книга Памяти жителей Самарской области, погибших в военных локальных конфликтах. Тольятти, 2004.

³¹ Помяни нас, Россия... Книга Памяти о погибших и пропавших без вести в Афганистане уроженцев Республики Башкортостан. Афганистан 1979–1989. Уфа, 2005.

³² Родина, это твои сыновья. Книга Памяти о воинах-оренбуржцах, погибших в афганской войне. Оренбург, 2008.

³³ Родина, это твои сыновья: Книга Памяти о воинах-оренбуржцах, погибших в афганской войне и умерших после нее. Оренбург, 1997.

³⁴ Прощай, шурави. Книга Памяти воронежцев, погибших в Афганистане в 1979–1989 гг. Воронеж, 2009.

³⁵ Здесь и далее сокращение от «ограниченный контингент советских войск».

³⁶ «Черный тюльпан». Книга Памяти. Афганистан. 1979–1989. Смоленск, 2010.

³⁷ Они не вернулись из боя... Книга Памяти о псковичах, погибших в Афганистане. Псков, 2013.

первое издание этой же книги вышло в 2011 г. Книга «Пламя и пепел Афгана»³⁸ опубликована в Ярославле в 2014 г. – отметим, что первая ярославская книга Памяти была издана в 1994 г. В случае Ярославля к задаче сохранения памяти о погибших в Афганистане привлечены цифровые технологии: 6 мая 2006 г. губернатором Ярославской области А.И. Лисицыным в целях увековечения памяти о ярославцах, погибших при исполнении воинского долга в афганской войне, было подписано Постановление о создании электронной книги Памяти «Пламя и пепел Афгана», и сейчас существует электронная книга Памяти с аналогичным названием³⁹, где списки погибших ярославцев (76 чел.) можно просмотреть по годам и по фамилиям. В XXI в. «афганские» бумажные книги Памяти все чаще обретают виртуальное воплощение – так, в Интернете размещены пензенская книга Памяти, книга Памяти Екатеринбургa и области «Черный тюльпан»⁴⁰, и это далеко не полный список. Видимо, масштабы виртуализации памяти погибших в Афганистане будут расти, о чем пишут некоторые исследователи⁴¹ и даже появился термин «цифровое поминовение», описывающий виртуализацию мемориальных практик.

В 2014 г. книга Памяти вышла в Красноярске⁴², и в нее вошла в том числе информация про жителей Республики Хакасия: книгу подготовили сотрудники музеев, школ и библиотек города и области, члены региональных ветеранских организаций. В 2016 г. ветеранская организация Кабардино-Балкарской Республики выпустила региональную книгу Памяти, посвященную погибшим в афганском конфликте⁴³. Книга Памяти, посвященная участникам локальных вооруженных конфликтов с 1950 г. и до 2010-х гг., опубликована в 2017 г. в Иваново⁴⁴. Она появилась в рамках регионального патриотического интернет-проекта «Иваново помнит»⁴⁵. И наконец, по поручению президента Республики Татарстан двухтомная книга Памяти о воинах-афганцах издана в 2018 г. в Казани⁴⁶.

Книги Памяти используются и в проведении образовательной политики в учебных заведениях, в музеях, в библиотечной работе. Автор приведет лишь небольшое количество примеров: так, книга Памяти «Афганистан: ...И боль, и слезы...: Сыновья Тверской земли» была представлена учащимся Торопецкого колледжа в ходе мероприятий, посвященных очередной дате вывода ОКСВ из Афганистана⁴⁷; в библиотеках устраиваются выставки, на которых представляются в том

³⁸ Пламя и пепел Афгана. Книга Памяти, посвященная ярославцам, погибшим при выполнении воинского долга в Афганистане. Альбом. Ярославль, 2013.

³⁹ Пламя и пепел Афгана. Электронная книга Памяти, посвященная ярославцам, погибшим при выполнении воинского долга в Афганистане. URL: <http://afghan-yar.msk.ru/page.php?id=188> (дата обращения: 24.01.2021).

⁴⁰ Черный тюльпан: Книга Памяти, Афганистан, 1979–1989. Муниципальный музей памяти воинов-интернационалистов «Шурави» (г. Екатеринбург). URL: <https://шурави.екатеринбург.рф/novostinovyirazdel/83042> (дата обращения: 24.01.2021).

⁴¹ Ксенофонтowa И.В. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–145; Рождественская Е.Ю. Виртуализация памяти об афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М., 2015. С. 128–136.

⁴² Памяти павших. Книга Памяти Красноярского края. Афганистан, 1979–1989. Красноярск, 2014.

⁴³ Памяти павших – во имя живых! Посвящается воинам-интернационалистам КБР, погибшим в Республике Афганистан. Нальчик, 2016.

⁴⁴ Иваново помнит: Книга Памяти участников локальных войн и миротворческих миссий СССР и РФ (1950–2010-е гг.) Ивановская область. Иваново, 2017.

⁴⁵ Книга Памяти Иваново помнит. URL: <https://37kr.ru/книга-памяти-иваново-помнит/> (дата обращения: 24.01.2021).

⁴⁶ Книга Памяти ветеранов боевых действий в Афганистане (1979–1989): биографический словарь. Казань, 2018.

⁴⁷ Афганистан – живая память. Сайт ГПБОУ «Торопецкий колледж». URL: <http://торопецкколледж.рф/index.php/novosti/186-afghanistan-zhivaya-pamyat> (дата обращения: 24.01.2021).

числе региональные книги Памяти⁴⁸; «афганская» книга Памяти Красноярск и края представлена в военно-историческом музее Великой Отечественной войны «Мемориал Победы»⁴⁹ (Красноярск).

Обратим внимание на всероссийские книги Памяти «афганской» тематики и на книги Памяти Москвы и Санкт-Петербурга. Общая книга Памяти – по всем погибшим в Афганистане гражданам СССР – была составлена в Главном организационно-мобилизационном управлении Генерального штаба ВС РФ в двух томах⁵⁰ во второй половине 1990-х гг. Региональная книга Памяти Московской области была опубликована в 1990-е гг.⁵¹ В 2019 г. Генеральный штаб ВС РФ и Министерство обороны РФ составили и издали новый двухтомник по всем погибшим в Афганистане⁵². Как и переиздания региональных книг Памяти, эти два «свежих» тома с общероссийскими данными содержат обновленную информацию. В Санкт-Петербурге местная книга Памяти была издана еще в 1991 г.⁵³, а обновленный вариант, включивший информацию про ветеранов Чечни⁵⁴ и изданный при участии муниципального образования г. Петергоф и Петродворцовой общественной организации инвалидов войны в Афганистане и ветеранов боевых действий. В 2013 г. была издана Региональная книга Памяти⁵⁵, включающая и Ленинградскую область.

Итак, региональные книги Памяти, посвященные погибшим в Афганистане, начинают издаваться в первые годы после вывода советских войск из этой страны, и такая практика продолжается до настоящего времени. Обычной практикой стали переиздания книг Памяти, причем второе издание обычно содержит новую, дополнительную информацию, что говорит об активной работе по сохранению исторической памяти о погибших в Афганистане. И наконец, отметим, что самыми активными акторами в деле публикации таких книг являются региональные ветеранские организации и местные органы власти.

Феномен военной памяти «малой Родины»: книги Памяти районных центров и малых городов России

В 1999 г. книга Памяти, посвященная 17 не вернувшимся из Афганистана землякам, вышла в городе Губкин⁵⁶ (Белгородская область) – книга (скорее, брошюра) составлена в форме кратких статей-сообщений о каждом погибшем, дополненных его фотографией. Несколько «местных» книг Памяти издано в Новосибирской области: в 2004 г. – в Мошково⁵⁷, в 2009 г. – в Татарске⁵⁸, в 2010 г. – в Колы-

⁴⁸ В памяти – Афганистан! Сайт МКУК «Библиотечно-информационный центр», библиотека города Фролово Волгоградской обл. URL: http://biblioteka.mypage.ru/v_pamyati_-_afganistan.html (дата обращения: 24.01.2021).

⁴⁹ Боевые действия в Афганистане. Сайт музея «Мемориал Победы». URL: <https://memorial24.ru/voiny-internationalisty/boevye-deystviya-v-afganistane> (дата обращения: 24.01.2021).

⁵⁰ Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. М., 1995; Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. М., 1999.

⁵¹ Помяни нас, Россия...: Книга Памяти о военнослужащих Московской области, погибших в афганской войне. М., 1996.

⁵² Шамаров К.В. Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. М., 2019; Шамаров К.В. Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. М., 2019.

⁵³ Помяни нас, Россия. Книга памяти. Ленинград, 1991.

⁵⁴ Время выбрало нас! Книга Памяти. Афганистан 1979–1989. Северный Кавказ 1994–2009. СПб., 2013.

⁵⁵ Не дай, Отчизна, умолчать... Книга памяти. Афганистан. 1979–1989. СПб., 1997.

⁵⁶ Афганистан – наша боль и наша слава: губкинцам, не вернувшимся с Афганской войны, посвящается. Губкин, 1999.

⁵⁷ Время выбрало нас. Посвящается воинам-«афганцам» Мошковского района. Мошково, 2004.

⁵⁸ Солдаты необъявленной войны... Афганистан (декабрь 1979 – февраль 1989 гг.). Татарск, 2009.

вани⁵⁹ и в 2012 г. – в Маслянинском районе⁶⁰. Книги Памяти по Мошково и Колывани составлены сотрудниками местных библиотек; книга по Маслянинскому району издана при поддержке администрации района, Правительства Новосибирской области и районной ветеранской организации. В 2009 г. книги Памяти опубликованы в Стерлитамаке (Башкортостан) и в Прилузском районе⁶¹ (Республика Коми) – последняя также составлена сотрудниками библиотеки. Такого рода книга Памяти есть и в Нижегородской области – так, погибшим жителям города Бор и Борского района посвящена глава в справочнике «Гордость земли борской»⁶².

В 2012 г. при участии районного военного комиссариата издана книга Памяти в Моркинском районе Республики Марий-Эл⁶³, а в 2014 г. в Рыбинске (Ярославская область) вышла авторская книга, основанная на документах и воспоминаниях участников афганского военного конфликта⁶⁴. В том же году увидели свет книга Памяти, посвященная погибшим в Афганистане и участвовавшим в афганском военном конфликте белозерцам (Вологодская область)⁶⁵, изданная администрацией района, и книга Памяти⁶⁶ города Сарапул в Республике Удмуртия – в работе над ней приняли участие школьные учителя, журналисты и представители местной администрации. В книге, посвященной сарапульским «афганцам», собраны рассказы родных и близких, архивные документы, материалы из местных периодических изданий.

2016 г. отмечен изданием еще двух «районных» книг Памяти: Моршанска и его района⁶⁷ (Тамбовская область) и Череповца (Вологодская область)⁶⁸. Обе посвящены жителям районного центра и района, принимавшим участие и погибшим в разных локальных конфликтах XX в. В 2017 г. к 10-летию юбилею общественной ветеранской организации «Боевое братство» книга Памяти была выпущена в г. Кандалакша (Мурманская область)⁶⁹, а в 2019 г. – в Черлакске⁷⁰ (Омская область). Подготовка последней шла при поддержке сотрудников Омского государственного педагогического университета.

Отметим, что в ряде случаев издание книги Памяти в районном центре осуществлялось несмотря на то, что такая книга уже была издана в области или республике. И, как в случае с региональными книгами Памяти, инициаторами и акторами публикации «афганских» книг Памяти в малых городах России становятся местные ветеранские организации и местные органы власти, хотя иногда составление и публикация осуществляется силами еще более локальных органов – например, сотрудниками районных библиотек.

⁵⁹ Нас объединила война. Колыванцы – участники боевых действий в Афганистане 1979–1989 гг. Колывань, 2010.

⁶⁰ Афганистан 1979–1989 гг.: Воины-интернационалисты Маслянинского района. Новосибирск, 2012.

⁶¹ Книга памяти Прилузского района. Афганистан 1979–1989. Объячево, 2009.

⁶² Гордость и боль: памяти борчан, погибших в Афганистане, посвящается // Гордость земли борской: краткий библиографический справочник: посвящается 70-летию юбилею г. Бор. Нижний Новгород, 2008. С. 38–54.

⁶³ Солдаты необъявленной войны. Моркинский район. Медведево, 2012.

⁶⁴ Акимов Г.В. Помним всех. Помним все. Афганистан 1979–1989. Рыбинск, 2014.

⁶⁵ Афганистан. И доблесть, и печаль.... Белозерск, 2014.

⁶⁶ Сарапульцы на Афганской войне. Сарапул, 2014.

⁶⁷ Хвастов А.Н. Ребята, мы вас не забудем! Книга памяти о погибших в Афганистане, Закавказье и на Северном Кавказе жителей Моршанска и Моршанского района Тамбовской области. 1981–2003 гг. М., 2016.

⁶⁸ Земляки – защитники отечества. Книга памяти воинов из Череповца и Череповецкого р-на, погибших при исполнении воинского долга. Череповец, 2016.

⁶⁹ Кандалакша помнит своих сыновей: книга воспоминаний. Кандалакша, 2017.

⁷⁰ Черлакцы на земле Афганистана: справочное издание. Омск, 2019.

Выводы

В результате изучения книг Памяти, посвященных военнослужащим, погибшим в «афганской войне» 1979–1989 гг. и изданных в областях, краях и республиках России в последнее десятилетие XX в. и два первых десятилетия XXI в., удалось выявить некоторые их особенности. Автор приходит к общему выводу, что «афганские» книги Памяти не имеют четко выраженных особенностей в зависимости от региона, в котором они были составлены и изданы, а напротив, имеют много общих черт.

Так, книги Памяти составлены примерно по одному образцу – фотография и Ф.И.О. погибшего; место, дата и обстоятельства гибели; биографическая справка. В некоторых книгах погибшие перечислены по алфавиту; в некоторых – по годам гибели (сначала погибшие в 1980 г., потом погибшие в 1981 г. и т.д.). Ряд книг Памяти содержат воспоминания ветеранов, вернувшихся из Афганистана. Некоторые книги Памяти имеют предисловие о предыстории и ходе войны в Афганистане, как, например, в книгах Памяти Екатеринбурга, Ленинградской области. Книги в основном богато иллюстрированы и снабжены многочисленными фотографиями, они красочные, имеют отличное качество печати. Тираж, как правило, небольшой. «Афганские» книги Памяти составлены в большинстве случаев коллективом авторов, но есть некоторое количество книг, имеющих конкретного автора – обычно это ветеран Афганистана (книги Памяти Рыбинска, Добровского района в Крыму) или же действующий военный (книга Памяти Моршанска).

Практически все региональные книги Памяти изданы при содействии и по инициативе местных ветеранских организаций, органов местной власти и муниципальных органов, региональных военных комиссариатов. Значимую роль в деле составления практически всех книг Памяти сыграли местные библиотеки и архивы, материалы которых использованы во многих региональных книгах Памяти. Таким образом, составление и издание «афганских» региональных книг Памяти становится делом, в котором принимают активное участие как общественные некоммерческие (например, ветеранские), так и государственные организации какого-либо субъекта федерации – властные структуры области/республики/края, учреждения культуры (архивы, библиотеки), вузы, органы из структуры МО РФ (военные комиссариаты). Издание книг Памяти об Афганистане является, по сути, частью культурной политики регионов. Причем практически во всех случаях инициатива по изданию книги Памяти исходит от местных общественных (как правило, ветеранских) и/или государственных организаций (обычно органов власти). Хотя региональная мемориальная политика поощряется на общегосударственном уровне, в том числе и законодательно.

Особым феноменом коммеморации «афганской войны» стали книги Памяти, изданные в малых городах России – в районных центрах или поселках. Трепетное отношение составителей и издателей таких книг к военному прошлому своей малой Родины очень примечательно, особенно с учетом того, что в ряде случаев такие книги Памяти издавались в тех районных центрах, для областного или республиканского центра которого уже издана «афганская» книга Памяти. Книги переиздаются, пополняясь новой информацией.

В XXI в. появилось такое явление, как «сборные» книги Памяти, посвященные не только погибшим в Афганистане, но и погибшим в других локальных вооруженных конфликтах второй половины XX в. (книги Памяти Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Череповца и др.). По мнению автора, это говорит о том, что «афганская война» постепенно уходит из сферы политики в сферу истории, обретая свое место в ряду прочих военных конфликтов в истории России.

Региональные организации, участвующие в создании и публикации «афганских» книг Памяти, все чаще прибегают к информационным технологиям для их

распространения. Например, ярославская книга Памяти «Пламя и пепел Афгана» имеется в электронном виде; книга Памяти Екатеринбурга и области доступна на сайте екатеринбургского муниципального музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави»; книги Памяти Новосибирска и области и районных центров области доступны для чтения на Новосибирском краеведческом портале и т.д. Книги Памяти используются и в процессе образования (от среднего до высшего), и в сфере культурной деятельности – особенно в работе музеев и библиотек.

«Афганские» региональные книги Памяти – важное средство сохранения и трансляции культурно-исторической памяти и о соотечественниках, погибших в Афганистане; и о самой «афганской войне» как значимой вехе в истории СССР/России XX в. Конечно, книги Памяти не могут быть единственным средством коммеморации афганского вооруженного конфликта 1979–1989 гг., но их место в этом деле крайне значимо.

Поступила в редакцию / Received: 22.07.2020

References

- Ageyev, V.D. *Afganistan – nasha pamyat' i bol': 1979–1989 gg.* Tambov: Proletarskiy svetoch Publ., 2001 (in Russian).
- Akimov, G.V. *Pomnim vseh. Pomnim vse. Afganistan 1979–1989.* Rybinsk: Rybinskiy dom pechati Publ., 2014 (in Russian).
- Andreev, O.V. “Commemorating the military of the USSR and the Russian Federation deceased in local wars and armed conflicts in 1946–2009.” *Chuvash University Journal*, no. 4 (2019): 5–14 (in Russian).
- Borisov, E.I. *Afganistan: ...I bol', i slezy...: Synov'ya Tverskoy zemli.* Tver': Tverskoye oblastnoye knizhno-zhurnal'noye izdatel'stvo Publ., 1997 (in Russian).
- Broshevan, V.M. *Afgantsy Dobrovskoy doliny.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2001 (in Russian).
- Chervonopis'kiy, S.V., and Kostiryа, A.A. *Istoriografiya vinyi v Afganistani (25 grudnya 1979 – 15 lyutogo 1989 pp.)*. Kiev: Mezhhregional'nyy izdatel'skiy tsentr «Medinform» Publ., 2006 (In Ukrainian).
- Grishina, V.S., and Petrova, G.Yu. *Zemlyaki – zashchitniki otechestva. Kniga pamyati voinov iz Cherepovtsa i Cherepovetskogo r-na, pogibshikh pri ispolnenii voinskogo dolga.* Cherepovets: Insayt plyus Publ., 2016 (in Russian).
- Ivannikova, E.V. *Zhivaya bol': Rekviyem po zhertvam afganskoy voyny.* Volgograd: Komitet po pechati Publ., 1997 (in Russian).
- Ivanov, A.A., and Kadyrov, B.G. “Perpetuation of the historical memory of the deceased during the Great Patriotic War (on the example of the memory book of the Republic of Tatarstan).” *Baltic Humanitarian Journal*, no. 1 (2014): 15–17 (in Russian).
- Ivanov, A.G. *Rodina, eto tvoi synov'ya: Kniga Pamyati o voinakh-orenburzhtsakh, pogibshikh v afganskoy voyne i umershikh posle neye.* Orenburg: Yuzhnyy Ural Publ., 1997 (in Russian).
- Kalashnikova, N.M. *Ne day, Otchizna, umolchat'... Kniga pamyati. Afganistan. 1979–1989.* Saint Petersburg: IPK “Vesti” Publ., 1997 (in Russian).
- Kalinin, A.K. *Ivanovo pomnit: Kniga pamyati uchastnikov lokal'nykh voyn i mirotvorcheskikh missiy SSSR i RF (1950–2010 gg.) Ivanovskaya oblast'.* Ivanovo: Ol'ga Yepisheva Publ., 2017 (in Russian).
- Ketova, T.A. *Kniga pamyati Priluzskogo rayona. Afganistan 1979–1989.* Ob'yachevo: TSRB im. V.V. Yukhnina Publ., 2009 (in Russian).
- Khrantsova, T.I. *Syny Altaya. Kniga Pamyati.* Saint Petersburg: Lenizdat Publ., 1992 (in Russian).
- Khvastov, A.N. *Rebyata, my vas ne zabudem! Kniga pamyati o pogibshikh v Afganistane, Zakavkaz'ye i na Severnom Kavkaze zhitelyakh Morshanska i Morshanskogo rayona Tambovskoy oblasti. 1981–2003 gg.* Moscow: Sputnik+ Publ., 2016 (in Russian).
- Kiselev, V.P., and Khrichenko, K.I. *Kniga pamyati: istoricheskiy obzor lokal'nykh voyennykh konfliktov: v 4 tt. Afganistan, 1979–1989: pamyati nizhegorodtsev, pogibshikh v khode boyevykh deystviy v Demokraticheskoy Respublike Afganistan, posvyashchayetsya.* Vol. 1. Nizhniy Novgorod: BIKAR Publ., 2008 (in Russian).
- Kiseleva, E.G. *Oni ne vernulis' iz boya... Kniga Pamyati o pskovichakh, pogibshikh v Afganistane.* Pskov, Pskovskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka Publ., 2013 (in Russian).

- Kisel'nikova, E.V. *Vremya vybralo nas. Posvyashchayetsya voenam–“afgantsam” Moshkovskogo rayona*. Moshkovo: Tsentral'naya biblioteka Publ., 2004 (in Russian).
- Kochurov, G.A. *Afganistan. I doblest', i pechal'...* Belozersk: Administratsiya Belozerskogo munitsipal'nogo r-na Publ., 2014 (in Russian).
- Kotel'nikov, V.M., and Kalimova, A.M. *Kniga pamyati Respubliki Komi. Afganistan 1979–1989*. Syktyvkar: [N.s.], 2000 (in Russian).
- Krivoshcheyev, G.F., Andronnikov, V.M., and Burikov P.D. *Rossiya i SSSR v voynakh KHKH veka. Kniga poter'*. Moscow: Veche Publ., 2010 (in Russian).
- Ksenofontova, I.V. “Virtualization of memorial practices: Internet site as a “memory book”.” *Interaction. Interview. Interpretation*, no. 5 (2011): 133–145 (in Russian).
- Makarova, O.I., and Yaroshauskas, T.V. *Nas ob'yedinila vojna. Kolyvantsy – uchastniki boyevykh deystviy v Afganistane 1979–1989 gg*. Kolyvan: Tsentral'naya biblioteka Publ., 2010 (in Russian).
- Mishina, E.M. “Political repressions in Moscow region in the 1930s on pages of electronic ‘book of memory’ of political terror victims in Moscow.” *History* 11, no. 3 (2020): 10–23 (in Russian). DOI: 10.18254/S207987840009656-0.
- Moiseyev, V.G. *Rodina, eto tvoi synov'ya. Kniga pamyati o voynakh-orenburzhtsakh, pogibshikh v afganskoj vojne*. Orenburg: [N.s.], 2008 (in Russian).
- Nechepa, V.G., and Sudakov, V.V. *Pepel Afgana. Pamyati voinov-vologzhan, pavshikh v Afganistane*. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoye knizhnoye izd-vo Publ., 1993 (in Russian).
- Peganova, T.B. *Sarapul'tsy na Afganskoj vojne*. Sarapul: Sarapul'skaya tipografiya Publ., 2014 (in Russian).
- Popova, T.G. *Pomyani nas, Rossiya. Kniga pamyati*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Roy, E.A. *Tak khochetsya ostavit' vsekh v zhivykh. Kniga Pamyati o pogibshikh i propavshikh bez vesti v Afganistane i v vooruzhennykh konfliktakh (1979–2001) rostovchanakh i zhitelyakh Rostovskoy oblasti*. Rostov-on-Don: MP KNIGA Publ., 2001 (in Russian).
- Rozhdstvenskaya, E.Yu. “Virtualization of the memory of the Afghan war”. In *XV april'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*, 128–136. Moscow: Dom NIU VSHE Publ., 2015 (in Russian).
- Rudenko, V.G. *Proshchay, shuravi. Kniga Pamyati voronezhstsev, pogibshikh v Afganistane v 1979–1989 gg*. Voronezh: OAO IPF “Voronezh” Publ., 2009 (in Russian).
- Semonov, O.N. *Pis'ma k zhivym. Kniga pamyati pogibshim v Afganistane*. Petrozavodsk: Pragmatika Publ., 2003 (in Russian).
- Shamarov, K.V. *Kniga pamyati o sovetskikh voynakh, pogibshikh v Afganistane*. Moscow: Bratstvo Publ., 2019 (in Russian).
- Strizhnev, S.I. *Pomyani nas, Rossiya...: Kniga Pamyati o voyennosluzhashchikh Moskovskoy oblasti, pogibshikh v afganskoj vojne*. Moscow: Veche Publ., 1996 (in Russian).
- Tsutsulayeva, S.S. “Memorial book of the Chechen Republic as a historical document on the participation of Chechen people in the Great Patriotic War.” *Kalmyk University Bulletin*, no. 2 (2018): 54–61 (in Russian).
- Uymanov, V.N. “The longest living memory... (for the 25th anniversary of the release of the book the memory of the repressed residents of the Tomsk region *the pain human*).” *Tomsk State University Journal of History*, no. 52 (2018): 136–141 (in Russian).
- Volovich, V. “*Chornyy tyul'pan*”: *Kniga Pamyati, Afganistan, 1979–1989*. Smolensk: Smyadyn' Publ., 2010 (in Russian).
- Zhukov, B.N. *Poklonis' krestu “afgantsa”: kniga Pamyati nizhegorodskikh voinov-internatsionalistov, pogibshikh v Afganistane v 1979–1989 godakh*. Nizhniy Novgorod: Nizhpoligraf Publ., 2003 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Рабуш Таисия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Taisiya V. Rabush, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-258-269>

Научная статья / Research article

Детские воспоминания о блокадном Ленинграде в материалах Центрального государственного архива Удмуртской Республики

С.Н. Уваров

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия,
426069, Россия, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Студенческая, 11,
sergey.uvarov@mail.ru

Аннотация: Вниманию читателя предлагаются неопубликованные детские воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде, которые обнаружены в личном фонде Н.А. Королевой (Р-1703) в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики. Из 12 имеющихся в архивном деле записей в настоящей публикации приводятся четыре. На момент начала Великой Отечественной войны их авторам было от 11 до 16 лет. Прожив все блокадные годы в Ленинграде, они делятся своими ощущениями от начала блокады, передают детали своей повседневной жизни в блокадном городе. Большой объем в воспоминаниях занимает тема голода, описывается каждодневный рацион блокадника. Среди воспоминаний фигурирует весьма ценное и крайне редко встречающееся в мемуарной литературе детское свидетельство казни гитлеровских преступников, состоявшейся 5 января 1946 г. в Ленинграде. Несмотря на приводимые трагические страницы из жизни людей в блокадном городе, практически во всех воспоминаниях ощущается оптимизм, вера в скорую победу над врагом. Публикуемые воспоминания в русле истории повседневности расширяют наши знания о блокаде Ленинграда и о такой категории, как «дети войны».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, история повседневности, блокада Ленинграда, эвакуация, дети войны

Для цитирования: Уваров С.Н. Детские воспоминания о блокадном Ленинграде в материалах Центрального государственного архива Удмуртской Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 258–269. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-258-269>

Children's Memories of the Leningrad Blockade in the Materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic

Sergey N. Uvarov

Izhevsk State Agricultural Academy,
11, Student St., Izhevsk, Udmurt Republic, 426069, Russia,
sergey.uvarov@mail.ru

Abstract: The article offers the previously unpublished memoirs of eleven Leningrad residents who were children during the German blockade of the city. All of them were collected in 1998–1999 by Nina Aleksandrovna Koroleva, and are today kept in her collection in the Central State Archive of the Udmurt Republic. After the war, Nina Aleksandrovna came to live in Udmurtia, where she started to record memories about wartime. Conventionally, her documents can be divided into two groups. The first includes the memories of those who were evacuated to Udmurtia during the Great Patriotic War. The second group consists of memories of those who ended up in the republic after the end of the war.

© Уваров С.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

All documents are preserved in the author's edition. The memoirs reflect childhood impressions of the siege period. Their authors share their feelings from the beginning of the blockade, and report details of their daily life during the siege; they also reveal the coping strategies of the respective families. Descriptions of the labor conducted by children invite for conclusions about their contribution to the Soviet victory. Very emotional are the reports about the lifting of the blockade. Some memoirs contain details of the evacuation from Leningrad to the mainland. From the perspective of the history of everyday life, the publication of these memoirs expands our knowledge about the Great Patriotic War and, in particular, about the blockade of Leningrad.

Keywords: Great Patriotic War, memories, history of everyday life, blockade of Leningrad, evacuation, children of war

For citation: Uvarov, Sergey N. "Children's Memories of the Leningrad Blockade in the Materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 258–269. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-258-269>

Введение

Одной из самых страшных страниц истории Великой Отечественной войны явилась блокада Ленинграда. К настоящему времени в научный оборот введен огромный массив источников по данной теме. Однако еще больший их объем не опубликован и ждет своего исследователя. Пожалуй, самым эмоциональным видом источников являются воспоминания, среди которых особое место занимают воспоминания детей. Детская память может запомнить то, на что не способны взрослые. Кроме того, дети все воспринимают по-своему, поэтому, изучая блокаду глазами ребенка, возможно обогатить наши знания о ней.

Большинство детских воспоминаний о блокаде опубликовано в городе на Неве¹, но порой они обнаруживаются в местах, далеких от него. В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР) хранится личный фонд (Р-1703) Н.А. Королевой, состоящий из 49 дел. Нина Александровна Королева родилась 18 января 1926 г. в Ленинграде. Начало блокады она встретила семиклассницей. Осенью 1942 г. вступила в комсомол и стала бойцом противопожарного комсомольского взвода штаба МПВО при объекте «Смольный». Почти полгода вместе с такими же школьницами она несла круглосуточные дежурства на чердаках зданий у Смоленского собора. После формирования взвода в июле 1943 г. была переведена в пожарную охрану Смольного.

После войны Н.А. Королева оказалась в Ижевске, где какое-то время работала в районном Совете ветеранов и следила за тем, какая помощь оказывалась блокадникам². На своих встречах ветераны делились воспоминаниями. В результате 12 рукописных записей, датированных 1998–1999 гг., составили отдельное дело. Они написаны одним почерком, очевидно, Н.А. Королевой. В настоящую публикацию вошли четыре отдельных записей, наиболее объемных и информативных. Орфография и подчеркивания сохранены в тексте.

«Сомкнулось кольцо блокады...»

Воспоминания Степановой Галины Борисовны, 15.07.28 года рождения, проживавшей на Васильевском острове по Большому проспекту, 52–35.

Первая встреча с войной

Ночь с 21 на 22 июня 1941 г. я ночевала одна на даче на станции Ольгино. Мы каждое лето ездили туда на дачу. Этот поселок находится между станциями Усовая деревня и Разлив, где был аэродром. Всю ночь тучей шли самолеты из Новой Де-

¹ Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект. СПб., 2019; Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб., 2000; *Магаева С.В.* Библиография публикаций мемуаров ленинградских блокадников. М., 2013.

² Королева Нина Александровна. URL: <http://fc.gasur.ru/fund/100000678683> (дата обращения: 24.11.2020).

ревни в Разлив, в сторону границы. Стоял такой гул, что спать было невозможно. Мама дежурила в больнице, а папа был репрессирован. Утром мама приехала с работы и сказала, что в Ленинграде объявлено осадное положение. Мы подумали, что это учение. Такие учения проходили ежедневно.

После речи Молотова, узнав о начале войны, мы уехали из Ольгино в Ленинград. Мама была медиком и обязана была находиться на своем рабочем месте. В первый же день войны на город был налет, стреляли зенитки. Я испугалась и заплакала. Но мама очень спокойно сказала: «Ты что же теперь все время реветь будешь? Ведь стрелять будут каждый день. Это война, а не учение». И она была права. До января 1944 г. стреляли каждый день. Стреляли и бомбили. Иногда целыми ночами – тревога, а днем, как взойдет солнце, начинается артобстрел. И так до заката по разным районам города. В июле 1941 г. школьников эвакуировали из города в пригороды. Наша школа уехала в Любитино, и от станции нас везли на лошадях 35–40 км в глубинку. Сначала там было хорошо: весело, хорошо кормили. Но вскоре стали приезжать родители и забирать ребят домой. Всем захотелось уехать тоже. Однажды после обеда нам сказали: «Всем обязательно спать!». После тихого часа нас хорошо накормили, помогли собрать вещи и в ночь, погрузив на повозки только багаж и самых младших ребят, отправили нас (шестые классы) на станцию пешком. Путь, видимо, сократили. Шли 28 км с одним привалом. Утром нас погрузили в товарные вагоны, и мы ехали до Ленинграда трое суток, вместо 16 часов. Немецкие самолеты бомбили нас. Тогда нас высаживали из вагонов и прятали в лесу. После отбоя тревоги снова сажали в вагоны и везли дальше. Так продолжалось почти каждый час. В последние три вагона попала бомба, они загорелись, их отцепили, нас повезли очень быстро и больше не останавливались до самого города. В Ленинград мы вернулись 18 августа.

Сомкнулось кольцо блокады

Город бомбили все чаще и чаще. Иногда по 15–16 раз в день. Паек постепенно уменьшали. В сентябре сгорели Бадаевские склады. В ночь с 7 на 8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Это была страшная ночь. Всю ночь били орудия и гудели самолеты. Мама была на дежурстве, и я была дома одна. Я забила на кровати под периной, гул и стрельбу я слышала глухо, но зато хорошо чувствовала вздрагивание кровати от падения бомб где-то поблизости. Кошмар закончился утром. После этой страшной тревоги я приходила на ночь к маме на работу. С нами жила моя тетя. Она работала вместе с мамой в одном отделении больницы им. Веры Слуцкой и была начальником штаба МПВО. Я ночевала с ней в боксе. Становилось все холоднее. Вода в паровом отоплении замерзла. Я ходила за водой с ведром и большим бачком на санках к заводу «Пневматик», который был в двух кварталах от нашего дома. В квартире вода за ночь замерзала, температура была в помещении -8° . Все домашние цветы погибли. Печку-голландку не топили. Она съедала слишком много дров. Топили буржуйку. В конце ноября 1941 г. начали давать хлеб по 125 г, маме 250 г. Ели, что придется: столярный клей (из него варили студень). Мне иногда перепали картофельные очистки от соседей в нижней квартире за помощь по уходу за маленькой девочкой. 25 декабря 1942 г. хлеба стали давать мне 200 г, маме – 250 г. Но нас постигло несчастье. У нас жили родственники, которые эвакуировались к нам с окраины города. Они украли у нас все продукты и уехали. Мы с мамой остались ни с чем. Еще в начале 1942 г. мама упала и ушибла спину. Потом начала болеть.

Как выглядел город в эту зиму, говорилось, писалось, снималось в фильмах очень много, но это, как говорится, только цветочки. На самом деле было гораздо страшнее. Трупы лежали прямо на улицах, в подъездах, в квартирах. Их убирали девушки из отрядов МПВО. Подъезжали на машинах и как поленья дров забрасывали трупы в кузов. К маминой больнице к приемному покою подбрасывали по 10–12 трупов. Их не хватало сил хоронить. Мама лежала в своей больнице, я ее навещала каждый день. Однажды, когда я подходила к больнице, меня обогнали два человека, кото-

рые везли на санях мужчину. Подъехав к проходной, они резко развернули сани, и мужчина упал прямо возле проходной, а эти двое ушли с санями. Когда я подошла ближе, он застонал, повернул голову и я увидела его голубые глаза. Я вижу их до сих пор, когда вспоминаю этот случай.

Однажды я ночевала с тетей в боксе, и она послала меня на кухню за кипятком. Я одела черный халат (в белом ночью не разрешалось выходить на улицу), взяла чайник и пошла на кухню. Надо сказать, что в этот бокс мы проходили мимо приемного покоя на второй этаж. Спускаясь по лестнице, я споткнулась и упала на что-то мягкое и почувствовала, что лежу на трупах. Ведь в приемный покой везли людей при смерти и так как покойников было много, их уносили в покойницкую только при передаче смен. На улице ведь было темно, да и людей при пересмене было побольше. И вот я лежу на трупах, открывается дверь приемного покоя и несут очередного покойника. Я соображаю, что сейчас его с носилок сбросят прямо на меня. Не помню как, но, наверное, я закричала, так как санитары поставили носилки, осветили меня маленьким фонариком (карандаш, так он назывался), подняли меня и отвели меня в бокс. Оказывается, дистрофические, истощенные трупы не застывают и когда их сбрасывали с носилок, рука откидывалась в сторону. Вот об нее я и споткнулась.

Во время блокады в школе шли занятия, но только учились в бомбоубежище. Ребят ходило мало. Но учитель математики занимался с нами. Его звали Михаил Михайлович. В задачах он приводил примеры либо с хлебом, либо с дровами, либо с водой. Это были самые главные вещи в нашей жизни. Потом он умер и занятия прекратились. Одна учительница собрала нас и выпросила у домоуправления комнату. Она перенесла занятия туда. Но и в этой комнате тоже лежали два трупа: бабушка и внучка. Мы занимались в присутствии трупов дней пять, и только потом их вынесли на кухню, положили на плиту (столы все сожгли), а через три дня их увезли. Вот и представьте, какая в квартире температура, если от трупов не было даже запаха. Мы писали карандашом или занимались устно. Мороз на улице был -42° , а у нас в комнате $-8-10^{\circ}$. В магазине за хлебом стояли очереди. Однажды я пришла в магазин, когда его уже открыли. Слышу разговор, что кого-то задавили. Оказывается, при открытии магазина толпа бросилась к двери, кто-то споткнулся и упал, и по этим упавшим толпа прошла в магазин, и их задавили насмерть.

Недалеко от этого магазина находилось ремесленное училище. Обеды туда возили от фабрики-кухни. Однажды, стоя в очереди, я вижу такую картину. Пожилой мужчина везет на тележке с большими колесами довольно высокие бидоны со щами из зеленых листьев капусты (хряпы). Вдруг он споткнулся, упал, тележка покатила вперед, бидоны перевернулись, и горячие щи вылились из них. Вся очередь бросилась к этой тележке, но не для того, чтобы поднять этого несчастного, а чтобы собрать листья и отправить их с жадностью в рот, так как горячая вода утекла сквозь снег, а листья остались. Только когда все листья были собраны, обратили внимание на упавшего. Близко была поликлиника, кто-то сбегал туда, пришли два санитары с носилками и унесли его. К этому магазину мы были «прикреплены» на получение продуктов по карточкам.

А вот еще один случай, произошедший в этом магазине. У меня было заведено приходить к открытию магазина, чтобы долго не стоять в очереди, т.е. я приходила к 6 часам утра. В это время всегда запускали народа больше, а значит скорее можно было «отовариться». Я старалась проскользнуть поближе к двери, и когда дверь отворяли, я с толпой пронеслась в магазин. Но однажды я опоздала, и мне пришлось встать в хвост очереди.

Маленький паек особенно сказывался на подростках ремесленного училища. Когда подаешь карточки продавцу на получение хлеба, а ремесленники стоят около прилавка, не знаешь, что брать первым: карточку у продавца или кусочек хлеба-паек? Возьмешь хлеб, они успевают схватить карточки и убежать с ними. Возьмешь карточки, они хватают хлеб и сразу засовывают его в рот. Тут уж отнять его невозможно. Иногда по «разовым» талонам нам давали пол-литровую бутылку водки. За нее на набережной Невы у моряков удавалось выменять две буханки хлеба. И какой это был

хлеб! Он был заделан в целлофановый пакет и испечен в 1932 г. Он был сухой, очень вкусный и от него невозможно было оторваться. От этого хлеба (от его переедания) люди погибали.

Последствия бомбежек

Однажды ночью была сильная бомбежка. Недалеко от нашего дома упала бомба и разрушила четырехэтажный дом. Утром по дороге на работу я увидела, как его разбирают. Подошла и решила немного помочь: время до работы позволяло. Разбираем и вдруг слышим детский плач. Значит, где-то засыпан ребенок. Начали разбирать активнее, но плач не становился яснее. У кого-то заболела спина, и женщина разогнулась. Вдруг видит: на высоте второго этажа стоит лицом к стене женщина и держит на руках маленького ребенка. Появилась пожарная машина, и женщину сняли. Ребенка сразу унесли в роддом, благо он был напротив, а мать положили на носилки. Она была вся седая. Она простояла на сохранившемся куске пола (видимо, хотела войти, да не успела) полтора-два часа.

Убивали не только немцы

В мамином отделении лежали дети. Тетя была старшей сестрой, и поэтому кормила их обедом. Лежала у них пятилетняя девочка Соня. Однажды она задает тете вопрос: «Тетя! А почему у Вас так мало мяса дают?» Крестная спрашивает: «А разве ты дома больше мяса ела?».

– Конечно. Мне мама каждый день котлеты жарит.

– А где твоя мама мясо берет?

– Как где? К нам кто-нибудь придет, папа топориком «тюк», а мама котлеты жарит.

Тетя заявила в милицию. На квартире Сониных родителей (они жили на первом этаже) произвели обыск и обнаружили в погребе под половиками бочку с засоленным человеческим мясом и головы убитых. Родителей Сони арестовали, а ее после выздоровления передали в детдом.

Обстрелы... Обстрелы... Обстрелы...

Обстрелы в солнечные дни иногда продолжались целый день. Немец менял только районы обстрелов. Однажды снаряд попал в трамвай, стоящий на площади Труда. Трамвай был полон народа. Было очень много жертв. В этом обстреле я потеряла дядю. Вообще за годы войны я потеряла 11 человек родни. Последней жертвой была моя мама.

Вот еще одна страшная картина. Во время одного сильнейшего обстрела Невского на проспект попало несколько снарядов. Об одном хочу вспомнить. Он попал в трамвайную остановку на углу Невского и Садовой. На остановке было много народа. Вскоре должен был начаться спектакль Театра оперетты в помещении Александринского театра. Артисты в костюмах и гриме помогали выносить убитых из трамвайных вагонов. Скорая помощь не успевала подбирать раненых.

Моя первая работа

Мама умерла 22 июня 1942 г., и тетя посоветовала мне пойти работать. Все-таки будет рабочая карточка. Пришла в отдел кадров фабрики «Красный октябрь». В мирное время на этой фабрике делали пианино. Меня приняли рабочей на сборку ящиков под мины. Оформили и отправили в цех. В цеху меня оглушил стук молотков, и удивил вид девчонок и мальчишек моего возраста. Они были в одежде, запятнанной краской. Ко мне подошел мастер, Мария Тимофеевна.

– Зачем пришла? – спрашивает.

– Работать, – отвечаю.

– Ну что ж. Вставай к верстаку, учись! А завтра такая нарядная не приходи. Видишь, как у нас грязно? Может передумаешь?

– Нет! – отвечаю.

Смотрю и думаю: с виду работа такая простая. Норма – 120 ящиков. На следующий день пришла в халате. Смело встала к верстаку. К концу смены сделала 58 ящиков. Стала контролер принимать работу, да и забраковала 24 ящика. Как я плакала! Мне было обидно, что другие ребята делают даже больше нормы. Подошла мастер и говорит:

– Не реветь надо, а учиться!

И я училась. Мне тогда было уже 14 лет. Я научилась делать 400 ящиков, у меня была своя подсобница, которая подносила мне детали ящиков. Через некоторое время нам пришел другой заказ: ящики под морские мины. Их надо было склеивать казеиновым клеем. Он очень сильно разъедал пальцы так, что гвозди было держать невозможно. Стали работать в резиновых перчатках. Иногда проходили учебные химические тревоги. Работали в противогазах, начинали с 15 мин., и довели до 3-х часов.

Какой хороший, дружный был у нас коллектив! Никаких ссор. Никакой зависти. Все старались друг другу помочь, поддержать, успокоить. Ведь шла война, а на войне как на войне – все бывало.

Потом на фабрике понадобились другие профессии, я пошла учиться на электрика. Потом был клич: «Освоим две профессии!». Я стала маляром и штукатуром, а через некоторое время – каменщиком. После работы на фабрике ходили на восстановительные работы. Но это было позднее.

В 1943 г. осенью открылись вечерние школы, и я пошла учиться. Учились мы с 7 часов вечера, а работала я до 2 часов, в промежутке между двумя часами и семью часами вечера посещали госпиталь на пятой линии Васильевского острова. Домой приходили в 11 часов вечера. А утром все начиналось сначала. Когда сейчас вспоминаешь ту нашу жизнь, даже дивишься: как могли, как успевали, где брали силы? [...]

Мечь

Помню я такой эпизод. Через некоторое время после веселого праздника я находилась возле Финляндского вокзала. Небольшая площадка была оцеплена колючей проволокой. Это было на Выборгской стороне около кинотеатра «Гигант». Там проходила казнь 10 немецких офицеров высокого ранга³. Стояли П-образные столбы, под ними грузовые машины. На столбах были веревки с петлями. Привезли приговоренных. Машина с одним приговоренным подъезжала к стоящей под столбами машине. На нее переводили по одному приговоренному и по одному конвоиру. Через переводчика предоставили последнее слово. Только один из 10 не произнес его. Каждый конвоир набросил веревку на шею немцев. Машина отъезжала. Только один оттолкнул конвоира и набросил веревку сам. На это было страшно смотреть. Говорили, что они весели 3–4 дня. Я больше туда не ходила.

Похороны мамы

22 июня 1942 г. моя мама умерла. Я заплакала, но тетя сказала:

– Перестань, мы много потеряли дорогих нам людей, но надо жить!

Через три дня пришли два санитары и на носилках унесли маму в морг. Я не знаю, где ее могила. Придя домой, тетя достала чудом уцелевшую щепотку муки и испекла две маленькие лепешки. Сказала:

– Давай, помянем маму!

Я заплакала. Но на этот раз она меня не остановила, а когда я успокоилась обняла меня, поцеловала и сказала:

– А жить нам все равно надо! [...]

ЦГА УР. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–16

³ Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 1. С. 9.

«Я из Тарховки...»

Воспоминания Тарасовой Валентины Дмитриевны, 24.11.27 года рождения, проживала на станции Тарховская, в дальнейшем в Парголово.

Я, Тарасова Валентина Дмитриевна, родилась в Псковской области в деревне Ярцево 24 ноября 1927 г. Эту Родину я помню смутно. Своей малой Родиной я считала Тарховку, где прошло мое детство, где застала меня война, где настигла меня блокада.

Тарховка – это дачный поселок, расположенный на берегу Финского залива. Жили мы в двухэтажном деревянном доме на шесть семей, без каких-либо удобств. Во время войны это окажется преимуществом [...]. Отец работал в Ленинграде на кондитерской фабрике, мама занималась воспитанием нас, трех дочерей-погодков. Я самая младшая.

22 июня 1941 г. началась война, а в июле отца взяли на фронт. Мать с сестрами устроились работать в Александровскую контору связи. Вскоре мать и старшую сестру послали на трудовой фронт рыть окопы под Ленинградом. Тяжелая и опасная была эта работа, так как фронт был рядом. Немец прилетал и прямо с самолета стрелял по женщинам. Больше месяца я и 15-летняя сестра жили одни. Так как мне было 14 лет, 6 классов образования, решено было продолжить учебу, хотя бы закончить 7 классов. Училась в первой Сестрорецкой школе, которая находилась в Разливе. С 1 сентября началась уборка урожая на подсобных хозяйствах в г. Сестрорецке, а 8 сентября пал Шлиссельбург – началась блокада Ленинграда.

С севера финны дошли до старой границы под Белоостровом. Я училась только до зимних каникул, так как голод своей костлявой рукой брал за горло. Сестрорецк обстреливали финны. Школу закрыли. Жители Сестрорецка, Белоострова и Курорта были эвакуированы на Большую землю или к нам в Тарховку и Александровскую. Мы, например, приютили семью из четырех человек. Жили дружно, так как общее горе нас объединяло. В ноябре мы впервые услышали слово дистрофия и увидели дистрофиков. Люди стали умирать. Зима 1941–42 гг. была самая страшная. Люди были к ней не подготовлены. Мы благодаря интуиции нашей мамы поздней осенью ходили на уже убранные поля и собирали грязные зеленые листья капусты и свеклы, мыли их и мелко рубили сечкой в корыте, а потом квасили. Эта черно-зеленая масса называлась хряпа. Основное питание у нас было 125 г хлеба блокадного черно-зеленого отенка, который казался очень вкусным... В еде мы использовали жмых, дуранду, хряпу, столярный клей, олифу, пареное сено, хвою. Нашим преимуществом перед жителями города было то, что у нас была вода в колодцах и тепло: мы могли пилить любое дерево, ломать любой забор.

Несмотря на голод, на смерть, жизнь не замирала. Домоуправление из нас, таких же голодных и больных, но еще живых, организовало отряды, которые следили за светомаскировкой, чтобы ни в малейшую щель даже от копилки не проходил свет. Ходили по улицам и домам, собирали покойников, увозили к братской могиле. Такая могила есть в Тарховке. Ходили по домам по несколько человек, так как одному идти было опасно, наблюдались случаи людоедства. Это было горе без слез. В декабре смертность увеличилась по сравнению с ноябрем, в январе 1942 г. еще больше. Жили надеждой – дожить, продержаться до весны, а там пойдет трава, крапива, витамины, начнем копать огороды, сажать овощи, готовиться к следующей зиме. Любая царапина на теле долго не заживала, болела, гноилась, так как организм был ослаблен, не хватало витаминов. Одна из таких царапин на ноге у меня вызвала рожистое воспаление. Спас меня военный врач морской части, которая стояла в Тарховке.

Прокручиваю время назад и размышляю: «За счет чего я выжила?». Сама же отвечаю: «Спасла организованность, сплоченность, доверие, любовь друг к другу, взаимопомощь». Это вспоминается как светлое пятно. Мы в семье никогда не прятали пайки, не воровали друг у друга. Когда варили какую-нибудь бурду, каждая из нас, дочерей, по ложке отливали от себя маме. Во многих семьях каждый ходил выкупать свой поек, съедая его сразу, общего котла не было. Похлебка «наваристей» из четырех кру-

пинок будет, чем из одной. Такие семьи, где каждый жил на особицу, были обречены на смерть.

Осенью 1942 г. населению Тарховки, Александровской и части Горской было предложено эвакуироваться на Большую землю или в другие районы Ленинграда, менее опасные. Нам предложили Большую землю, так как я была несовершеннолетняя, мы отказались: ехать было не к кому, денег не было, а была надежда – выживем, да и вообще скоро немцев прогоним. Я не слышала, чтобы кто-нибудь сказал, что немцы нас захватят. Не было никакой паники.

Решено было ехать в Парголово – это на другой ветке Выборгского направления, тоже с Финляндского вокзала. Встала проблема: как переехать, где взять транспорт? Договорились с военными, с солдатами, за водку перевезти нас. Командировали меня, как самую «храбрую» на Некрасовский рынок, ближайший от Финляндского вокзала. Смеркалось. Холодно, слякотно. Кто-то что-то меняет, кто-то чем-то торгует. У первого попавшегося продавца купила бутылку водки 0,5 л за 900 руб. Приехала домой, мама только глянула и говорит: «Доченька! Что же ты купила? Это ж вода...». Я глупая, считала, что раз сургучом залито, значит – настоящая водка. Из-за этого мы задержались в Тарховке на целый месяц. На нашей улице мы остались одни, все остальные уехали. Милиция каждый день нас торопила.

Парголово относится к Выборгскому району города Ленинграда. Приютила нас одна старушка в своем ветхом доме. Я по-прежнему не учусь. Работаю на дому от торфопредприятия: шью марлевые мешочки, набиваю бактерицидным мхом, который мы сами привозили с болот. Норма была большая; машинка строчила как пулемет. Эти мешочки отсылались на фронт как перевязочный материал для раненых.

Я поступаю санитаркой в больницу им. К. Маркса. Хотя 18 января 1943 г. блокада была прорвана, немцы продолжали обстреливать и бомбить город. Не раз приходилось работать под обстрелом. Случайно осталась жива при одном обстреле, когда осколок влетел в отделение, где я работала. Часто при обстреле поезда с Финляндского не ходили, а отправлялись со станции Ланская. Приходилось бежать под обстрелом, а сзади где-то свистят снаряды, бухают взрывы. Но почему-то казалось, что со мной ничего не случится, не убьет меня снаряд. Видимо, так думал каждый, – это поддерживало нас.

С 1 сентября 1943 г. я начала учиться во 2-ой Парголовской школе в 7 классе. 27 января 1944 г. блокада была полностью снята. Жизнь продолжалась.

ЦГА УР. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 17–19об.

«Снаряды рвались на Невском...»

Воспоминания Сродэ Ирины Лазаревны, 1925 года рождения, проживавшей в угловом доме на улице Марата, позднее – на Петровской стороне.

13 июня 1941 г. мне исполнилось 16 лет. Я успела закончить 8 классов. Мама моя работала тогда заведующей поликлиникой и предложила мне работу регистратора. В первые же дни войны в поликлинике был организован стационарный пункт медицинской помощи. Когда начались артобстрелы города, снаряды рвались на Невском проспекте в районе Дома книги и ул. Желябова, у нас появились первые раненые. Я впервые в жизни увидела много крови, принимала участие в приеме, регистрации и оказании первой помощи раненым. Было это в первые дни сентября, еще до начала бомбежек.

Занятия в школе начались 3 ноября 1941 г. Я решила, что мне нужно учиться, и снова пошла в школу, в 9 класс. Но уроки прерывались воздушными тревогами, приходилось спускаться в бомбоубежище, потом снова в класс и так по несколько раз в день. Жить становилось все труднее, и когда папа взял на завод мою сестру, которой было 14 лет, я не могла оставаться в школе и попросила, чтобы и меня он устроил на завод. Это был декабрь 1941 г.

Однако, когда осенью 1942 г. в блокадном Ленинграде были организованы школы рабочей молодежи, такая школа была создана и у нас на заводе, где могли учиться ребята с 5 по 8 классы. Мы, несколько девочек, окончивших 8–9 классов, упростили директора завода организовать 9-й класс, чтобы нам не терять времени. В этом классе нас училось 10 человек. Было очень трудно совмещать работу с учебой, но тем не менее, в июле 1944 г. мы закончили среднюю школу и нас всех отправили с завода учиться в ВУЗы, несмотря на то, что была война [...].

Что хочется вспомнить? Что навсегда осталось в памяти? Прежде всего – страшные лунные вечера и ночи в октябре – ноябре 1941 г., когда немцы строго по расписанию методично бомбили город. Ленинград, затемненный, без единого горящего фонаря, лежал в лунном свете как на ладони. И самолеты, которым удавалось прорваться в город, могли бомбить прицельно. Правда, от них страдали в основном жилые дома, а не военные объекты. Когда не было луны, с самолетов сбрасывали «светящиеся бомбы», которые висели как фонари и освещали улицы мертвенным и зеленоватым светом.

Холодные и голодные дни зимы 1941/42 гг. Очереди за хлебом, буржуйка в комнате, но тепло было только около печки, которую топили по вечерам остатками дров.

Воду мы носили с Невы. Мы жили на углу улиц Марата и Боровой. На Боровой прорвало водопровод и текла по льду «река» шириной 30–40 см. В нескольких метрах лед был прорублен пошире и глубже, и там ковшиком можно было черпать воду.

Завод № 186 (после войны «Радист») находился на Петроградской стороне и нужно было ежедневно до него добираться. Папа был на казарменном положении, как начальник группы самозащиты, а мы с сестрой проделывали путь до завода пешком [...]. Самое страшное было пройти Марсово поле и Кировский мост. Открытое пространство, крутая скользкая гора моста. Считали, что, если мост преодолели, почти весь путь позади.

Работала я сначала монтажницей, а позже настройщиком переносных радиостанций РБС-3, радики ближней связи в пределах 3 км, которые бойцы-связисты переносили на спине. Зимой 1941–42 гг. часто на заводе не бывало электричества. В такие дни нас, молодежь 14–16 лет, направляли на подвозку воды в столовую, на обследование близлежащих к заводу домов, где в квартирах, как правило, с распахнутыми дверями, лежали беспомощные, а иногда и мертвые люди. Мы носили повестки военкомата и выполняли другую работу. А когда давали энергию, нужно было выполнять план и наверстывать упущенное.

Навсегда останется в памяти месячник по жизни города, который проходил в марте – апреле 1942 г. С каким энтузиазмом мы, стар и млад, убирали горы снега, льда, смерзшихся нечистот на улицах и во дворах Ленинграда. В эти дни уже чаще светило солнце и хотелось, чтобы город блестел в его лучах [...].

Пуск первого трамвая, который пошел в апреле по улицам очищенного города.

С начала лета нас периодически стали отправлять на разборку деревянных домов. На Крестовском острове их было много. Разбирали их на дрова. Некоторые дома стояли совсем пустые. Вещи, книги, которые в них оставались, свозили в специальные склады, где все это принимали по описи. И только после этого можно было начинать ломать дома. Все делали вручную. Двух-трехэтажные дома ломали ломом и канатами при помощи «эй ухнем, потянем, потянем» и т.п.

Летом 1942 г. появились огороды. С какой радостью мы грызли свежую редиску, а из бобов варили вкуснейшие щи. Ближе к осени: редька, турнепс, капуста вместе с нарезанными зелеными листьями. Все квасили. Это называлось «хряпа».

В конце июня 1943 г. нам вручали медали «За оборону Ленинграда». В большом монтажном в широком проходе были расставлены стулья, как в зрительном зале и в очень торжественной обстановке проходило это событие. И очень долго после этого медаль, самая для меня дорогая, была приколоты и на легком летнем платье, и на рабочей форме.

Самый главный и незабываемый день – 27 января 1944 г. Перед концом смены на заводе нам объявили, что вечером будет важное сообщение. За несколько дней до

этого в городе стала слышна канонада, вечерами вдали были видны следы трассирующих снарядов. Мы знали, что идут бои за полное освобождение Ленинграда. И вот наступил этот день. Лучшего места, чем крыша монтажного цеха, откуда когда-то мы сбрасывали зажигалки, не было. Мы забрались туда и с нетерпением ждали. Город был еще погружен в темноту. И вот в 8 часов вечера раздался праздничный салют. Я не помню, сколькими залпами из 324 орудий салютовал Ленинград своим доблестным воинам-победителям, но зрелище это было впечатляющее! Мы кричали от радости и одновременно плакали. И вдруг зажглись уличные фонари! Город в течение двух с половиной лет погруженный во тьму, сверкал всеми своими яркими электрическими огнями. И долго еще царил над городом праздник, гремела музыка, ликовал народ освобожденного от блокады Ленинграда.

Я считала, что мы четверо остались в живых в то страшное время потому, что в нашей семье было четыре рабочих карточки и кроме того, папе не приходилось тратить силы на дальние переходы с завода до дома и обратно. Летом 1942 г. ему предложили перебраться поближе к заводу. Нам предоставили две комнаты в четырехкомнатной квартире по ул. Ленина, недалеко от завода, куда мы переехали.

15.01.98.

ЦГА УР. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 28–31об.

«Дорогой жизни»

Воспоминания Бабкиной Раисы Константиновны, 14.09.30 года рождения.

Воспоминания о прошлом всегда связаны с радостным чувством или душевной болью пережитого. В нашей семье военного моряка весть о начале войны даже с моей точки зрения одиннадцатилетней девочки не была трагической неожиданностью. Родилась я в легендарной военно-морской крепости-городе Кронштадте. Отец, кадровый офицер, объездил почти все военные базы Северного флота, как говорится, внес свой вклад в укреплении их мощи. Война застала его на Севере. Я с мамой и тремя сестрами были временно до вызова оставлены в городе.

Война была частью нашего быта еще задолго до ее начала. Частые командировки отца, его разговоры шепотом с сослуживцами, ночные вызовы на службу...

Фильмы о войне, пионерские сборы с военной атрибутикой, линейками, отрядами, салютами, рапортами, красными знаменами делали нас соучастниками важного военного строительства в стране. Но с началом настоящей войны наши детские представления разлетелись в прах. В первые месяцы войны, когда еще было тепло и светло, мы все дружно уходили в бомбоубежище. У каждой из нас были определенные обязанности: старшая сестра несла теплые вещи, я вела за руку трехлетнюю сестренку, а в другой руке остатки теплых вещей, мама несла малышку, которой не было еще и года. Надо было все предусмотреть: неизвестно сколько времени мы пробудем в бомбоубежище. Ночью шли мы в кромешной тьме, боялись потерять друг друга.

Непрерывные авиационные налеты, пожары, разрушения, мертвящий страх от взрывов бомб и снарядов, гибель близких людей. Казалось, что все это ненадолго, что вот-вот кончатся наши мучения, что так не может продолжаться долго, еще никто не знал, что нам в действительности предстоит пережить.

Очень быстро наступили холода, пришел настоящий голод. Наша мама утром уходила за хлебом, маленькими кусочками хлеба в 125 г на человека, а мы оставались дома с тоской и надеждой, ожидая ее возвращения. Каждый день надежды на перемены оставалось все меньше и меньше. Во время налетов мы перестали ходить в бомбоубежище, стали меньше разговаривать, а потом совсем замолчали.

В нашей комнате, лишь в одной, появилась «буржуйка» с трубой, выведенной в форточку. Мама раздобыла немного керосина, в маленький флакон вылила керосин и вставила фитиль. Фитилек сильно коптил и очень мало давал света. «Буржуйка» по-

стоянно требовала дров, а тепло не сохраняла. Жгли все, что горело: книги, мебель, двери. Жили в молчании. Младшая сестренка переносила голод и холод молча, не плакала, только смотрела в одну точку потухшим взглядом. После войны я долго не могла понять, почему грудные дети плачут. Моя сестренка молчала.

Ощущение острого голода, который мы испытывали в первые зимние месяцы, прошло. Пришло равнодушие, не хотелось ни есть, ни двигаться. Мама все время тормошила нас. Она боялась, когда мы засыпали, хлопала нас по щекам, говорила, что еще не ночь – спать нельзя. Только потом я поняла, почему она так боялась, когда мы забывались в дреме. Помню свою двоюродную сестру, почти лысую. Она сама вырвала себе волосы на голове и не могла объяснить, зачем это сделала. Нас уже ничто не интересовало. Лишь иногда мы обращали внимание на черную тарелку радио. Оттуда до нас доносился негромкий проникновенный голос – читали стихи. Порой звучала музыка, от которой пробуждалась надежда. Вот и все положительное, что можно вспомнить о бесконечно холодной и иступляюще голодной темной блокадной зиме. Весна принесла перемены. Говорили, что стариков и детей вывезут из города «дорогой жизни» через Ладожское озеро. Стоял апрель 1942 г., когда нас, безразличных ко всему детей, вместе с мамами собрали на площади, усадили в грузовики и, когда начало смеркаться, повезли куда-то. «Не давайте детям спать!» – слышались указания сопровождающих нас.

Спать было нельзя, чтобы не замерзнуть – ночи-то в апреле еще холодные.

Ехали мы бесконечно долго. Машины двигались без огней. Как они находили дорогу, никто не знал. Лед был уже хрупким и ненадежным. Мама потом рассказала, что две машины перед нашей пошли под лед и все погибли.

Наконец, мы приехали. Нас «выгрузили» из машин солдаты. Они бережно брали детей за руки и передавали по цепочке. В помещении было тепло. Нас посадили за столы и начали кормить. Мама уговаривала: «Не ешьте много». Дети не верили, что так может быть, что это не сон и многие не ели. Уж только потом нас трудно было остановить. Дети громко плакали, просили еще и еще есть. Матери плакали вместе с детьми, уговаривая, что больше есть нельзя.

После этого нас погрузили в товарные вагоны «тепушки» и повезли на «Большую землю». Куда? Никто не знал, но знали, что теперь мы выживем. Но беда и здесь нас подстерегала. Мы были настолько истощены, ослаблены, что не справлялись с обилием пищи. Умирать и взрослые, и дети. Сначала умерла младшая сестренка, а через несколько дней – трехлетняя. Мама отдала их трупки из вагона, и мы не знаем, на какой станции они похоронены. Я и старшая сестра – выжили. Постепенно жизнь возвращалась к нам. Мы стали улыбаться, беречь и любить друг друга. Мы жили и были счастливы, но пережитое не забывается и без слез не вспоминается.

Хочется, чтобы наши дети и внуки никогда и не слышали того, что пришлось пережить нам. Но и пусть они помнят об этом.

ЦГА УР. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 36–38.

Таким образом, перед нами предстают воспоминания о блокаде уже взрослых детей, которым на момент начала блокады исполнилось 11–16 лет. Поэтому даже будучи записанными через много десятилетий, они содержат довольно подробные детали блокадной повседневности. В них говорится о том, что волновало детей в ту пору, что наиболее сильно врезалось в память. Это может оказать существенную помощь в изучении такой категории, как «дети войны», поскольку исследовать ее лишь с позиции взрослых недостаточно.

Поступила в редакцию / Received: 13.09.2020

References

- Kulik, S.V. “The 1945–1946 criminal trial of Nazi war criminals in Leningrad in the coverage of the regional press.” *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (2018): 5–13 (in Russian).
- Магаева, С.В. *Bibliografiya publikatsii memuarov leningradskikh blokadnikov*. Moscow: Sovet Moskovskoy organizatsii Obshchestva veteranov – zhiteley blokadnogo Leningrada Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии.

Sergey N. Uvarov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Sociology and Political Science, Izhevsk State Agricultural Academy.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>

Научная статья / Research article

Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в.

Н.А. Мицюк^а, А.В. Белова^{bc}

^аСмоленский государственный медицинский университет,
214019, Россия, Смоленск, ул. Крупской, 28,
mitsyuk.natalia@gmail.com

^bТверской государственный университет,
170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31,
Belova.AV@tversu.ru

^cЦентр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН,
119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а,
anna.belova@iea.ras.ru

Аннотация: Рассматривается процесс институционализации акушерской специализации среди женщин в России в XVIII – начале XX в. Авторы при работе с историческими источниками (законодательными актами, делопроизводственными документами, формулярными списками, отчетами о деятельности медицинских учреждений, родильных отделений) опираются на подходы гендерной истории и концепцию профессионализации Э. Фрейдсона. Акушерство явилось первой областью женского труда, который был официально признан государством. Было выделено три основных этапа на пути профессионализации акушерской профессии среди женщин. Первый этап (XVIII в.) связан с попытками изучения и систематизации деятельности повивальных бабок, практический опыт которых активно использовался врачами, ограниченными теоретическими знаниями. Второй этап профессионализации повивального дела (первая половина XIX в.) был связан с нормативным регулированием деятельности повитух и формирования профессиональной иерархии в акушерстве. Третий этап профессионализации акушерства (вторая половина XIX – начало XX в.) обусловлен ограничением сфер деятельности повитух, активным включением в практическое акушерство врачей-мужчин и занятие ими доминирующего положения. С развитием акушерской специализации, оперативного акушерства, открытием родильных отделений повивальные бабки заняли подчиненное положение по отношению к врачам. В отличие от США и стран Западной Европы, в России так и не сложились профессиональные ассоциации акушерок, прослеживалась слабая внутривидовая коммуникация, отсутствие корпоративной солидарности. В условиях советской медицины акушерки окончательно заняли подчиненное место по отношению к врачам.

Ключевые слова: история деторождения, история акушерства, акушерки, повитухи, социальная история медицины, гендерная история

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)» (№ 19-09-00191).

Для цитирования: Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>

Midwifery as the first official profession of women in Russia, 18th to early 20th centuries

Natalia A. Mitsyuk^a, Anna V. Belova^{b,c}

^aSmolensk State Medical University, 28 Krupskaya St., Smolensk, 214019, Russia, mitsyuk.natalia@gmail.com

^bTver State University, 16/31 Tryokhsvyatskaya St., Tver, 170100, Russia, Belova.AV@tversu.ru

^cCenter for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay, Russian Academy of Science, 32a Leninsky Av., Moscow, 119991, Russia, anna.belova@iea.ras.ru

Abstract: The authors study the institutionalization of midwife specialization among women in Russia in the period from the 18th through the early 20th centuries. The main sources are legislative acts, clerical documents, as well as reports on the activities of medical institutions and maternity departments. The authors use the approaches of gender history, and the concept of professionalization as developed by E. Freidson. Midwifery was the first area of women's work that was officially recognized by the state. There were three main stages on the way to professionalizing the midwifery profession among women. The first stage (covering the 18th century) is associated with attempts to study and systematize the activities of midwives. The practical experience of midwives was actively sought by doctors whose theoretical knowledge was limited. The second stage of professionalization (corresponding to the first half of the 19th century) was associated with the normative regulation of midwife work and the formation of a professional hierarchy in midwifery. The third stage (comprising the second half of the 19th century and the early 20th century) saw a restriction of the midwives' spheres of activity, as well as the active inclusion of male doctors in practical obstetrics and their rise to a dominant position. With the development of obstetric specialization, operative obstetrics, and the opening of maternity wards, midwives were relegated to a subordinate position in relation to doctors. In contrast to the United States and Western European countries, Russia did not have professional associations of midwives. Intra-professional communication was weak, and there was no corporate solidarity. In Soviet medicine, finally, the midwives' subordinate place in relation to doctors was only cemented.

Keywords: history of childbirth, history of obstetrics, midwives, social history of medicine, gender history

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project "Women's social memory as a consolidating potential of a multigenerational family, strengthening statehood and the Russian nation (18–21 centuries)" (No. 19-09-00191).

For citation: Mitsyuk, Natalia A., and Belova, Anna V. "Midwifery as the first official profession of women in Russia, 18th to early 20th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>

Введение

Темы, связанные с историей акушерства, традиционно относились к области истории медицины. Исследователей интересовало исключительно развитие медицинской науки, расширение институтов здравоохранения, институционализация медицинской профессии. Слабая представленность женщин в публичном пространстве вплоть до XX в. приводит к тому, что история науки, техники, профессий рассматривается как исключительно мужская. История акушерства в России в историко-медицинских исследованиях представлена в подавляющем большинстве мужскими фамилиями¹. Внедрение новых источников, применение гендерного подхода, развиваемого историками, социологами, антропологами, позволяет изменить ракурс классических историко-медицинских исследований, раскрыть важные темы, незамеченные или обойденные вниманием в рамках классической истории науки и медицинской техники.

¹ Данилишина Е.И. Основные этапы и направления развития отечественного акушерства (XVIII–XX вв.). М., 1998.

Цель данной статьи – выявить основные этапы в процессе институционализации акушерской профессии в России в XVIII – начале XX в., которая явилась первой официально признанной специализацией оплачиваемого женского труда. Мы используем социологическую концепцию моделей профессионализации Э. Фрейдсона, согласно которой основными критериями профессионализации труда выступают: стандартизация обучения, контроль над производством знания (четкие критерии для тех, кто может обучать, и тех, кто может обучаться), развитие нормативной базы в деятельности профессионала, совмещение теории и практики, востребованность знаний на рынке, самоорганизация и автономность специалистов². В российской историографии делались попытки изучения профессионализации врачебной профессии, но акушерки в рамках концепций профессионализма не анализировались³.

Не менее продуктивным оказывается подход гендерной истории. Впервые американские историки, под влиянием феминистских исследований антропологии деторождения, обратили внимание на неоднозначность развития профессионального родовспоможения и акушерской профессии⁴. Культуру деторождения в традиционных обществах представляла женская сеть, связанная исключительно с женским опытом, знаниями и практиками. Однако с развитием медицинских знаний в XVIII в., которые были представлены исключительно мужчинами, формированием рынка медицинских услуг, началась профессионализация родовспоможения, выраженная в проникновении в эту область врачей-мужчин. На протяжении XVIII – начала XX в. мы можем наблюдать процесс институционализации профессионального акушерства, связанного с важными гендерными процессами⁵. По мнению зарубежных исследователей, эта область медицины была сферой столкновения между акушерками и врачами-мужчинами, что в немалой степени характеризовало процесс развития гендерного самосознания и утверждения женщин в профессии⁶.

Исследуя российские источники (законодательные акты, делопроизводственные документы, формулярные списки, письма, прошения, отчеты о деятельности медицинских учреждений, родильных отделений), авторами ставятся следующие задачи: охарактеризовать основные этапы институционализации профессии акушерок в России; определить специфику профессионального взаимодействия между врачами и повивальными бабками; выявить влияние патриархальных установок на восприятие женщин-профессионалов и способы контроля институциональной медицины над деятельностью акушерок. Объектом исследования выступают образованные повитухи («ученые повивальные бабки», которых с 1870-х гг. именовали акушерками).

Первый этап профессионализации акушерства (XVIII в.): попытка изучения и систематизации истории деятельности повивальных бабок

Процесс становления института профессионального акушерства начался со второй половины XVIII в. Он был связан с развитием медицинской науки и появлением врачебных специализаций, а также с укреплением позиций институтов госу-

² *Freidson E.* Professionalism reborn: theory, prophecy, and policy. *Professionalism reborn.* Chicago, 1994; *Frieden N.M.* Russian physicians in an era of reform and revolution, 1856–1905. Princeton, N.J., 1981.

³ *Реннер А.* Исследования по истории медицины XVIII–XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы // *Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования.* СПб., 2011. С. 213–225; *Ратманов П.Э.* Западная концепция врачебного профессионализма в российских реалиях второй половины XIX – начала XX в. // *История медицины.* 2015. № 4. С. 589.

⁴ *Мицук Н.А., Пушкарёва Н.Л., Белова А.В.* История деторождения как объект социально-гуманитарных исследований в России // *История медицины.* 2019. № 4. С. 206–212.

⁵ *Borst C.G.* *Catching Babies: The Professionalization of Childbirth, 1870–1920.* Cambridge, 1995. P. 2.

⁶ *Leavitt J.W.* *Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950.* Oxford, 1986; *Donnison J.* *Midwives and Medical Men: A History of the Struggle for the Control of Childbirth.* New Barnett, 1988; *Borst C.G.* *Catching Babies...*

дарственной власти и роста вмешательства государства в частную жизнь граждан⁷. Согласно фуколдианской теории биополитики, с развитием научного медицинского знания, активно внедрявшего в повседневную жизнь представления о нормах и патологиях, государство, наравне с другими социальными институтами (право, судебная система, религия), стало использовать медицину в качестве средства управления и контроля⁸. Э. Фрейдсон⁹ полагал, что экспертное (медицинское) знание выступало важнейшим агентом поддержания социального контроля, разделявшим социальное поведение на то, которое лечат (болезни), или то, которое наказывают.

Однако на пути профессионализации акушерства в XVIII в. общество столкнулось с существенной проблемой. Экспертное медицинское знание, которое представляли врачи-мужчины, не могло проникнуть в сферу практического родовспоможения. Практики деторождения были табуированы, процесс родовспоможения считался исключительно женской прерогативой, сохранялось женское пространство родов. Невозможность врачей проникнуть в комнату роженицы и получить практический опыт родовспоможения привела к тому, что первый этап профессионализации акушерства был связан с институционализацией повитушества. В XVIII в. происходила нормативная регламентация деятельности повивальных бабок и стандартизация их образования. На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. были приняты основные законодательные акты, регламентирующие профессиональную подготовку и труд повивальных бабок.

В 1754 г. тайный царский советник, лейб-медик П.З. Кондоиди, инициировал принятие закона об открытии особых повивальных школ и «о снабжении столиц и городов испытанными в сем искусстве повивальными бабками»¹⁰. Принятию закона предшествовал сбор сведений о всех практикующих повитухах в Москве и Санкт-Петербурге. Они должны были пройти аттестацию и, тех, «кои будут достойны», приводили к присяге. Появился новый термин – «присяжные повивальные бабки». Бабки обязывались «днем и ночью ходить к роженицам богатым и убогим, какого бы чина и достоинства они ни были», «к муке напрасно не склонять», а от «бранливых слов, клятв, шуток, неучтивых речей и прочаго совершенно удерживаться». Столичные повитухи были «освидетельствованы» (записаны в реестр), приведены к присяге, разделены на «старших» и «младших»¹¹. Введение присяжной процедуры, с одной стороны, было направлено на ввод государственного контроля над деятельностью повитух, а с другой – на оформление профессионального статуса уже практикующих. Таким образом, еще до официального открытия повивальных школ власти подтвердили специализацию повитух без прохождения теоретического обучения, исключительно по факту их владения практическими навыками. Эти первые «освидетельствованные» должны были стать той силой, которая способствовала развитию профессионального акушерского образования в стране. Именно их впоследствии начали определять в разные повивальные школы для практической поддержки преподававших теоретический курс приглашенных врачей.

Среди российских врачей акушерская специализация была крайне редкой, законодатель сделал ставку на развитие женского повивального образования. И все же,

⁷ Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Колдман С.Д. Пути становления и развития женского профессионального сообщества на примере повивального дела в 1754–1860 гг. // Российская история. 2019. № 5. С. 118–131.

⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.

⁹ Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. New York., 1970.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1649–1825. Т. XIV (1754–1757). 29 апреля 1754. № 10214 Об учреждении в С. Петербурге и Москве школ для обучения. С. 55–57.

¹¹ Там же. С. 56.

помимо повивальных бабок, в тезаурусе тогдашних законодателей появились и мужчины – «профессора бабичьего дела», «лекари-акушеры»¹². Знание истории первых российских родильных домов позволяет увидеть, что это были иностранцы, которые поначалу практически не участвовали в процессе родовспоможения, а выполняли административные функции (в т.ч. координации работы женщин-повитух). Исключительное право преподавать акушерскую науку также закреплялось за мужчинами.

Преподавателями первых повивальных школ, открытых в Москве и Санкт-Петербурге, были приглашенные иностранцы (И.Ф. Эразмус, А. Линдеман). Ученицы изучали теорию, а также делились собственным опытом родовспоможения с профессорами. Практические навыки, которые можно было подкрепить одновременным с преподавателями присутствием на родах, апробировались повитухами уже после прослушанного¹³. Плацдармом для контаминации теоретического медицинского знания и практических навыков в области акушерства призваны были стать родильные госпитали, которые поначалу открылись при воспитательных домах Москвы и Санкт-Петербурга для самых бедных, особенно незамужних женщин, в качестве тайного убежища¹⁴.

Первый российский «профессор повивального искусства» Н.М. Амбодик-Максимович (1744–1812) критически относился к народному акушерству, но считал целесообразным развитие повивального образования, которое должно было находиться под контролем врачей-акушеров. Он одним из первых обосновал необходимость выделения акушерства в качестве самостоятельного направления в медицине и отдельной специализации при подготовке врачей¹⁵. Многие из его коллег скептически оценивали возможность существования отдельной акушерской специализации, полагая, что эта сфера деятельности предназначена исключительно для повитух.

Значимым этапом в институционализации профессиональной деятельности повитух явилось принятие 20 сентября 1789 г. Устава повивальным бабкам. Это был первый в российской женской истории документ, регламентировавший женский профессиональный труд. Основные требования, предъявляемые к профессиональным повитухам, состояли в необходимости пройти в медицинской коллегии «испытание», доказывавшее владение теоретическими и практическими навыками, и под присягой дать слово не заниматься «плодоизгнанием». Законодательно фиксировались и необходимые для профессии личностные качества: повитухи должны были быть «доброго поведения», скромными, не болтливыми («соблюдая всегда молчаливость»), готовыми прийти на помощь «во всякое время, днем или ночью»¹⁶, соблюдая... трезвость, «дабы во всякое время в состоянии были дело свое исполнять». Если повитуха получала жалование от казны, то ей запрещалось брать плату с рожениц. Текст Устава заставляет признать его первым документом, подчеркнувшим приоритет теоретического, высокопрофессионального медицинского (по сути же – мужского) знания над практическим, малопрофессиональным, отчасти знахарским женским. Устав впервые разводил деятельность врачей и повитух. Повитухам не разрешалось осуществлять хирургические вмешательства, «наистрожайше» запрещалось «вступать в лечение от других болезней»¹⁷, вменялось в обя-

¹² ПСЗРИ. Собрание 1649–1825. Т. XIV (1754–1757). 29 апреля 1754. № 10214 Об учреждении в С. Петербурге и Москве школ для обучения. С. 55–57.

¹³ Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 758. Оп. 17. Д. 54.

¹⁵ Максимович-Амбодик Н.М. Искусство повивания или Наука о бабичьем деле. СПб., 1759. С. 8.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. XXIII (1789–1796). 20 сентября 1789. № 16804. Устав повивальным бабкам и определение платы им за труды. С. 76.

¹⁷ Центральный государственный архив г. Москвы (Отдел хранения документов до 1917 г.) (далее – ЦГАМ (ОХД до 1917 г.)). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5475.

занность приглашать профессора повивального искусства при трудных родах. С этого распоряжения берет начало превосходство мужчин в медиализирующемся процессе родовспоможения в России.

Помимо родовспоможения Устав вменил повитухам в обязанность (что было следствием развития государственного контроля над репродуктивным поведением подданных) проводить освидетельствования женщин для установления факта «плодоизгнаний» и «лишения девства».

Открытие в 1797 г. в Санкт-Петербурге при поддержке императрицы Марии Федоровны родильного госпиталя для бедных замужних матерей было новым шагом к институционализации женского профессионального повитушеского труда. При госпитале появилась повивальная школа на 22 воспитанницы, впоследствии ставшая Повивальным институтом¹⁸. Следует отметить, что термин «институт» (от фр. «l'institut», по постановлению Конвента так стали именовать крупные общественные школы во Франции) был впервые употреблен в России в отношении повивального учреждения (чуть позже Мариинского института). Впервые государство дало возможность женщинам не только получить профессиональное образование, но и социальные гарантии для занятости. Окончившие курс девушки, именовавшиеся повивальницами или повивальными бабками, определялись для службы в различные города России, где им следовало прослужить на указанном месте не менее шести лет¹⁹. Определенные на службу воспитанницы получали «экипировочные деньги» (200–300 руб.)²⁰, на которые необходимо было приобрести инструменты – «повивальный ящик» и «прогонные деньги» (включая затраты на проезд к месту назначения). Помимо финансовой поддержки выпускниц информировали о вакансиях по губерниям. Директор института распределял места, учитывая успехи каждой воспитанницы.

Положение учениц повивальных школ было неординарным. Теоретическим знаниям обучали мужчины-акушеры, не имевшие должного практического опыта в сфере родовспоможения. Речь шла не столько о передаче знаний, сколько об обмене информацией между врачами и практикующими повитухами, которые обогащали своих педагогов информацией об апробированных не раз манипуляциях и практиках²¹. Обучавшихся акушерству в Московском университете и Медико-хирургической академии студентов посылали в родильные отделения Воспитательных домов, чтобы повитухи научили их навыкам принятия родов²². Возникла необычная для Западной Европы, но привычная для России и применявшаяся на протяжении первой половины XIX в. практика организации ученичества у практикующих повитух, пройдя которую все научившиеся принимать роды должны были подкрепить свои умения теоретическими знаниями, сдав экзамен мужчинам-врачам²³.

По всей России начало распространению профессионального повитушества было положено законом 1797 г., согласно которому в медицинских управах в составе медицинских чинов появились акушерки²⁴. Труд повитух активно использовался властями на присоединенных территориях.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. XXVIII (1804–1805). 14 марта 1805. № 21659. С. 893.

¹⁹ Груздев В.С. Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России // Акушерско-гинекологические учреждения России. СПб., 1910. С. 12.

²⁰ Отт Д. Сто лет деятельности Императорского клинического повивального института (1797–1897 гг.). СПб., 1898. С. 10.

²¹ Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 4. С. 515–530.

²² Груздев В.С. Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России // Акушерско-гинекологические учреждения России. СПб., 1910. С. 15.

²³ ПСЗРИ. Т. XXXII (1815–1816). 13 ноября 1816. № 26515. С. 1086.

²⁴ Там же. Т. XXIII (1796–1797). 19 января 1797. № 17743. С. 295.

Второй этап профессионализации повивального дела (первая половина XIX в.): нормативное регулирование деятельности повитух и формирование профессиональной иерархии в акушерстве

Большинство представителей медицинского сообщества в начале XIX в. продолжали смотреть на акушерство не как на науку, а как на повивальное искусство, носительницами которого являлись повивальные бабки. Среди врачебной специализации врачей-акушеров было крайне мало. Так, в 1823 г. из 260 врачей Санкт-Петербурга числилось только 6 врачей-акушеров²⁵. Курс акушерства на медицинских факультетах был второстепенным. Врачи не располагали достаточным клиническим материалом, преподавание велось в основном в теории, практические навыки оттачивались, как и во второй половине XVIII в., на «куклах» и фантомах. В обществе сохранялось устойчивое неприятие присутствия постороннего мужчины при столь интимных процедурах, как гинекологический осмотр женщины или роды. Врачей могли привлечь к суду только за то, что они производили осмотр женщины без достаточных на то согласований. В 1829 г. получил огласку случай доктора Баженова, который был осужден за осмотр роженицы без повивальной бабки²⁶.

Важным этапом в институционализации повивального образования стал дополненный Устав повивальным бабкам 1816 г. Данный документ подробно описывал характер деятельности повитух, требования, предъявляемые к ним, «тактику родов», особенности взаимодействия акушеров и повитух²⁷. С начала XIX в. к повивальницам стали предъявлять все больше требований. Их деятельность стала строже контролироваться. С 1838 г. повивальные бабки были включены в состав девяти медицинских званий и степеней. Согласно новым правилам все допущенные к сдаче экзамена на звание повитухи должны были иметь свидетельства трех случаев принятия родов, заверенные местным начальством²⁸. Все большее значение уделялось подаваемым повитухами ежемесячным отчетам²⁹. В 1830-х гг. были открыты должности повитух при МВД и Министерстве государственных имуществ. Должности акушеров и повивальных бабок окончательно закрепились в составе гарнизонов Санкт-Петербургской и Московской полиции³⁰. Уличенные в различных преступлениях женщины часто объявляли себя беременными, ибо закон требовал таковым «пытку и наказания не чинить»³¹. Обученные повивальные бабки должны были вносить ясность: правду говорят преступницы или лгут. Нередко роды происходили в полицейских будках³², которые для неимущих женщин, нуждавшихся в помощи, становились временным пристанищем.

Желая распространить учет и контроль за повитухами на внегородские слои, с 1845 г. в Повивальном институте был объявлен набор для женщин, готовых подготавливаться по сокращенной и упрощенной программе в течение двух лет, чтобы получить звание «сельских повитух» и отправиться в сельскую местность³³. Выпуск-

²⁵ Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов на 1823 год. СПб., 1822. С. 436.

²⁶ Груздев В.С. Краткий очерк... С. 29.

²⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 185. Оп. 1. Д. 664. Л. 24–27.

²⁸ ПСЗРИ. Т. XIII (1825–1881). 28.12. 1838. № 11896. С. 456.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 652. Л. 2.

³⁰ ПСЗРИ. Т. XXVI. 26.12.1851. № 25850. С. 181; ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3195.

³¹ Чистович А.Я. Очерки из истории первых русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 172.

³² Призрение недостаточных рожениц, нуждающихся в общественной помощи. Городские родильные приюты в С-Петербурге в 1868–1885 гг. СПб., 1887. С. 7.

³³ Отт Д. Сто лет... С. 33–34; ПСЗРИ. Т. XIV (1825–1881). 27 мая 1839. № 12380. С. 499–501.

ницы школы сельских повитух были на ступень ниже выпускниц самого института и могли помогать при родах лишь в сельской местности.

В 1840-е гг. происходило окончательное разделение обязанностей повивальной бабки и врача-акушера, областей применения их знаний и навыков. Повивальная бабка должна была оказывать помощь при родах, заниматься «в тесном смысле ... родовспомогательным искусством»³⁴, в то время, как сфера деятельности акушера рассматривалась предельно широко³⁵. Врачу предписывалось владеть комплексом технических средств для принятия родов, знать рацион питания для роженицы и родильницы, уметь выписывать рецепты на соответствующие лекарства. К.Ф. Дейч, отстаивая авторитет врача-акушера перед повитухой, настаивал, что к акушерам женщины должны обращаться в случае возникновения любых осложнений в протекании беременности³⁶.

С 1840-х гг. в акушерстве наблюдалось стремительное введение новых технических приспособлений. Врачи активно экспериментировали, стремясь не только облегчить течение родового процесса, но и увеличить собственную значимость и профессионализм в глазах пациенток. С применением Н.И. Пироговым наркоза (хлороформа) в хирургических операциях врачи-акушеры стали экспериментировать с использованием наркоза при трудных родах, требовавших оперативного вмешательства. В результате акушерство и хирургия сблизилось настолько, что возник термин «хирургическое акушерство».

К середине XIX в. была выстроена профессиональная иерархия в акушерской профессии. Городские и уездные, старшие и младшие присяжные повивальные бабки подчинялись городскому акушеру (при его отсутствии – городскому врачу/лекару), тот отчитывался перед врачебной управой (в Петербурге – перед медицинской коллегией), а с 1803 г. – Министерству внутренних дел³⁷. Термин «акушер» закрепился за мужчинами с высшим медицинским образованием, способными помочь при трудных родах; женщин все так же именовали повитухами³⁸. Непосредственное содействие при родах должны были оказывать повивальные бабки, координацию их деятельности осуществлял городской акушер (в дальнейшем появились должности старшего и младшего акушера), который практически не призывался на роды, но принимал отчеты служивых повитух³⁹. Утверждалась профессиональная терминология по отношению к квалификации женщин, получивших разное специальное образование. На страницах законодательных документов, отчетов, в правовой литературе встречаются термины «повивальные бабки», «привилегированные повивальные бабки», «вольнопрактикующие повивальные бабки», «непривилегированные повивальные бабки», «вольноповивальные повитухи», «ученые повивальные бабки», «сельские повивальные бабки». К «привилегированным повивальным бабкам» относили выпускниц профильных учебных заведений (повивальных институтов и школ). Они служили при казенных заведениях и получали жалованье, также имели право заниматься частной практикой. «Вольнопрактикующие» повитухи подтверждали свою квалификацию посредством сдачи экзаменов, занимаясь в основном частной практикой, оказывая помощь при родах «на съемных квартирах».

Отчеты повивальных бабок, служивших в уездах, свидетельствуют о том, что население крайне редко обращалось к их помощи, доверяясь необразованным дере-

³⁴ *Кораблев Г.И.* Курс акушерской науки и женских болезней. М., 1841–1843 С. 7.

³⁵ Там же. С. 8.

³⁶ *Дейч К.Ф.* Лучшее приданое или необходимые наставления для беременных, рожениц и родильниц. М., 1841. С. 38.

³⁷ ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1919.

³⁸ *Кораблев Г.И.* Курс акушерской науки... С. 8–9

³⁹ ЦГИА СПб. Ф.185. Оп. 1. Д. 598. Л. 1–2.

венским повитухам⁴⁰. Образованные повивальные бабки, как и врачи-акушеры, по-прежнему вызывали недоверие и неприязнь⁴¹. Их труд получал распространение в городской среде и был тесно связан с появлением родильных клиник. Законодательно деятельность необразованных повитух не была запрещена, хотя попытки запретить делались⁴². Нехватка дипломированных специалистов была настолько острой, что власти разрешили опытным умелицам не только заниматься своим делом, но и получать во врачебной управе «на простой бумаге свидетельство» в том, что они могут «бабить» там, «где нет повивальных бабок».

Представим социальный портрет образованной повивальной бабки. Это – незамужняя или вдова, бездетная, 30–45 лет, получившая образование в столичных учебных заведениях⁴³. Повивальная профессия была внесловной, среди повитух встречались дворянки, мещанки, крестьянки, дочери купцов и священников. Очевидно, на пути к гендерному самоопределению – получению профессии, финансовой независимости, службе в официальных государственных учреждениях – акушерское образование давало много возможностей.

Согласно «Уставу повивальных бабок», «Уложению о наказаниях...», деятельность повивальных бабок строго регламентировалась. Самонадеянность повивальницы могла быть наказана штрафом и даже привлечением к суду⁴⁴. Применение повитухами своих знаний не по назначению (абортирование по просьбе женщин) каралось каторжными работами⁴⁵. Уклонение от службы могло стать причиной разбирательства с врачебной управой⁴⁶. Обученным повивальницам запрещалось брать дополнительную плату за свою работу, оказывать предпочтения в принятии вызовов «в отношении состоятельных, именитых родильниц в угоду бедным»⁴⁷. Нужно было самим быть благонравными и представлять акушеру, врачу или лекарю «рапорты» о «благонравном поведении» подопечных⁴⁸. Помимо услуг родовспоможения повитухи проводили осмотры женщин, способствуя «распознаванию здоровых и болезненных состояний», а также подтверждая факт беременности. Именно повивальные бабки стояли у истоков практической гинекологии в России; немало способствовали они и сбору информации для криминологов⁴⁹. Результаты осмотра повитух могли иметь влияние на судебное решение, поэтому к концу XIX в. это право повитух было ограничено, оно стало подвергаться жесткой верификации со стороны врачей-мужчин. В крупных городах повитухи привлекались и для регулярных осмотров проституток. Цели преследовались благие – определение женщин в лечебные заведения в случае обнаружения венерических болезней⁵⁰.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф.185. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1; Государственных архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 754. Оп. 1. Д. 4. Л. 168 – 168 об.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 34, 742.

⁴² ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2650, 3775, 4274.

⁴³ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 4, 71, 100, 119, 148, 373, 499; ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 38, 51, 110, 127, 1359, 1418, 1642; Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 35; Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 1393, 1591, 1958, 1996, 2258.

⁴⁴ ПСЗРИ. Т. XXXII. 13.11.1816. № 26515. С. 1086–1087; Там же. Т. XX. 15.08. 1845. № 19283. С. 1089–1090; ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 742.

⁴⁵ ПСЗРИ. Т. XX. 15 августа 1845. № 19283. С. 1090–1091.

⁴⁶ ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6164.

⁴⁷ ПСЗРИ. Т. XXIII (1789–1796). 9.04.1789. № 16804. С. 77.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 732, 782, 825, 896, 954, 1041; ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 509, 544, 1303, 1311, 1438, 1443, 1555, 1957

⁴⁹ Карус К.Г. Учебная книга гинекологии или систематическое изложение учения о распознавании здоровых и болезненных состояний. СПб., 1833. С. 4; Левитский Д.И. Руководство к повивальной науке. М., 1821. С. 93.

⁵⁰ ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3767.

Расширяя круг обязанности повитух, закон XIX в. предписал им «давать советы» беременным и родившим по уходу за ребенком⁵¹, в случаях отказа рожениц забирать новорожденных повитухи должны были оказывать «призрение подкинутым младенцам», определяя их в воспитательные дома⁵². В связи с ростом случаев отказа от детей в Санкт-Петербурге Министерство внутренних дел в 1809 г. обязало повитух проводить беседы с матерями и убеждать их не отказываться от рожденных⁵³. Иногда все те же повитухи помогали матерям в поисках кормилиц⁵⁴. Учитывая интенсивность труда повитух, личное знакомство со множеством людей в округе, с первой половины XIX в. акушеров стали допускать к оспопрививанию⁵⁵. С расширением обязанностей повитух возрастало их социальное обеспечение. При трудоустройстве повивальных бабок местные власти обязаны были им оказывать всяческое содействие, это же вменялось врачам, в подчинении которых состояли повитухи⁵⁶. В случаях переезда повивальной бабке предоставлялось новое место для службы. Помимо оплаты труда эти женщины получали квартирные, прогонные деньги⁵⁷. Как всяким госслужащим, им полагался ежегодный отпуск от одного до двух месяцев⁵⁸. Впервые в истории женщины за свой труд получили право на государственную пенсию. Несмотря на востребованность, большой повседневный опыт и наличие некоторых медицинских знаний, труд повивальных бабок оплачивался намного хуже, чем врачей-акушеров, лекарей или фельдшеров. В провинции они могли получать 40–45 руб. в год (в столицах – 90–100 руб.) против 300–600 руб., которые выплачивались мужчинам⁵⁹. Женщин никогда не представляли к государственным наградам, а врачи-акушеры за выслугу лет (от 12 и более) почти всегда получали орден св. Анны 3-й степени⁶⁰.

Третий этап профессионализации акушерства (вторая половина XIX в. – начало XX в.): ограничение сфер деятельности повитух, включение в практическое акушерство врачей-мужчин

Во второй половине XIX – начале XX в. врачи развивали направления акушерства, способные дать им абсолютное преимущество перед лицом народного акушерства. Авторитет врача и преимущества научного акушерства были связаны с внедрением новых технологий в родильные клиники, которыми не располагали повивальные бабки, принимавшие домашние роды. Научное акушерство развивалось по пути совершенствования научной диагностики беременности, внедрения различных способов обезболивания родов, оперативного акушерства и гинекологии. Одним из важнейших преимуществ врачей стала возможность проведения оперативного вмешательства при трудных родах.

С появлением для женщин шансов получить высшее медицинское образование сфера акушерства и гинекологии становилась одной из распространенных для них областей профессиональной специализации. Насколько тяжело происходила инсти-

⁵¹ Верман К. Руководство к обучению повивальному искусству. М., 1832. С. 7.

⁵² ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6125.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 337.

⁵⁴ Чистович А.Я. Очерки из истории первых русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 140.

⁵⁵ ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1958.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 9.

⁵⁷ ЦГАМ (ОХД до 1917 г.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2857, 3946, 4932; ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1383, 2016; Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1015; ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 48, 874.

⁵⁸ ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1006, Д. 1432.

⁵⁹ ПСЗРИ. Т. XXIII (1796–1797). 30.01.1797. № 17773. С. 312; ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1386.

⁶⁰ ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2045.

туционализация высшего акушерского образования демонстрирует судьба первой в России женщины-акушерки, получившей высшее медицинское образование и защитившей диссертацию на степень доктора, В.А. Кашеваровой-Рудневой⁶¹. С развитием высшего женского медицинского образования стали появляться предложения о возможности привлечения женщин-врачей к управленческой деятельности в сфере родовспоможения. Несмотря на скепсис врачей-коллег, И.М. Тарновский, преподававший на Женских врачебных курсах, открыто высказывался в пользу того, что женщины-врачи с акушерской специализацией вполне могли бы заведовать городскими родильными приютами. Пожалуй, впервые, на должность заведующих ряда городских родильных отделений Санкт-Петербурга женщины были избраны в 1883 г.⁶²

В эпоху либеральных реформ с развитием научного акушерства было обращено внимание на распространение профессионального родовспоможения в сельской местности. Правильная организация акушерского дела стала все больше волновать земские органы власти. Земские врачи рапортовали о «крайнем вреде»⁶³ деятельности необразованных повитух и сложности распространения профессионального акушерства⁶⁴. По разрозненным статистическим данным, к организованной акушерской помощи обращались не более 1–2 % крестьянок⁶⁵. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел был принят циркуляр «О средствах к организации повивальных школ для повитух из крестьянского сословия»⁶⁶. На протяжении всего XIX в. происходило столкновение образованных повивальных бабок с сельскими необразованными «бабушками», что символизировало противостояние народного акушерства научному. Собиратели этнографических сведений нередко встречали подобные утверждения крестьянок: «Я скорее же соглашусь умереть, чем посылать за акушеркой»⁶⁷.

Проблема предоставления «рациональной акушерской помощи» сельскому населению стала ключевой на акушерских съездах. Врачи полагали, что вытеснить из деревни необразованных повитух можно только через расширение деятельности профессиональных повитух, привлекаемых из состава крестьянского населения, которые знали крестьянский быт, умели говорить с крестьянками на «их языке», были бы «своими людьми»⁶⁸. В связи с этим посылать на акушерские курсы, в повивальные школы рекомендовалось крестьянок⁶⁹. Выделялись отдельные места в повивальных школах для земских стипендиаток. С целью экономии средств в 1880-е гг. стали открываться школы для сельских повитух при участковых земских лечебницах⁷⁰. Ученицы, прошедшие годичную подготовку, выдержавшие теоретический и практических экзамен, получали звание сельских повитух. Земские ученицы были обязаны после получения образования прослужить земству не менее пяти лет.

⁶¹ Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965.

⁶² Призрение недостаточных рожениц, нуждающихся в общественной помощи. Городские родильные приюты в С-Петербурге в 1868–1885 гг. СПб., 1887. С. 38.

⁶³ Журналы XX очередного СГЗС. Смоленск, 1885. С. 343.

⁶⁴ Журнал Духовщинского уездного земского собрания. Смоленск, 1870. С. 55.

⁶⁵ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 73.

⁶⁶ Там же. С. 72.

⁶⁷ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Костромская и Тверская губерния. СПб., 2004. С. 91.

⁶⁸ Болевский Г.С. Организация акушерской помощи сельскому и рабочему населению в имении графов Бобринских // Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 2.

⁶⁹ Рейн Г.Е. О русском народном акушерстве. Речь, произнесенная в торжественном заседании III съезда врачей 6 января 1889. СПб., 1889.

⁷⁰ Архангельская А.Г. К истории развития родовспоможения в земских губерниях (оттиск из Журнала акушерства и женских болезней. Т. XII. Апрель, 1898). СПб., 1898. С. 8.

С 1890-х гг. в медицинских отчетах исчезло наименование «повивальные бабки» и окончательно закрепилось название «акушерки». В медицинской терминологии «повитухами» продолжали называть исключительно сельских умелиц, без специального образования. Система профессионального акушерства, развиваемая земством, стала включать в себя три звена: 1) врач-акушер, 2) ученая повивальная бабка, акушерка, 3) сельская повитуха. Помимо земских акушерок в уездах трудились частно-практикующие сельские повитухи, получившие аттестат в ходе краткосрочных курсов и сдавшие экзамен. Их деятельность практически никак не регламентировалась. В то же время земством была разработана схема поощрения их труда. Сельские повитухи обращались к земству за выплатой им вознаграждения после принятых родов, которое составляло 2–5 руб. в зависимости от сложности произведенной работы⁷¹.

Социальное обеспечение земских акушерок было улучшено. Их оплата труда составляла 250–400 руб. в год, им полагались квартирные, прогонные деньги, ежегодный тридцатидневный отпуск. При наличии свободного времени акушерки должны были выполнять различные поручения врача, зачастую не касавшиеся их прямых обязанностей. Незначительная отлучка могла стать причиной для внутриведомственных разбирательств⁷². Они имели право на выплату пенсии по службе, в случае нужды имели право обратиться в земство (даже после окончания службы) за финансовой помощью.

С конца XIX в. врачи стали озвучивать проекты по распространению «рациональной акушерской помощи» в сельской местности⁷³. Составители проектов выражали убеждение, что контроль над родовспоможением должен находиться исключительно в руках врачей. Акушерки должны были занять подчиненное место, им отводилась роль вспомогательного персонала («акушерки всецело должны быть им подчинены, являясь только помощниками и исполнителями предписаний и назначений врачей»)⁷⁴. Предлагалось уезды разбить на акушерские участки (с радиусом 10–12 верст), где должны функционировать врачебные пункты. По возможности в них предлагалось открывать родильные приюты или комнаты на несколько кроватей. В каждом из участков должен числиться акушер. За каждым селением, по замыслу, закреплялась повивальная бабка. Очевидно, что реализации данных амбициозных планов мешало отсутствие у земских органов власти достаточных средств.

10 августа 1901 г. Медицинским департаментом МВД был принят циркуляр, согласно которому все практикующие повивальные бабки, получившие специальное образование, разделялись на два разряда. Право государственной службы стало распространяться исключительно на повивальных бабок I разряда. Для того, чтобы получить звание I разряда, необходимо было изучать акушерство, женские и детские болезни в течение двух лет, а также иметь опыт приема 20 родов. Кроме этого, при поступлении к ним предъявлялся высокий образовательный ценз. Повивальные бабки I разряда предназначались преимущественно для городских родильных отделений, домов и приютов⁷⁵. Курс обучения повивальных бабок II разряда был сокращен до одного года, им требовалось принять не менее 12 родов⁷⁶. Их основное место работы – на селе, в акушерских, акушерско-фельдшерских пунктах, при сель-

⁷¹ Журнал заседаний Духовщинского земского собрания, 1884. Смоленск, 1885. С. 210.

⁷² Журналы XIII Очередного Духовщинского уездного земского собрания, октябрь 1877. Смоленск, 1878. С. 16–18.

⁷³ *Отт Д.* Проект организации акушерской помощи среди сельского населения. Доклад секции акушерства и женских болезней VII съезда русских врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1899. С. 4.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Рейн Г.Е.* Родовспоможение в России // Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 109.

⁷⁶ Отчет акушерской школы и родовспомогательного и женского отделений при ней доктора В.А. Бродского за 1910–1911 гг. М., 1911. С. 12–13.

ских родильных приютах. Сегрегация акушеров была призвана ограничить их права на государственную службу, так как их количество стало значительным.

Таблица

Число повивальных школ в России на 1902 г.

Губерния	Повивальные школы	Принадлежность
Архангельская	Повивальная школа	МВД
Астраханская	Повивальная школа при род. отд. приказа общ. призрения	МВД
Бессарабская	Земская школа фельдшер и повитух	Земство
Варшава	1. Повивальный институт Императорского Варшавского университета 2. Школа сельских повитух	МНП Благотв.
Виленская	Губернская повивальная школа	МВД
Вятская	Повивальная школа	Земство
Гродненская	Гродненская повивальная школа	МВД
Казанская	Повивальная школа при казанском университете	МНП
Киевская	1. Акушерские курсы при Киевской городской больнице 2. Повивальная школа при университете	МВД МНП
Костромская	Повивальная школа при родовспомогательном заведении им. Ф.В. Чижова	Частн.
Курляндская	Повивальная школа при Курляндском приказе общественного призрения	МВД
Могилевская	Повивальная школа	МВД
Московская	Повивальный институт при Московском родовсп. заведении	Вед. Имп. Марии
Одесса	При Павловском родильном приюте	Благотв.
Орловская	Родовсп. учебное заведение при приюте Орловского медицинского общества	Земство
Пензенская	Школа повивальных бабок	Земство
Подольская	Повивальная школа при Каменецкой губерн. больнице	МВД
С-Петербургская	1. Суворовское уч. для повивальных бабок 2. С-Петерб. родовсп. 3. При Клиническом институте 4. Родовсп. уч. завед. при Александровском приюте для женщин 5. Мариинский род. дом	Городское Вед. Имп. Марии Вед. Имп. Марии Вед. Имп. Марии Благотв.
Саратовская	Родовсп. уч. завед. при Физико-Медицинского общ. в Саратове	Благотв.
Тифлисская	Ольгинский Повивальный институт	МВД
Тобольская	Тобольская Женская Повив.-фельдш. школа	МВД
Томская	1. Томский Повивальный институт 2. Повивальная школа	Вед. Имп. Марии МВД
Тульская	Школа повивальных бабок	Земство
Харьковская	1. Повивальное училище 2. Повивальный институт акушерской клиники Харьковского университета	МНП МНП
Эстляндская	Ревельская повивальная школа	Город эстляндс. дворянства
Ярославская	Ярославская повивальная школа Общества врачей	Земство
ВСЕГО	34	

Источник: *Судаков И.В.* Статистические данные по организации родовспомогательной помощи в России // Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 87–88.

В начале XX в. в России насчитывалось 16 908 врачей (среди них лишь 2,7 % женщин-врачей), 12 363 – без учета крупных городов, в то время как повивальных бабок – 9 358⁷⁷. Распределение профессиональной акушерской помощи было крайне неравномерным. Большинство родильных отделений и, как следствие, повивальных бабок, располагались в городах (66 %).

Консолидация акушерок выразилась в появлении специализированного журнала «Акушерка», который издавался с 1890 по 1916 г. В противовес врачебному научному журналу «Журнал акушерства и женских болезней», в женском журнале печатались преимущественно практические материалы.

Основным местом их подготовки продолжали оставаться повивальные школы. Большинство из них относилось к министерству внутренних дел – 32 %; 21 % числились при земских/городских органах власти; 15 % – при министерстве народного просвещения, остальные были открыты на общественные или частные средства (32 %). К началу XX в. насчитывалось 34 регулярно действующих учебных учреждения, обучавших повивальному делу (см. таблицу). Можно выделить 3 основных типа учреждений: повивальные институты, функционировавшие при университетах, школы при больницах и родильных отделениях, самостоятельные повивальные школы, без привязки к образовательным и медицинским учреждениям.

К 1910-м гг. число акушерок в уездах возросло в два-три раза, практически во всех земских больницах были открыты родильные отделения, действовали родильные покои при врачебных пунктах в селениях. Многими городскими властями и земствами использовалась система разъездной акушерской помощи. В медицинскую терминологию вошло понятие «квартирные роды». По данным уездов, их число приравнивалось к количеству родов в стационарах⁷⁸. Город или сельская местность разделялись на соответствующие участки. Акушерки, состоявшие при больницах, фельдшерских пунктах, являлись на вызов к женщинам. Для земских органов власти данная схема была наименее затратной. Однако врачи-акушеры в 1910-е гг. стали активно критиковать подобную практику, называя деятельность акушерок «бесконтрольной» и «безнадзорной», а значит, непременно опасной⁷⁹. Их доводы сводились к тому, что единственным правильным способом развития «рационального акушерства» является расширение сети родильных отделений⁸⁰.

В 1910-х гг. в медицинских кругах стал обсуждаться вопрос о принятии особого положения, регламентировавшего получение звания акушерок. Предлагалось относить акушерок к медицинским званиям в особых случаях: наличие у них двухгодичного обучения в акушерской школе и соответствующего практического опыта (не менее 20 принятых родов), полученного во время обучения⁸¹. Несмотря на начало Первой мировой войны, обсуждение вопроса продолжилось. У акушерок была слаба внутригрупповая коммуникация и практически отсутствовала корпоративная солидарность. Если первые общества врачей акушеров-гинекологов стали появляться в 1880-е гг., то первая попытка создания женского общества акушерок приходится на военное время. Впервые в России появилась женская профессиональная организация акушерок – Киевское общество взаимопомощи акушерок и фельдше-

⁷⁷ *Судаков И.В.* Статистические данные по организации родовспомогательной помощи в России // Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 90–92.

⁷⁸ Журналы Гжатского уездного земского собрания... С. 6.

⁷⁹ *Какушкин Н.М.* Новые пути в деле родовспоможения в г. Саратове // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 154.

⁸⁰ Там же. С. 160.

⁸¹ Новый проект закона об акушерках, выработанный Межведомственной комиссией по пересмотру врачебно-санитарного законодательства в России // Акушерка. 1914. № 1. С. 29–30; Фельдшерский съезд по вопросу о проекте «Положения об акушерках» // Акушерка. 1914. № 1. С. 92–95.

риц⁸², которое инициировало обсуждение вопросов, связанных с улучшением правового положения акушерок. Их также волновала ситуация, связанная с обсуждением врачами-мужчинами законопроектов относительно статуса акушерок, которая проходила без присутствия последних. Деятельницы общества смогли добиться встречи с профессором Г.Е. Рейном для обсуждения статей законопроекта.

Тенденции, намеченные во второй половине XIX в., связанные с ограничением деятельности необразованных повитух и занятием акушерками подчиненного по отношению к врачам положения, были закреплены в нормативных документах советской власти⁸³. Если в Западной Европе и США акушерки стали создавать профессиональные объединения, через которые отстаивали свои права и независимость перед врачами, в советской России акушерки встраивались в систему охраны материнства и младенчества, занимая подчиненное по отношению к врачам положение. В 1920-х гг. был повышен срок обучения акушерок до трех лет. Операции по производству абортов были закреплены исключительно за врачами⁸⁴. Институт акушерок стал рассматриваться в качестве вспомогательного персонала при городских родильных домах.

Выводы

Процесс институционализации акушерской профессии среди женщин был тесно связан с развитием профессионального, в особенности клинического родовспоможения. Акушерство явилось первой областью женского труда, который был официально признан государством. Трансформация профессиональной области от народных повитух к проходившим специальное обучение акушеркам означала не только выход практик родовспоможения за пределы собственно «женского пространства» в традиционной культуре, но и преобразование из эмпирической сферы деятельности в теоретически обоснованную. Существенна гендерная специфика профессионального разграничения в данной области: российские врачи-мужчины, занимавшиеся акушерством со второй половины XVIII в. и имевшие теоретические знания о процессе деторождения, столкнулись с проблемой отсутствия опытных знаний и невозможности применить научные достижения на практике. Законодательная регламентация с конца XVIII – начала XIX в. профессиональной подготовки и труда повивальных бабок привела к распространению профессионального повитушества по регионам пореформенной России. Однако по мере развития акушерской специализации, оперативного акушерства, открытия родильных отделений повивальные бабки заняли подчиненное положение по отношению к врачам. Несмотря на попытки ограничения деятельности, повивальные бабки преобладали в сфере оказания услуг родовспоможения. Тем не менее в дореволюционном российском пространстве так и не сложились профессиональные ассоциации акушерок, что свидетельствует об отсутствии корпоративной солидарности и о слабой внутрипрофессиональной коммуникации. Так или иначе это согласуется со спецификой женского движения в России конца XIX – начала XX в., которое было растворено в политических партиях, что не позволило актуализировать женскую повестку как таковую. В условиях советской медицины женщины-акушерки окончательно заняли подчиненное место по отношению к врачам, осуществляя функции вспомогательного медперсонала. При этом фактически их роль в процессе родовспоможения оставалась существенной, даже решающей с точки зрения оказания влияния на благоприятный исход родового процесса.

Поступила в редакцию / Received: 23.09.2020

⁸² К товарищам акушеркам // Акушерка. 1916. № 6–7. С. 172.

⁸³ *Левин М.Ф.* Родовспоможение в системе охраны материнства и младенчества. М., 1929. С. 134–135.

⁸⁴ Об искусственном прерывании беременности: Постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16 ноября 1920 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.

References

- Afinogenov, A. *Zhizn' zhenskogo naseleniya Ryazanskogo uезда v period detorodnoy deyatelnosti zhenshhiny i polozhenie dela akusherskoy pomoshhi etomu naseleniyu*. St. Petersburg: Shtab Otdela korpusa zhandarmov Publ., 1903 (in Russian).
- Borst, C.G. *Catching Babies: The Professionalization of Childbirth, 1870–1920*. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- Chistovich, A.Ya. *Ocherki iz istorii pervykh russkikh medicinskih uchrezhdeniy XVIII stoletiya*. St. Petersburg: Tipografiya Ya. Treya Publ., 1870 (in Russian).
- Chistovich, Ya.A. *Istoriya pervykh medicinskih shkol v Rosii*. St. Petersburg: Tipografiya Yakova Treya Publ., 1883 (in Russian).
- Danilishina, E.I. *Osnovnye etapy i napravleniya razvitiya otechestvennogo akusherstva (XVIII–XX vv.)*. Moscow: MGU Publ., 1998 (in Russian).
- Dionesov, S.M. V.A. *Kashevarova-Rudneva – pervaya russkaya zhenshhina – doktor mediciny*. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Donnison, J. *Midwives and Medical Men: A History of the Struggle for the Control of Childbirth*. New Barnett: Historical Perspectives, 1988.
- Freidson, E. *Professionalism reborn: theory, prophecy, and policy*. Professionalism reborn. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Frieden, N.M. *Russian physicians in an era of reform and revolution, 1856–1905*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981.
- Fuko, M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekciy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010 (in Russian).
- Gruzdev, V.S. “Kratkiy ocherk istorii akusherstva i ginekologii v Rossii.” *Akushersko-ginekologicheskie uchrezhdeniya Rossii*, 240–256. St. Petersburg: Gorodskaya tipografiya Publ., 1910 (in Russian).
- Kakushkin, N.M. “Novye puti v dele rodovspomozheniya v g. Saratove.” *Ohrana materinstva i mladenchestva*, no. 2 (1917): 152–165 (in Russian).
- Leavitt, J.W. *Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950*. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Levi, M.F. *Rodovspomozhenie v sisteme ohrany materinstva i mladenchestva*. Moscow: Medgiz Publ., 1929 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A., and Pushkareva, N.L. “The origins of medicalization – the basis of Russian social policy in the field of reproductive health (1760–1860).” *Social Policy Research Journal*, no. 4 (2017): 515–530 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L., and Belova, A.V. “The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia.” *History of Medicine*, no. 4 (2019): 206–212 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L., and Koldman, S.D. “Formation and development of women’s professional community of Russia on the example of midwifery (1754–1860).” *Russian History*, no. 5 (2019): 118–131 (in Russian).
- Ott, D. *Sto let deyatelnosti Imperatorskogo klinicheskogo povival'nogo instituta (1797–1897 gg.)*. St. Petersburg: Gorodskaya tipografiya Publ., 1898 (in Russian).
- Ratmanov, P.Je. “The Western concept of medical professionalism in the Russian realities of the second half of the 19th – early 20th century.” *History of Medicine*, no. 4 (2015): 586–596 (in Russian).
- Renner, A. “Issledovaniya po istorii mediciny XVIII–XIX vekov na Zapade: novye podhody i perspektivy.” In *Medicina v Rossii v gody voyny i mira: novye dokumenty i issledovaniya*, 213–225. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2011 (in Russian).
- Zimin, I.V. *Zhenskoe medicinskoe obrazovanie v Rossii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.)*. St. Petersburg: [N.s.], 1999 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Мицюк Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории медицины, биоэтики Смоленского государственного медицинского университета.

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета; ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Natalia A. Mitsyuk, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor of the Department of History of Medicine, Bioethics, Smolensk State Medical University.

Anna V. Belova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Head of the Department of General History, Tver State University; Leading Researcher, Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Научная статья / Research article

Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в.

О.И. Секенова

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а,
jkzkray@mail.ru

Аннотация: Поднимается проблема репрезентации профессионального выбора через описание впечатлений детства в эго-документах русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. Важной мотивацией для фиксации воспоминаний в мемуарах для женщин-историков было осознание своей миссии по созданию нового исторического источника: стремясь запечатлеть свою память об ушедшем времени детства, они старались следовать тем же принципам, что и при создании исторических сочинений. Необходимо отметить субъективизм этих текстов: каждый из них представлял собой отражение личного опыта исследовательницы, уникального и редко пересекающегося с опытом современниц и младших коллег. Во многом тексты воспоминаний были вдохновлены прочитанными авторами мемуарами, в серьезной мере самоцензурированы (даже в отсутствие явного идеологического давления со стороны общества). В результате в мемуарных текстах нарратив о детстве превращался в нарратив о предпосылках самоидентификации женщин как ученых. Воспоминания становились формой саморепрезентации, от которой зависел избирательный характер повествования о детстве (присутствовала субъективная проекция успеха в профессии на детские воспоминания). Нарративы о детстве женщин-историков отличались от аналогичных текстов их коллег-мужчин: женщины охотнее описывали детские впечатления через материальные артефакты и повседневные ритуалы, подробнее останавливались на эмоциональных переживаниях. Среди типичных сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков видится важным описание их эмоций от переживания первого гендерного конфликта – осознания того, что желание стать исследователем прямо противоречит гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве.

Ключевые слова: женская повседневность, история детства, женщины-историки

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

Для цитирования: Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 286–294. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Childhood in the memoirs of Russian female historians of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries

Olga I. Skenova

The Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences,
119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a,
jkzkray@mail.ru

Abstract: The present paper studies ego-documents of Russian female historians written in the second half of the 19th and the early 20th centuries, with a focus on the works of N.I. Gagen-Thorn, E.V. Gutnova, M.M. Levis, V.N. Kharuzina, S.V. Zhitomirskaya, E.N. Shchepkina, and N.D. Flittner.

© Секенова О.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

How do these authors, in their childhood descriptions, discuss their professional choices? By producing ego-documents, the female historians wanted to preserve their memory of childhood events in the form of a new historical source. In so doing they followed the principles that they also adhered to when writing historical essays. At the same time their texts are very subjective: each reflects the respective researcher's personal experiences. Each text is unique, and there are few overlaps with the memoirs of other female historians of their time, or with those of younger colleagues. In many ways, the women were influenced by authors of the Russian memoirist tradition; they often adhered to self-censorship (even when there was no clear ideological pressure from society). As a result, the narrative about childhood turned into a narrative about the prerequisites for the self-identification of women as scientists. Memories became a form of self-representation, and this conditioned the selective nature of childhood narratives; later success in the profession was projected back onto childhood memories. The childhood narratives of Russian female historians differ from texts of their male colleagues: women preferred to describe their impressions with references to material artifacts and to everyday rituals, writing carefully about their emotional experiences. One of the most important subjects in these women's memoirs and diaries was when they for the first time experienced the gender conflict in their lives: when they understood that their scholarly ambition runs against the common attitudes about gender attitudes that they had internalized in early childhood.

Keywords: women's everyday life, history of childhood, women-historians

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by RFBR, project No 19-09-00191 "Women's social memory as a consolidating potential of a multigenerational family, strengthening of statehood and the Russian nation (18–21 centuries)".

For citation: Sekenova, Olga I. "Childhood in the memoirs of Russian female historians of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 286–294. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. стали эпохой вхождения женщин в историческое академическое сообщество Российской империи. Первые российские женщины-историки оставили не только богатое научное, но и обширное автодокументальное наследие. В дневниках и мемуарах они стремились осознать те причины, которые побудили их избрать судьбу, нетипичную для ровесниц из их окружения, и понять мотивы своего желания строить научную карьеру. В данной статье предполагается остановиться на конкретной проблеме: проговаривание впечатлений детства в нарративах первых российских женщин-историков как способ конструирования своей профессиональной идентичности. Антропологическая картина детства представительниц различных социальных групп второй половины XIX – начала XX в. предстает перед нами во всех подробностях благодаря многочисленным исследованиям¹, многие историки отдельно останавливались на проблеме «проговаривания» детских впечатлений в мемуарных текстах². Тем не менее никто прежде не изучал тексты о детстве, принадлежащие перу русских женщин-историков³. Автодокументальные женские тексты XIX – начала XX в. сами по себе неоднократно становились предметом исследования: от источника, призванного «иллюстрировать» исторические и социальные процессы, с изменением исследователь-

¹ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995; Веретенко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2015; Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в. Краснодар, 2010; Курнант Н.Б. Воспоминание детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX – начала XX века. СПб., 2004; Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

² Зарецкий Ю.П., Безрогов В.Г., Кошелева О.Е. Детство в европейских автобиографиях: от Античности до Нового времени. Антология. СПб., 2019; Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 241–274.

³ Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!»... С. 247.

ской оптики, эго-документы превратились в самоценный исторический источник, важный, в первую очередь, своей уникальностью в контексте изучения саморепрезентации женщин прошлого⁴. Нестандартные профессиональные интересы, стремление переломить гендерные стереотипы и несоответствие общественным ожиданиям – безусловно, все эти характеристики женщин, впервые пожелавших войти в академическое сообщество, проявились в их воспоминаниях о детстве. Задача этой статьи – на примере встречающихся в воспоминаниях женщин-историков нарративах о детстве проанализировать варианты их саморепрезентации через первые детские воспоминания и через осознание первого гендерного конфликта между нестандартным выбором профессии и семейными ожиданиями. Два этих сюжета, весьма часто встречающиеся в мемуарах, интерпретировались женщинами-историками как ключевые для выбора будущей профессии, поэтому интересны и важны для изучения судеб первых российских женщин-ученых.

Корпус эго-документов (в первую очередь, воспоминаний и дневников) русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. весьма обширен. Память о событиях детства подробно запечатлена в опубликованных текстах мемуаров археолога П.С. Уваровой, историка культуры Е.В. Балобановой, медиевиста Е.В. Гутновой, археографа С.В. Житомирской, индолога К.А. Антоновой, этнографа Н.И. Гаген-Торн, источниковеда И.Ф. Петровской, музейщика и библиографа М.М. Левис, этнографа В.Н. Харузиной, дневниках академика М.В. Нечкиной. До сих пор не опубликованы, но представляют несомненный исследовательский интерес для истории детства дневники медиевиста И.И. Любименко, археографа Е.Н. Ошаниной, мемуары первой в России преподавательницы истории в высшем учебном заведении Е.Н. Щепкиной, воспоминания египтолога Н.Д. Флиттнер⁵. Большая часть мемуаров, по заверению самих авторов, была написана по уничтоженным дневникам, которые эти женщины вели с детских лет. Из текстов, написанных детьми, сохранились только дневники – М.В. Нечкиной, И.И. Любименко и Е.Н. Ошаниной (Туликовой) – все они начинали вести дневник в возрасте 12–13 лет. Их отличает фрагментарный, эпизодический характер повествования (наиболее аккуратно в подростковом возрасте вела дневник М.В. Нечкина), а также отсутствие эффекта мемуаров, в которых многообразие жизни подчиняется единой повествовательной логике⁶ – и, как следствие, отсутствие попыток отразить детские годы как первый этап становления в профессии.

⁴ Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53; Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. №1. С. 126–138; Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007; Fitzpatrick Sh. Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War. Princeton, 2000. P. 3–4.

⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005; Востриков А.В. Е.В. Балобанова. Записка слушательницы Санкт-Петербургских Высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4. С. 227–248; Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Житомирская С.В. Просто жизнь... М., 2006; «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910–2007). М., 2010; Гаген-Торн Н.И. Memoria. М., 1994; Петровская И.Ф. В конце пути. СПб., 1999; Левис М.М. «Мы жили в эпоху необычайную...»: воспоминания. М.; Екатеринбург, 2016; Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 20, 21; Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 2. Д. 3; Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999; «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М., 2013; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214; Отдел рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа (далее – АГЭ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 37.

Упомянутые выше женщины-историки принадлежали к трем различным поколениям ученых: во-первых, к тем, кто впервые вошел в мужскую корпоративную академическую среду – как правило, самоучкам, занимавшимся историческими исследованиями в качестве одной из разновидностей «литературного» труда, во-вторых, к выпускницам Высших женских курсов, занимавшимся историческими исследованиями в дореволюционный период и, в-третьих, к тем, чье профессиональное становление пришлось на эпоху «красной профессуры» – период с 1917 по 1941 г. Значительно менялся историко-культурный контекст, в котором создавались мемуарные тексты представительниц разных поколений. Если первые из воспоминаний, написанные женщинами-историками в начале XX вв., были почти сразу же опубликованы, то автодокументальные тексты, созданные после Русской революции 1917 г., писались «в стол» – и либо были опубликованы уже в 1990–2000-е гг., либо до сих пор остаются в архивах. Далеко не все российские женщины-историки конца XIX – первой половины XX в. оставили эго-документальные свидетельства – тем ценнее каждый из найденных нарративов, представляющий собой текстовую репрезентацию жизненного опыта этих необычных женщин. Необходимо отметить субъективизм этих текстов: каждый из них представлял собой отражение личного опыта исследовательницы, уникального и редко пересекающегося с опытом современниц и младших коллег. Во многом тексты воспоминаний были вдохновлены прочитанными авторами мемуарами, в серьезной мере самоцензурированы (даже в отсутствие явного идеологического давления со стороны общества). В результате в мемуарных текстах нарратив о детстве превращался в нарратив о предпосылках самоидентификации женщин как ученых. Воспоминания становились формой саморепрезентации, от которой зависел избирательный характер повествования о детстве (присутствовала субъективная проекция успеха в профессии на детские воспоминания).

Будучи профессиональными историками и этнографами, мемуаристки осознавали свою миссию по созданию нового исторического источника⁷, и к задаче этой относились ответственно, не допуская намеренных искажений, мистификаций или создания ложного художественного образа своей судьбы (как, например, в опубликованном дневнике художницы М.К. Башкирцевой)⁸. Детским годам уделялось гораздо больше внимания в женских текстах, чем в мужских нарративах: в отличие от мужчин-историков, с удовольствием рассказывавших о годах учения, профессиональных трудностях и своем мнении по политическим вопросам, но избегавших чересчур пристального внимания к впечатлениям детства⁹, женщины-историки в большей мере старались описать быт, старинный уклад жизни через мельчайшие подробности. Еще не подозревая о существовании антропологического метода «плотного» или «насыщенного» описания¹⁰, русские женщины-историки в мемуарах сами стремились встать на место «изучаемого объекта», быть не только кропотливыми исследователями, но и создателями исторического источника, подробного и полезного для будущих исследователей. Желание написать мемуары женщины-историки объясняли так: «оставить черты старого быта, из которого вырос»¹¹,

⁷ Aurell J. Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention. New York, 2016. P. 213–215.

⁸ Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой. М., 2001.

⁹ Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв. Нижний Новгород, 2006. С. 274–282; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996; Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990; Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Пг., 1915.

¹⁰ Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // The interpretation of culture. New York, 1973. P. 3–30.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

«терпеливо и тщательно собрать, правдиво, хотя бы и субъективно правдиво отразить все, что вспоминаю я о своем детстве и юности, о том, что меня окружало, что меня растило, чего уже нет, что безвозвратно умерло»¹², «...не столько хочется воссоздать мою прошедшую жизнь саму по себе, сколько тот неповторимый мир с его бурями и штормами, ненавистью и любовью, героизмом и подлостью»¹³. Общую мысль женщин-историков выразила историк и этнограф В.Н. Харузина: «Интересна не я, но эпоха»¹⁴. В целом подобная позиция соответствует женской автодокументальной традиции в русском обществе конца XIX – первой половины XX в.: женские тексты стремились представать перед читателем не в виде исповеди, а, скорее, в форме «свидетельского показания» о прошедших событиях¹⁵. Зачастую работа над воспоминаниями о детстве превращалась в форму психологического эскапизма – попытку забыть о тяжелой реальности и сосредоточиться на счастливом прошлом (например, свои воспоминания Н.Д. Флиттнер писала в подвале Эрмитажа зимой 1941 года¹⁶).

Первые воспоминания в материальном измерении

Разбирая отдельные сюжеты нарративов о детстве русских женщин-историков, можно выделить несколько тем детских и юношеских впечатлений, которые казались мемуаристкам наиболее важными. Так, проблема детской памяти и первого воспоминания увлекала многих женщин-историков. Как правило, первые воспоминания были отрывочными, связанными с визуальными образами или эмоциональными переживаниями, запечатленными в памяти между двумя и тремя годами, редко раньше. Примерами «плотного» описания мира детства могут служить нарративы этнолога В.Н. Харузиной и египтолога Н.Д. Флиттнер: они максимально подробно перечисляли визуальные, тактильные, слуховые образы своих детских воспоминаний. Н.Д. Флиттнер в качестве особенно важного впечатления для своего будущего профессионального становления вспоминала, как она «впервые осознала, что такое время, и как со временем меняется человек, и момент этот запомнился именно как новое <...> переживание осознания»¹⁷. Приехав с семьей спустя год на дачу, маленькая Наташа обнаружила там засушенный клевер, который сама же спрятала: «Я помню отчетливо и чувство восторга от находки, и такое же чувство восторга от нового открытия: я была маленькая, я теперь стала большая <...> Я открыла время»¹⁸).

Наиболее часто в числе первых впечатлений русских женщин-историков описывались тактильные и визуальные ощущения, связанные с нарядами. Вот одно из них: «...Кашемировое платьице, ярко-голубое и вдоль него спереди шла широкая-широкая шелковая полоса <...> Себя в платьице я совершенно не помню, а само платьице и его чудесный цвет помню отлично, как помню и свои бронзовые детские туфельки»¹⁹. Или: «Страдала я от всякого нового платья <...> довольно длинные рукава рубашки свертывали жгутом так, чтобы они не вылезали из-под короткого рукава буфой платья. При движении руки вверх этот жгутик резал руку – и об этом “мучительстве” не полагалось говорить»²⁰. И еще одно воспоминание: «Платье из легкой

¹² АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹³ Гутнова Е.В. Пережитое... С. 5–6.

¹⁴ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С. 18.

¹⁵ Fitzpatrick Sh. Lives and Times... P. 3–4.

¹⁶ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С.140.

летней ткани сурового цвета с превосходно вышитыми гладью букетами фиалок на фоне зеленых листьев по подолу»²¹. Индолог Кока Антонова, по собственному признанию, не обращавшая внимание на то, во что ее одевают, любовно описывала сшитую матерью черкеску (тем более любимую, т.к. другие девочки в черкесках никогда не ходили, поскольку она была традиционным мужским нарядом): «Папаха была из настоящего светлого каракуля, сама черкеска из тонкого сукна, бешмет и верх черкески были обшиты галуном, крышечки газырей были с точеным узором, тонкий кожаный пояс заканчивался, как и полагается серебряным наконечником с кавказским чернением»²². Подобные подробности практически не встречаются в мемуарных текстах, написанных детьми (вероятно, им они кажутся не такими важными), но для женщин-историков это – очередные явления хрупкой, ушедшей навсегда реальности, элементы которой они стремились сохранить для истории. Описания повседневной одежды практически не встречаются в текстах (за исключением школьной формы как маркера принадлежности к новой значимой социальной группе), тогда, как праздничные наряды оставляли яркое впечатление и отчетливо запоминались. Мемуаристки старались в мельчайших подробностях вспомнить обстановку дома, в котором прошло детство, редкие поездки с родителями, прогулки, посещение и прием гостей, сюжеты игр и праздничные традиции. Многие впечатления детства интерпретировались гораздо позже (так, археограф С.В. Житомирская уже в зрелом возрасте с ужасом поняла, что чудесный кукольный домик, в который она с удовольствием играла в детстве, был реквизирован другом родителей – чекистом у неизвестной ей семьи)²³. В текстах мужчин-историков гораздо реже встречается подробное описание бытовых и материальных мелочей²⁴, зато большая часть их воспоминаний детства посвящена первым интеллектуальным впечатлениям (прочитанным книгам и увиденным спектаклям), т.е. теме, о которой многие женщины-историки также писали много и с удовольствием.

Первый гендерный конфликт в нарративах русских женщин-историков

Пристальное внимание к эмоциональному миру личности в детские годы отличает мемуары женщин-историков. Исследовательницы искренне и с юмором писали в эго-документах о детских влюбленностях, страхах и переживаниях, какими бы глупыми и смешными они не казались им в более взрослом возрасте. Иррациональные страхи, первое чувство стыда, обида на несправедливое наказание – все это ярко запоминалось и казалось необходимым для описания становления собственной личности.

Примечательно, что даже в самых сдержанных по тону эго-документах исследовательницы стремились отмечать события и впечатления, связанные с формированием собственной гендерной идентичности («в раннем детстве я была страшная кокетка»²⁵ или «женские свойства что-то рано просыпались в лошадице, бегунье, изрядной растрепке»²⁶). Вероятно, во многих случаях это было связано с осознаваемым ими гендерным конфликтом: выбрав во взрослом возрасте путь исследователя, ученой и отказавшись при этом от создания собственной семьи, женщины-историки пытались проанализировать, как повлияли на них детские впечатления. Например, В.Н. Харузина отчетливо помнила, как воспитывавшая ее немецкая

²¹ Левис М.М. «Мы жили в эпоху необычайную...» С. 37.

²² «В России надо жить долго...» С. 19.

²³ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 51–52.

²⁴ Jelinek E.C. The Tradition of Women's Autobiography: From Antiquity to the Present. Twayne Publishers, 1986. P. 13.

²⁵ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 56.

гувернантка сочла своим долгом убедить девочку, что та некрасива, чем заложила в ней навсегда неуверенность в себе²⁷.

Подобные эмоциональные потрясения и детские травмы казались мемуаристкам особенно важным, потому что они могли объяснить им те причины, по которым они в итоге приняли решение самореализоваться в науке. В целом межличностные отношения занимали важное место в нарративах о детстве русских женщин-историков. Так, во многих эго-документах есть место идеализации личности отца, влияние которого на выбор жизненного пути, профессии, было доминирующим (в целом, это достаточно типичная ситуация для женщин, выбравших путь исследователя, в том числе и в постсоветской России)²⁸. Отцы занимались вопросами образования (за ними оставалось ключевое решение в поисках учебных заведений для детей, они же участвовали в подборе гувернанток), выбирали книги для детского чтения, обсуждали с дочерьми исторические события. На матерях русских женщин-историков лежало религиозное воспитание и решение всех бытовых вопросов. В результате традиционным сюжетом в нарративах русских женщин-историков дореволюционной эпохи становился конфликт с матерями и другими старшими родственницами женского пола, когда речь заходила о пренебрежении семьей в угоду научной карьере²⁹. Желая дочерям добра, они настаивали на выборе традиционной модели поведения – тогда как девушки, с детского возраста поощряемые отцами, стремились сделать выбор в пользу образования и научной карьеры³⁰. Показателен пример конфликта С.В. Житомирской с матерью из-за подаренной ей на день рождения шкатулки для рукоделия (дело в том, что С.В. Житомирская в детстве считала традиционные женские занятия абсолютно ненужными и неинтересными и обиделась на нежеланный подарок)³¹. Публичный отказ от традиционной женской судьбы встречаются в воспоминаниях египтолога Н.Д. Флиттнер. Она декламировала на уроке французского отрывок пьесы о преимуществах безбрачия и увлеченно рассказывала тетушкам о том, что никогда не выйдет замуж, зато станет пожилой ученой с камердинером и ручным попугаем³², что в целостной структуре нарратива выглядит поворотной точкой, после которой будущее девушки окончательно определилось.

Описание первых случаев гендерного конфликта между желаемыми и навязываемыми социальными ролями в женских нарративах относится, как правило, к раннему подростковому возрасту (от 9 до 12 лет). Сам анализ первого осознанного ребенком гендерного конфликта почти всегда предваряется рассказом о том, как девочка любила в раннем детстве наряжаться/смотреть на себя в зеркало/причесываться, как взрослая, и лишь потом сознательно отказалась от этого, приняв решение строить карьеру по мужским стандартам. Влияние мужского образа жизни как более полноценного и интересного прослеживалось даже в детских играх: будущие женщины-историки с удовольствием играли с гимназическими подругами «в солдаты»³³, в рыцарей (принимая роли рыцарей, глашатаев и боевых коней)³⁴, в «красно-

²⁷ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С. 151.

²⁸ Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 172–173.

²⁹ Пушкарева Н.Л. Смешны ученые девицы? (Проблема стигматизации женщин-ученых и влияние социальных ожиданий на женские жизненные стратегии и стиль жизни) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 756–770.

³⁰ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118; РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 69.

³¹ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 75.

³² АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 151 об.

³³ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 64.

³⁴ Гаген-Торн Н.И. *Memoria*... С. 6.

кожих и бледнолицых»³⁵. Воспоминания о подобных темах для сюжетно-ролевых игр, с одной стороны, были призваны продемонстрировать явную склонность девочек к исторической профессии, в представлении мемуаристок, проявившуюся уже в раннем возрасте. С другой стороны, это отражало их представление, что мужские паттерны поведения в детстве для них были гораздо интереснее и привлекательнее, чем женские. В целом, для саморепрезентации женщин-историков в этом возрасте был характерен образ «сорванца», отсюда – посещение заброшенных зданий, драки с другими гимназистками. Выбор профессии историка, археолога или этнолога, овеянной романтическим ореолом, представлялся в мемуарах логичным итогом их юношеских игр и мечтаний.

Выводы

Таким образом, нарративы о детстве в воспоминаниях русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. являются не только богатым историческим источником о деталях детской повседневности дореволюционной эпохи, но и важным элементом рефлексии первых исследовательниц о своей научной судьбе, в частности, о предпосылках, побудивших их стать историками. В целом, по сравнению с нарративами мужчин-историков, женщины с гораздо большим удовольствием писали о своих детских годах, насыщая их описание многочисленными деталями, столь важными для историка повседневности, подробнее описывали внутренние эмоциональные переживания. Среди типичных сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков наиболее интересно описание их ощущений переживания первого гендерного конфликта – осознания в зрелом возрасте того, что желание стать исследователем прямо противоречит гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве. Не подозревая об антропологическом повороте в исторической науке середины XX в., многие женщины-историки в своих эго-документах создали источник по истории повседневности второй половины XIX – начала XX в., полный мелких деталей и бытовых подробностей.

Поступила в редакцию / Received: 21.09.2020

References

- Aurell, J. *Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention*. New York: Routledge, 2016.
- Bashkirceva, M.K. *Dnevnik Marii Bashkircevoi*. Moscow: Iskusstvo Publ., 2001 (in Russian).
- Belova, A.V. *'Chetyre vozrasta zhenshhiny: povsednevnaia zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* St. Petersburg: Aleteia Publ., 2010 (in Russian).
- Fitzpatrick, Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Gagen-Torn, N.I. *Memoria*. Moscow: Vozvrashhenie Publ., 1994 (in Russian).
- Geertz, C. *The interpretation of culture*. New York: Bane Book, 1973.
- Georgieva, N.G. "Memoirs as a cultural phenomenon and a historical source." *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2012): 126–138 (in Russian).
- Goncharova, O.M. "Russian woman of the 1860s in the 'mirror' of ideas and literature." *Kultura i tekst*, no. 1 (2012): 44–53 (in Russian).
- Gutnova, E.V. *Perezhitoe*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Kharuzina, V.N. *Proshloe: Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999 (in Russian).
- Kizevetter, A.A. *Na rubezhe dvukh stoletiy: Vospominaniya 1881–1914*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1996 (in Russian).

³⁵ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 72.

- Kurnant, N.B. *Vospominanie detstva v russkoy dvoryanskoy memuarnoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka*. St. Petersburg: [N.s.], 2004 (in Russian).
- Levis, M.M. *‘My zhili v epokhu neobychnuyu...’: vospominaniya*. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2016 (in Russian).
- Martianova, I.Yu. *Povsednevnyaya zhizn' detei rossiyskikh dvoryan po memuarom sovremennikov XVIII – nachala XX v. Krasnodar*: [N.s.], 2010 (in Russian).
- Milyukov, P.N. *Vospominaniya (1859–1917)*. Moscow: Sovremennik Publ., 1990 (in Russian).
- Murav'eva, O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina*. Moscow: Linka-press Publ., 1995 (in Russian).
- Pavlovskaya, S.V. *Dnevnik i vospominaniya otechestvennykh istorikov kak istoricheskii istochnik izucheniya obshchestvenno-politicheskoy i nauchno-pedagogicheskoy zhizni Rossii konca XIX – nachala XX vv. Nizhny Novgorod*: [N.s.], 2006 (in Russian).
- Petrovskaya, I.F. *V kontse puti*. St. Petersburg: [N.s.], 1999 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “‘Pishite sebya!’ (Gendernye osobennosti pis'ma i chteniya).” In *Sotvorenie istorii. Chelovek. Pamiat*, Tekst, 241–274. Kazan: [N.s.], 2001 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Are learned girls funny? (The problem of stigmatization of women scientists and the impact of social expectations on women's life strategies and lifestyle).” *Questions of the History of Natural Science and Technology* 38, no. 4 (2017): 756–770 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Libido of the academician (gender aspect of prosopography of academic life).” *Anthropological Forum* 14 (2011): 168–191 (in Russian).
- Sal'nikova, A.A. “‘Detskii’ tekst i detskaia pamiat' v ‘epokhu katastrof’.” In *Vek pamiati, pamiat' veka: opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii*, 413–430. Cheliabinsk: [N.s.], 2004 (in Russian).
- Savkina, I.L. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'ym: Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007 (in Russian).
- Solov'yev, S.M. *Moi zapiski dlya detey moikh, a yesli mozhen, i dlya drugikh*. Petrograd: Prometey Publ., 1915 (in Russian).
- Uvarova, P.S. *Byloe. Davno proshedshie schastlivyye dni*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoyh Publ., 2005 (in Russian).
- Veremenko, V.A. *Deti v dvorianskikh sem'ah Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)*. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Vostrikov, A.V. “E.V. Balabanov. Note of a student of the St. Petersburg Higher Women's Courses And graduation (1882).” In *Petersburg Historical Journal*, no. 4 (2015): 227–248 (in Russian).
- Zareckiy, Ju.P., Bezrogov, V.G., and Kosheleva, O.E. *Detstvo v evropeiskikh avtobiografiyah: ot Antichnosti do Novogo vremeni. Antologiya*. St. Petersburg: Aletya Publ., 2019 (in Russian).
- Zhitomirskaya, S.V. *Prosto zhizn'...* Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Семенова Ольга Игоревна, аспирант Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Olga I. Sekenova, PhD student in the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-295-304>

Научная статья / Research article

Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950–1960-е гг. на материалах г. Волгограда

И.В. Богдашина

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А,
ira18bogdashina@mail.ru

Аннотация: Изучены повседневные практики отдыха и досуга горожанок в условиях проживания в нестоличном и полностью разрушенном после войны г. Волгограде (Сталинграде). Цель исследования заключается в выявлении личностных характеристик в культурно-досуговых повседневных практиках жительниц региона путем привлечения материалов эго-документов. Методология исследования базируется на применении сравнительно-исторического, биографического и агрегативного методов. Интервьюирование с применением метода эмпатии позволило выявить чувственно-эмоциональную сторону жизни респонденток. Источниковую основу исследования составляют материалы эго-документов (дневники, устная история), периодической печати (журналы, газеты), статистики. В статье раскрыты понятия свободного времени и отдыха, запечатленные в памяти горожанок, а также выявлены частные и общественные формы досуга. В результате проведенного исследования удалось выявить, что именно в женской памяти и текстах отражены важные для воссоздания истории повседневности чувственно-эмоциональные переживания, позволяющие с иной стороны представить повседневный быт. Домашний труд отнимал подавляющую часть женского свободного времени, а все еще невысокий культурный потенциал региона диктовал привязанность горожанок к дому. Однако в условиях высокой профессиональной и домашней загруженности именно досуг вне дома оставался для женщин одним из немногих способов отдыха и снятия морально-физического напряжения. Разделение досуга на частную и общественную формы является особенностью повседневной жизни горожанок нестоличного региона в 1950–1960-е гг.

Ключевые слова: досуг, отдых, домашняя работа, устная история, женская память, горожанки

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-09-00191) «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

Для цитирования: *Богдашина И.В.* Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950–1960-е гг. на материалах г. Волгограда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 295–304. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-295-304>

Leisure and Recreation in the Socio-Cultural Memory of Urban Women in the 1950 and 1960s Based on Materials from Volgograd

Irina V. Bogdashina

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Leninsky Pr. 32A, Moscow, 119334, Russia,
ira18bogdashina@mail.ru

Abstract: The article examines everyday practices of rest and leisure among urban women living in the city of Volgograd (Stalingrad) – a city that had been completely destroyed during the war. The goal of the present study is to identify specific characteristics in the everyday practices of women.

© Богдашина И.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The methodology combines comparative historical, biographical and aggregate methods. Interviews conducted along the empathy method made it possible to identify the sensual and emotional sides of the respondents' lives. The research is based on ego-documents (diaries, oral history), periodicals (magazines, newspapers), and statistics. The article discusses the concepts of free time and rest as preserved in the memory of townspeople, and also private and public forms of leisure. A major finding is that women's memory and texts reveal sensory and emotional experiences that can be used for the history of everyday life. This allows for an imagination of everyday life from a new angle. Domestic work took away the vast majority of women's free time, and given the cultural potential of the region was still underdeveloped, most city dwellers concentrated pastime activities on their homes. However, with the high workload of women at home and at work, it was leisure outside the home that remained one of the few ways for women to relax and recover from mental and physical stress. The everyday life of urban women in the 1950s and 1960s was characterized by a division of leisure in private and public forms.

Keywords: leisure, rest, homework, oral history, female memory, city dwellers

Acknowledgements and Funding: This article has been prepared with financial support from of the Russian Fund for Basic Research (science project no. 19-09-00191) “Women’s social memory as a consolidating potential of a multi-generational family, strengthening statehood and the Russian nation (18–21 century)”.

For citation: Bogdashina, Irina V. “Leisure and Recreation in the Socio-Cultural Memory of Urban Women in the 1950 and 1960s Based on Materials from Volgograd.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 295–304. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-295-304>

Введение

Материалы «устной истории» сравнительно недавно были признаны учеными репрезентативным источником. Именно женская память и тексты, тяготеющие к бытописанию, являются важнейшим материалом для воссоздания истории женской повседневности и социального порядка, основанного на половом неравенстве. Актуальность такой тематики связана со значимостью гендерного феномена для отдельного человека и общества в целом¹. Привлечение источников личного происхождения стало возможным благодаря прицельному архивному поиску, а также полевому сбору информации путем интервьюирования. В данном исследовании использованы материалы 20 интервью с жительницами г. Волгограда (Сталинграда) 1932–1956 г.р. (учителя, работницы заводов, детских садов, общепита, ателье). Для решения поставленной проблемы одной из важных задач является индивидуальный сбор и детальное прочтение эго-документов, в которых автору удалось выявить практически никак не отраженную в других видах источников чувственно-эмоциональную составляющую женской повседневной жизни. Новизна и актуальность исследования также заключаются в обращении к устной памяти представительниц уже во многом «уходящего поколения».

Фактографичность и внимание к деталям, присущие в большей степени текстам женским, нежели мужским, позволяют выявить иную, не только частную, но и важную для общей «истории эмоций», сторону повседневности жительниц нестоличного региона. Ограничив себя сбором воспоминаний в Волгограде (Сталинграде), предварим собственно исследование кратким обзором публикаций, ориентирующих в историографии проблемы. Зарубежные исследователи немногим ранее отечественных обратили внимание на актуальность использования эго-документов в изучении истории повседневности². В России же в начале 2000-х гг. появились первые работы,

¹ Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 11–24.

² Schuetze F. Biographieforschung und narratives Interview // *Neue Praxis*. 1983. № 3. P. 283–293; Devault M.L. Talking and Listening from Women’s Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // *Social Problems*. 1990. Vol. 37. № 1. P. 96–116; Labow W., Walecky J. Narrative Analysis. Oral Version of Personal Experience: Oral Versions of Personal Experience. Three Decades of Narrative Analysis // *Special Volume of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. P. 3–32.

подчеркивающие особую источниковедческую важность женских текстов³. Позднее исследователи заинтересовались изучением не только самого потенциала женских эго-документов, но и методикой работы с данными текстами⁴. Тема досуга затрагивалась в трудах Н.Б. Лебиной, Я.М. Боковой, А.В. Липатова и др.⁵ Однако вышеупомянутые исследования носят обобщающий характер и специально не рассматривали аспекты женской культурно-досуговой повседневности в 1950–1960-е гг.

Понятия свободного времени и отдыха в памяти горожанок

В тяжелых материально-бытовых условиях возрождающегося после войны г. Волгограда (Сталинграда) именно культурно-досуговая деятельность стала выполнять важную роль в восстановлении сил и снятии морально-физического напряжения. У женщин, в отличие от мужчин, на отдых оставалось сравнительно меньше времени, а причиной тому являлась «неравномерность домашних нагрузок», о чем социологи впервые заговорили в 1960-е гг.⁶ Большинство опрошенных респондентов отметили, что выполнение домашних дел выступало женской обязанностью⁷. Представительницы интеллигенции в большей степени задумывались о потенциале и рациональном использовании времени. Доказательством того служат дневниковые записи врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой, в которых можно найти немало заметок о том, насколько важным ресурсом являлось для женщины время: «Совершенно не остается времени на отдых, конечно, не успеваю читать нужный материал, не говоря уже о домашних делах (которых уйма)»; «Берет досада, что домашние дела забирают все время, ни дела серьезного, ни отдыха. На что это нужна такая жизнь»⁸. Именно «домашние дела», ставшие традиционно «женским» занятием, составляли значительную часть в общем бюджете свободного времени, нередко являясь преградой на пути женской самореализации.

В 1950–1960-е гг. большинство опрошенных нами женщин находились еще в юном возрасте, а потому многие из них не задумывались о том, «хватает или нет свободного времени»⁹. Но для тридцатилетнего врача, видевшей жизнь столичных городов еще до войны, досуговые лишения сопровождалась постоянной нехваткой времени или возможностей, о чем женщина неоднократно сообщала в дневнике: «Хочется в театр, в гости к хорошим друзьям, но на первое нет денег, вторых мало существует в Сталинграде, да и всегда жаль время – надо заниматься. Так вот и бе-

³ Пушкарева Н.Л. Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции. Иваново, 15–16 сентября 2000 г. Иваново, 2000. С. 17–21.

⁴ Пушкарева Н.Л. Значимость «устной истории» как вида источника и метода сбора материала для женской и гендерной истории // Актуальные проблемы источниковедения отечественной истории. Материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 6–7 октября 2011 г. Витебск, 2011. С. 246–248; Вязигина Н.В. Гендерные особенности мемуарного текста // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 141–144; Савкина И.Л. «Я же – человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4. С. 79–88.

⁵ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015; Бокова Я.М. Досуговая культура населения Советского Союза в период «оттепели» // Новый университет. Серия: актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 8–9. С. 64–67; Липатов А.В. Проблемы развития повседневной культуры и организации досуга детей и молодежи в СССР в 1945–1964 гг. Материалы всероссийского научно-практического семинара. Волгоград, 11 апреля 2019 г. Волгоград, 2019.

⁶ Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967.

⁷ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Т.В. 1948 г.р., Т.М. 1950 г.р., Н.П. 1941 г.р., М.Ф. 1932 г.р., Т.А. 1954 г.р., Е.В. 1944 г.р.

⁸ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 80; Д. 31. Л. 53.

⁹ ПМА: Т.В. 1948 г.р., А.И. 1948 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., Г.П. 1945 г.р., Н.П. 1941 г.р.

гут дни»¹⁰. Высокий уровень занятости заставлял женщин «сбрасывать» со своих плеч домашние заботы, которые не только становились обязательными в ряду прочих дел, но и отнимали значительную часть свободного времени.

Чтобы уменьшить загруженность, хозяйки перекладывали часть домашних дел на домочадцев или приглашали домработниц. Но совсем немногие женщины провинциального региона могли себе позволить нанять помощницу, данная привилегия все еще сохранялась за обеспеченной интеллигенцией¹¹. Большинству же хозяек справляться с домашней работой помогали дети, преимущественно дочери (реже сыновья или мужья). Девочек с детства приучали к труду, что являлось не только неотъемлемой частью семейного воспитания, но и формой домашней занятости. Абсолютное большинство опрошенных нами женщин отметили, что матери с детства привлекали их к домашним делам: «В основном мама была занята домашними заботами, но и я маме помогала. Уборка на нас была целиком, но мы могли и сготовить»; «По дому я помогала – стирала, гладила, убирала. Мама часто болела и я ей с сестрой помогала»; «Работы было всегда много, нас детей приучали к труду. Мы убирали дом, помогали по огороду, меня начали привлекать еще со школы»¹².

Помощь старшим юные девушки воспринимали как важное и ответственное дело. Но бездетным женщинам за неимением помощников приходилось в одиночку справляться с домашними заботами: «Я ничего не успеваю делать! Некогда приготовить второе, перештопать носки, перешить рубашки. Все время занята делами, а их все прибавляется, а не убывает»¹³. Мужчины нечасто разделяли домашние обязанности с женщинами, но оказываемая помощь сразу же ощущалась хозяйками. Указывая на фактор времени, замужняя, но бездетная женщина-врач с радостью упоминала о том, как выполнение домашних дел «вдвоем быстрее и скорится». С чувством благодарности она описывала посильную помощь со стороны мужа: «Счастье мое, что ВИ берет половину любых дел и забот... И все же надо найти женщину для уборки квартиры. Зарабатываю хорошо»¹⁴. Однако не только поддержка домочадцев, но и финансовое благосостояние играло одну из ключевых ролей в обеспечении досугового разнообразия и высвобождении времени.

В условиях сильной занятости и как следствие, усталости, возможность «хорошо отдохнуть» приобретала для горожанок особенную ценность¹⁵. Но «спокойно отдохнуть» вместе с семьей женщина могла только после того, как вернувшись с работы, сначала «сумеет сделать домашнюю работу», на что указывалось в одном из выпусков региональной газеты¹⁶. С досадой описала в дневнике накопившуюся усталость З.С. Седельникова: «Каждый день и вечер заняты оба. Совершенно некогда привести в порядок массу домашних дел. Некогда отдохнуть. Появляется нервозность и вялость. Нужна передышка!»¹⁷. Притом массу положительных эмоций вызывал долгожданный отдых: «В час дня мы отправились за Волгу втроем с Д., нашли замечательный заливчик с чистой теплой водой, зеленым берегом. Впервые купались по-настоящему! Великолепно отдохнули! С аппетитом дважды кушали, купались. Время проскользнуло мигом»¹⁸. Но в будничное время, как и многие другие работницы, женщина-врач после трудового дня «спешила домой», ведь «время

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 176.

¹¹ Там же. Д. 28. Л. 58.

¹² ПМА: Т.В. 1948 г.р., Н.П. 1941 г.р., Т.М. 1950 г.р.

¹³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 28. Л. 68.

¹⁴ Там же. Д. 28. Л. 57–58.

¹⁵ Там же. Д. 15. Л. 13.

¹⁶ Сталинградская правда. 1956. 11 марта.

¹⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 32. Л. 123.

¹⁸ Там же. Д. 25. Л. 35 об.

то нынче не хватает», и уже с порога приходилось «тотчас печь блинчики с творогом» – так выглядел один из типичных вечеров горожанки¹⁹. Вполне реальный образ женщины-работницы, которая должна была «успевать все», был впервые представлен в повести Натальи Баранской «Неделя как неделя». В героине (сотруднице НИИ) могли бы себя узнать и многие жительницы региона, которые после работы бежали домой с сумками продуктов, готовили ужин для всей семьи, чтобы в конце недели потеряться «в туче дел и забот»²⁰.

Высокой занятостью отличалась профессиональная работа учителей, которые располагали меньшим объемом свободного времени, нежели работницы других сфер. Одна из респонденток с некоторым волнением и досадой вспоминает загруженные до предела учительские будни: «Не было у нас свободного времени, настолько были заняты все время. После уроков пришла, здесь надо сготовить, здесь надо за детьми постирать, прибрать, накормить, спать уложить, а потом только готовилась к урокам»²¹. Опираясь вышеуказанными фактами, следует предположить, что двойная нагрузка (на работе и дома) напрямую влияла не только на культурно-досуговое разнообразие, но и собственно возможность отдыха.

Женщины, заботясь о близких людях, непроизвольно жертвовали собственными интересами, а выполняемые ими домашние дела выступали продолжением рабочего дня. Возможность отдохнуть воспринималась как необходимое условие для осуществления не только профессиональной (общественной), но и домашней (хозяйственно-бытовой) деятельности. В этой связи разделение женского досуга на частную (домашнюю) и общественную (вне дома) формы является особенностью женских досуговых практик 1950–1960-х гг.

Частные формы досуга

Обремененность хозяйственно-бытовыми заботами выступала одним из факторов привязанности женщин к дому, что во многом определяло их досуговую деятельность. Прослушивание и просмотр радио- и телепередач, чтение, вышивание и шитье, прием гостей – вот те занятия, которые составляли для женщин основу домашнего времяпрепровождения наряду с хозяйственной работой. Для «обычных» горожанок все еще диковинным развлечением был просмотр телевизора: «Купили телевизор, у других еще не было, соседи приходили со своими стульями смотреть фильмы»; «Телевизор смотреть ходили к соседям, когда у нас не было»²². Даже женщине-врачу, занятой на двух работах, приходилось копить денежные средства на дорогостоящий аппарат, который нужно было еще «достать»²³. Среди телевизионных передач можно отметить те, которые были ориентированы преимущественно на женскую аудиторию: «Для Вас, женщины», «Советы женщинам», «Передача для женщин»²⁴. Но все же на протяжении 1950–1960-х гг. именно радио оставалось не только основным источником информации для горожанок, но и формой проведения домашнего досуга. По радио, которое в доме «было всегда» – слушали новости, познавательные передачи, концерты и театральные постановки²⁵.

Чтение оставалось одной из самых распространенных форм свободного времяпрепровождения в домашней обстановке. Для представительниц интеллигенции литерату-

¹⁹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 95.

²⁰ Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 35, 46.

²¹ ПМА: М.Ф. 1932 г.р.

²² Там же. Н.В. 1938 г.р., А.Д. 1943 г.р.

²³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26. Л. 157; Д. 27. Л. 4.

²⁴ Там же. Ф. Р-6174. Оп. 3. Д. 1. Л. 120, 194; Д. 10. Л. 20, 68.

²⁵ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 244; Д. 22. Л. 85; Д. 26. Л. 113; ПМА: Н.П. 1941 г.р., О.В. 1953 г.р., А.И. 1948 г.р., Н.Е., 1945 г.р.

ра (художественная и специализированная) выступала важной частью самообразования, однако «как много уходит времени на чтение художественной литературы!» – записала как-то женщина-врач в дневнике²⁶. Например, каждая школьная учительница в обязательном порядке выписывала «Учительскую газету», но зачастую не имела подписки и брала у знакомых «Огонек», который «был сильно дорогой»²⁷. Тем не менее именно «отдых за книгой» являлся не только привычной, но и неотъемлемой частью повседневной жизни²⁸. Желанные книжные издания было непросто приобрести (посещали библиотеки, брали книги на время у друзей и знакомых)²⁹. А серийную художественную литературу можно было заполучить, имея подписку (доступную далеко не всем), о чем вспоминает одна из женщин: «Были большие очереди, чтобы подписаться, но у моего отца была знакомая продавщица магазина, ее Валя звали, я приходила к ней и она мне давала тома»³⁰. Популярность среди жителей приобрели месячники книги, книжные базары, событием являлось открытие новых книжных магазинов, сотрудниками которых в большинстве своем являлись именно женщины³¹.

Типично женским занятием выступало шитье и вышивание, за данной работой женщины изображены и на страницах периодических изданий³². Девушки вместе с мамами и бабушками проводили немало часов за рукоделием³³. Но данное занятие требовало существенных временных затрат, на что и сетовали женщины: «Отдых после обеда состоял из часового вышивания... Было бы время, я вышивала бы...»; «Когда вышла замуж, вышивать уже было некогда»³⁴. В условиях отсутствия готовой одежды модного покроя и хорошего качества горожанки были вынуждены самостоятельно изготавливать многие предметы гардероба. Если вышивание выступало формой отдыха, то шитье все-таки превращалось для женщин в вынужденную, но необходимую форму домашнего труда. За швейной машинкой горожанки могли проводить целые дни: «После завтрака взялась за шитье. Вставила молнию в цветастое платье из крепа. Переделывала верх комбинированного черного платья. Устала. Спина ноет. Весь день, согнувшись над шитьем»³⁵. Выступая первоочередной потребностью, самостоятельный пошив одежды превращался практически для каждой женщины в форму домашней занятости, ну а сколько времени и ресурсов потратить на данный вид труда, решали сами женщины.

Праздничные застолья, проводимые в большинстве случаев в домашней обстановке, являлись исключительно женской заслугой и заботой. Но, создавая условия отдыха для других, сами хозяйки зачастую не получали удовольствия от данного мероприятия. Домашние застолья, как правило, праздничные, сопровождалась играми, танцами, пением и музицированием³⁶. Ход одного из таких застолий и хлопотную подготовку к нему описала в дневнике З.С. Седельникова: «Жаль, что я почти не могла следить за столом, а все возилась в кухне и бегала от стола на кухню и назад. Удовольствия от вечера для себя, конечно, никакого не получила, я труди-

²⁶ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 23. Л. 4.

²⁷ ПМА: Л.И. 1939 г.р., М.Ф. 1932 г.р., Н.В. 1938 г.р.

²⁸ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 19. Л. 51.

²⁹ ПМА: Н.В. 1938 г.р., Г.Ю. 1951 г.р.

³⁰ Там же. Л.И. 1939 г.р.

³¹ Сталинградская правда. 1957. 22 октября, 14 ноября; Сталинградская правда. 1959. 22 августа, 16 октября; Волгоградская правда. 1962. 3 февраля.

³² Крестьянка. 1954. № 12; Работница. 1955. № 11; Сталинградская правда. 1956. 5 апреля; Волгоградская правда. 1964. 28 мая.

³³ ПМА: Н.П. 1941 г.р., Н.В. 1938 г.р., О.В. 1953 г.р., И.В. 1937 г.р.

³⁴ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 67, 64об; ПМА: Н.П. 1941 г.р.

³⁵ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26. Л. 75.

³⁶ Там же. Д. 14. Л. 115, 188; Там же. Д. 25. Л. 97; Там же. Д. 31. Л. 178; ПМА: Т.А. 1954 г.р., Н.П. 1941 г.р., А.И. 1948 г.р.

лась в поте лица. Зато рада, что гости были довольны. Занимались уборкой с Д. до 3 часов, уснули в 4-м»³⁷. Передача женщиной своего физического и морального состояния свидетельствует о том, что для нее организация такого мероприятия выступала формой труда, и соответственно отдыха для всех остальных.

Женщины непроизвольно выступали организаторами досуга не только для членов своей семьи, но и всех, кто был вхож в их дом. Проявляя заботу (домашний труд являлся трудом неоплачиваемым), хозяйки становились не только необходимым, но и обязательным элементом домашней досуговой культуры. В этой связи общественный досуг выступал для самих женщин чуть ли не единственным способом отдыха и снятия напряжения.

Общественные формы досуга

По воспоминаниям женщин, самыми распространенными видами повседневного досуга за пределами дома выступали: походы в кинотеатр и театр, уличные прогулки, выезды на природу, участие в общественных мероприятиях³⁸. Для многих женщин возможность отдохнуть вне дома являлась способом «убежать» от домашних забот. Послевоенный город удовлетворял потребности жителей постепенно, а потому, например, открытие культурно-досуговых учреждений воспринималось горожанками как событие праздничное: «С открытием нового театра, город стал выглядеть более оживленным, настроение делается каким-то возвышенным...»³⁹. Если в 1951 г. в распоряжении горожанок было два театра и менее десятка клубов и кинотеатров, то к 1960 г. функционировало уже свыше пятнадцати кинотеатров и киноплощадок, планетарий и филармония⁴⁰. Однако количественные показатели не всегда соответствовали качественным, и уровень культурно-досугового обслуживания оставался в городе невысоким. Например, в результате проверки организации отдыха трудящихся в июне 1953 г., выяснилось, что «только в Краснооктябрьском районе города трудящиеся хорошо и культурно отдыхали», а некоторые районные профсоюзные организации и вовсе оставались «в стороне от этого дела»⁴¹.

Если кинотеатр являлся наиболее массовым и доступным общественным учреждением, то театральная культура занимала особенное место в досуговом разнообразии обеспеченной интеллигенции. В театры, сосредоточенные в центральной части города, съезжались даже с самых отдаленных районов⁴². Знаковые постановки посещали при первой же возможности, но даже дорогие билеты не всегда можно было «взять свободно», их нередко покупали «с рук» перед началом спектакля: «Купили билеты на балет “Щелкунчик” и “Снегурочка”. Билеты по 17 и 20 рублей. Ужасно дороги!»⁴³. Но ознакомившись в какой-то момент со всем предлагаемым репертуаром, горожанки сталкивались с досуговой бедностью: «К нашему огорчению в театре идет старая вещь, и идти некуда. Дома сидеть не хочется. Мы поехали в центр на набережную»⁴⁴. Многие женщины стремились быть в курсе новостных событий мира театра и кино, ведь «если кто не смотрел – был недостаток» и потому «обязательно ходили в кино, интересовались, обсуждали»⁴⁵.

³⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 22. Л. 37.

³⁸ ПМА: А.Д. 1943 г.р., И.В. 1937 г.р., М.П. 1933 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., Н.П. 1941 г.р., Н.В. 1938 г.р., О.В. 1953 г.р., А.И. 1948 г.р., Т.В. 1948 г.р.

³⁹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 60.

⁴⁰ Сталинградская правда. 1951. 3 апреля, 27 апреля; Там же. 1960. 2 марта, 18 июня.

⁴¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 19. Д. 95. Л. 1, 33.

⁴² ПМА: И.В. 1937 г.р., Н.А. 1942 г.р., Н.П. 1941 г.р., О.В. 1953 г.р., Т.А. 1954 г.р.

⁴³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 23об; Там же. Д. 26. Л. 92, 114.

⁴⁴ Там же. Д. 26. Л. 89об.

⁴⁵ ПМА: О.В. 1953 г.р., Е.В. 1944 г.р.

Женщины с ностальгией вспоминают названия некогда любимых кинотеатров, клубов и домов культуры: к/т «Культармеец», ДК «Судоверфь», ДК «Металлург», клуб «Строитель», к/т «Авангард», к/т «Гвардеец», к/т «Мир»⁴⁶. Практически при каждом доме культуры или парке обустраивали танцплощадки, на таких вечерах девушки знакомились с юношами, зачастую находили и спутника жизни⁴⁷. Однако и в 1960 г. танцевальная площадка в самом центре города была оборудована ненадлежащим образом, что было отмечено одной из жительниц в новостном выпуске радиопередачи: «Мне на танцах не нравится. Здесь такой пол, что все время приходится спотыкаться, а с танцев возвращаешься без туфель»⁴⁸. Танцевальные площадки являлись излюбленными местами отдыха, прежде всего для молодежи: «Мы с мужем ходили на танцплощадку, были люди разного возраста, в моду входил твист, шейк, а люди старшего возраста нас осуждали за эти движения, они танцевали вальс и танго»⁴⁹.

Прогулка выступала самой доступной формой отдыха для горожанок всех возрастов. Любимейшими местами были так называемые «главные улицы», набережные, площади, парки и скверы. На прогулку могли собраться в выходной день, после застолья или перед сеансом в кино⁵⁰. Стоит отметить, что для представительниц интеллигенции данный вид досуга выступал самой простой формой, и на такое мероприятие женщины могли себе позволить «одеться скромно в штапельное платье и плащ». Нередко впечатление от прогулки могло быть испорчено поисками желанного мороженого: «А вечером вдруг задумали с ВИ погулять... Нашли мороженое лишь в фотокинотеатре в доме культуры...»⁵¹. Поэтому непременно праздничным, но редким событием являлось посещение кафе или ресторанов, ведь для женщин это была возможность хотя бы ненадолго отдохнуть от практически ежедневного приготовления пищи. Если удавалось попасть в заведение, то старались не только досыта поесть, но и получить максимальное удовольствие от застолья: «Обедали в кафе “Дружба”, на десерт абрикосовый компот (я давно о нем мечтала)»; «Заняли свободный столик, заказали сытный ужин (я курочку, ВИ шницель и омлет, салат из огурцов, бутылку пива)»⁵².

Выезды на природу (купание в реке и сплавы на лодках, сбор грибов, а в редких случаях и рыбалка) составляли основу летнего отдыха горожанок⁵³. Самым распространенным местом для купания была река Волга, о чем с теплотой вспоминают опрошенные женщины: «У нас была лодка, летом мы без конца ездили на Волгу отдыхать, сплавлялись и до Астрахани»; «Для нас лето – это каждую субботу обязательно ездить на Волгу. С собой брали кваса бидончик, яйца, картошку, помидоры и огурцы. Уезжали всегда на весь день»; «Волга для нас – это был самый отдых. У папы была лодка, ездили на лодке, как же, Волга»⁵⁴. А вот поход за грибами выступал не только формой отдыха, но и труда, ведь переработка собранного в большинстве случаев являлась женской заботой⁵⁵.

Ежегодный отдых за пределами региона был недоступен для большинства жительниц региона. В провинциальном городе туристическую путевку было достаточно трудно приобрести – обращались в места работы или к знакомым. Например,

⁴⁶ ПМА: И.В. 1937 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., Н.В. 1938 г.р., А.И. 1948 г.р., Н.П. 1956 г.р., Е.В. 1944 г.р.

⁴⁷ Там же. Н.В. 1938 г.р., И.В. 1937 г.р., Н.А. 1942 г.р., Н.П. 1941 г.р.

⁴⁸ ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 336. Л. 39.

⁴⁹ ПМА: Н.П. 1941 г.р.

⁵⁰ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 110; Там же. Д. 15. Л. 55; Там же. Д. 30. Л. 172; ПМА: Г.Ю. 1951 г.р., Н.П. 1941 г.р., Н.П. 1956 г.р.

⁵¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 19. Л. 164; Там же. Д. 30. Л. 172.

⁵² Там же. Д. 25. Л. 181 об; Там же. Д. 26. Л. 43.

⁵³ ПМА: Е.В. 1944 г.р., Н.П. 1956 г.р., Т.В. 1948 г.р., М.П. 1933 г.р., Л.И. 1939 г.р.

⁵⁴ Там же. Л.И. 1939 г.р., Н.П. 1956 г.р., Е.В. 1944 г.р.

⁵⁵ ПМА: Т.А. 1954 г.р., Л.Д. 1948 г.р., М.Ф. 1932 г.р.; ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 86 об; Там же. Д. 26. Л. 140 об.

для врача З.С. Седельниковой ежегодный курортный отдых играл огромную роль, и к данному событию женщина готовилась заранее (собирала денежные средства, «доставала» путевку через знакомых, готовила летний гардероб). До момента долгожданного отъезда считались дни: «Еще три дня до отпуска. Вымоталась за год изрядно, нервы порасшатались. Пора отдохнуть и как следует». Ну а кому-то удавалось получать путевки с мест работы, что зачастую являлось удачным стечением обстоятельств: «Там, где я работала, путевок было мало, но был трест “Тяжстрой”, им давали больше путевок, я получала, если кто-то отказывался»⁵⁶. Несмотря на увеличение среднемесячной заработной платы горожан, которая в сравнении с 1940 г. к 1955 г. выросла в 2 раза, а к 1965 г. почти в 3 раза – отдых за пределами региона оставался не только мечтой, но и все еще неподъемной ношей для многих горожанок региона⁵⁷. С двойственными чувствами описала женщина-врач в своем дневнике впечатления от поездки, совершенной в 1957 г.: «Позади 26 дней отпуска. Прорезала тысячи 4,5 км, побывала в 4 городах. Повидала более 10 друзей и родных. Совершенно отвлеклась от работы. Вместе с тем потратила 2100 р., за все три с пол. недели не спала, как следует не вовремя и плохо питалась, мерзла в комнате и на улице». Такую, казалось бы, роскошь, не могли себе позволить большинство опрошенных нами женщин – самых обычных жительниц региона⁵⁸.

К сфере публичного досуга можно отнести участие в художественной самодеятельности, а также посещение демонстраций и парадов. Кружки и секции выступали формой досуга для девушек преимущественно в ученические годы, когда семейная жизнь и работа оставались для них еще в стороне⁵⁹. Для большинства же горожанок лишь посещение праздничных демонстраций (нередко сопровождающихся выездом на природу) становилось одной из немногих форм проявления гражданской и общественной активности: «Все шли на маевку после парада в центре города, брали с собой игры и харчи. Нас возили на машине с места работы»; «В мае на маевку ездили в балку, брали еду и гармошку, пели. Я с удовольствием ходила на демонстрации и сына с собой брала»⁶⁰.

Таким образом, следует предположить, что провинциальный город удовлетворял культурно-досуговые запросы немногих жительниц. Преобладали самые простые и распространенные формы досуга (прогулки, походы в кинотеатр, танцы), в то время как посещение театров и ресторанов, а также курортный отдых выступали привычным занятием лишь для финансово обеспеченного слоя горожанок.

Выводы

Данное исследование показывает, что в условиях фактического дефицита свободного времени домашние дела (приготовление пищи, уборка жилища, изготовление одежды) превращались для женщин в вынужденную, но необходимую форму свободного времяпровождения. Недостатки в развитии культурно-досуговой индустрии региона, а также двойная занятость (дома и на работе) предопределили тяготение к домашним формам досуга, ключевую роль в устройении которых играли сами женщины. В этой связи разделение женского досуга на частный (домашний) и общественный (вне дома) является особенностью в большей степени женских, нежели мужских повседневных практик, которые приобрели устойчивую форму к 1950–1960-м гг.

⁵⁶ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 67; ПМА: И.В. 1937 г.р.

⁵⁷ Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград, 1967. С. 195.

⁵⁸ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 20. Л. 146; ПМА: А.Д. 1943 г.р., О.В. 1953 г.р.

⁵⁹ ПМА: О.В. 1953 г.р., Т.А. 1954 г.р., Г.Ю. 1951 г.р.

⁶⁰ Там же. М.П. 1933 г.р., И.В. 1937 г.р.

В обстановке не только профессиональной, но и домашней загруженности посещение массовых культурно-досуговых мероприятий вне дома оставалось для женщин одним из немногих способов отдыха и восстановления духовных сил. Однако разнообразие публичного досуга напрямую зависело от культурного потенциала региона, который оставался все еще на невысоком уровне, удовлетворяя запросы горожанок постепенно. Не последнюю роль в обеспечении многообразия досуговой культуры играло и финансовое благосостояние, которого, несмотря на положительные количественные показатели, было явно недостаточно для удовлетворения, казалось бы, самых обычных потребностей.

Обратившись к материалам эго-документов, нам удалось выявить, что характерной чертой женской повседневности в нестоличном городе явилось тесное взаимодействие хозяйственно-бытовой и культурно-досуговой сфер. Именно в женских текстах оказались запечатлены личностные переживания и реальные жизненные ситуации, на примере которых возможно реконструировать повседневные практики, а также выявить внутренние противоречия и проблемы. В данном исследовании была предпринята попытка показать не только эвристический потенциал источников личного происхождения, но и констатировать факт того, что чувственно-эмоциональные переживания женщин оказались запечатлены лишь в «письмах для себя» и устной памяти горожанок.

Поступила в редакцию / Received: 20.11.2020

References

- Baranskaya, N. "Nedelya kak nedelya." *Novyy mir*, no. 11 (1969): 23–55 (in Russian).
- Bokova, Ya.M. "Leisure culture of the population of the Soviet Union during the 'thaw.'" *New University. Series: Actual Problems of the Humanities and Social Sciences*, no. 8–9 (2015): 64–67 (in Russian).
- Grushin, B.A. *Svobodnoe vremya: Aktual'nye problemy*. Moscow: Mysl' Publ., 1967 (in Russian).
- Lebina, N.B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu*. Moscow: NLO Publ., 2015 (in Russian).
- Lipatov, A.V. *Problemy razvitiya povsednevnoy kul'tury i organizatsii dosuga detey i yunoshstva v SSSR v 1945–1964 gg.: Materialy Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminara. Volgograd, 11 aprelya 2019 g.* Volgograd: OOO "Sfera" Publ., 2019 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Zhenskaya istoriya v Rossii: priority, napravleniya, metody." *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 4. (1996): 11–24 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Fenomen 'zhenskogo chteniya' i zadachi issledovaniya tekstov, napisannykh zhenshchinami." In *Gendernye issledovaniya v gumanitarnykh naukah: sovremennye podhody. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Ivanovo, 15–16 sentyabrya 2000 g.*, 17–21. Ivanovo: IvGU Publ., 2000 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Znachimost' "ustnoy istorii" kak vida istochnika i metoda sbora materiala dlya zhenskoy i gendernoy istorii." In *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya otechestvennoy istorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Vitebsk, 6–7 oktyabrya 2011 g.*, 246–248. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova Publ., 2011 (in Russian).
- Savkina, I.L. "I am an ordinary man": analysis of two women's diaries of the Soviet time." *Perm University Bulletin. Russian and foreign philology*, no. 4 (2015): 79–88 (in Russian).
- Vyazigina, N.V. "Gender peculiarities of the memoirs text." *Bulletin of Altai State University*, no. 2 (2013): 141–144 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Богдашина Ирина Владимировна, аспирант Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Irina V. Bogdashina, graduate student in the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-305-320>

Научная статья / Research article

Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии

Н.Л. Пушкарева, Т.В. Битокова

Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, 119017,
Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а,
pushkarev@mail.ru, Tamara.bitok@gmail.com

Аннотация: Анализируются причины и следствия актуализации научного интереса к проблемам женской повседневности в пространстве советского города середины прошлого века. Проследив историю изучения женской повседневности в СССР периода политической оттепели (1950–1960-х гг.), авторы выяснили, что сначала эта проблема рассматривалась в парадигме апологии достижений советской власти в решении «женского вопроса». Смену парадигм характеризуют сомнения в его «решенности», перенос фокуса внимания с истории побед на сложности и противоречия в образе жизни горожанок (проблема сокращенного рабочего дня, дополнительных дней отпуска при огромной домашней нагрузке, «двойной связанности» профессиональными и семейными обязательствами). Доказано также, что в 1990-е гг., которые ныне часто называют «новой оттепелью» и «гендерными 90-ми», изучение политических аспектов жизни женщин 1950–1960-е гг. отошло на второй план. Главное же внимание оказалось сфокусировано на домашней, семейной сфере, проблемах телесности и моды, «женском голосе» в литературе, кино и СМИ. Часть аспектов проблемы женской повседневности в годы оттепели так и осталась неизученной. Нет обобщающих работ по женской теме, в которых бы сопоставлялась женская повседневность в союзном, российском и региональном масштабах, мало изучаются этнокультурные особенности женского быта в послевоенном СССР.

Ключевые слова: женская история, повседневность, городской быт, историография, оттепель

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)» (№ 19-09-00191), по программе ОИФН РАН «Российские ценности и европейская культура» и плану НИР ИЭА РАН.

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Битокова Т.В. Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 305–320. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-305-320>

The Daily Lives of Urban Women during the Khrushchev Thaw in Soviet and Post-Soviet Scholarship

Natalia L. Pushkareva, Tamara V. Bitokova

Women & Gender Studies Department, Institute of Ethnology and Anthropology RAS,
32a, 1 Leninsky Av., Moscow, 19017, Russia,
pushkarev@mail.ru, Tamara.bitok@gmail.com

Abstract: The article discusses the rise and changes of scholarly interest in urban women's everyday life in the USSR of the mid-twentieth century. By studying the Soviet and post-Soviet historiography of women's everyday life during Khrushchev's Thaw, the authors explain that at first this subject

© Пушкарева Н.Л., Битокова Т.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

was treated in analogy to the customary celebration of Soviet achievements: also, the “women’s question” would eventually be “resolved”. With rising doubts about the “resolvability” of the complex problems related to gender relations came a paradigm shift towards reflections on the difficulties and contradictions in the lifestyle of urban women. At the center of debate were now the necessity for shortening the working day and for additional vacation days, as well as the “double bondage” of women who had to combine a professional workload with heavy family obligations. The authors argue that in the 1990s (a period now often called “the new thaw,” and “the nineties of the gender debates”), the political aspects of female life in the 1950s and 1960s became marginal in scholarship. The main attention was now focused on the home and family spheres, on problems of corporeality and fashion, and on the “woman’s voice” in literature, cinema and media. In consequence, some aspects of women’s everyday life during the Thaw years remained unexplored. Finally, there are no generalizing works that would compare women’s everyday life on the levels of the USSR, Russia, or Russia’s regions, and little work has been done on ethnocultural characteristics of women’s life in the post-war USSR.

Keywords: women’s history, everyday life, urban life, historiography, thaw

Acknowledgements and Funding: This article has been prepared with financial support from of the Russian Fund for Basic Research (science project no. 19-09-00191) “Women’s social memory as a consolidating potential of a multi-generational family, strengthening statehood and the Russian nation (18th–21st century),” The program of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences “Russian Values and European Culture” and the plan of the Research Work of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pushkareva, Natalia L., and Bitokova, Tamara V. “The Daily Lives of Urban Women during the Khrushchev Thaw in Soviet and Post-Soviet Scholarship.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 305–320. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-305-320>

Введение

Интерес к человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных и этно-конфессиональных контекстах – следствие антропологического поворота в гуманитарном знании. Этнографам всегда был интересен быт, но решение задачи соединения событийной истории с изучением многообразия частных реакций на череду политических фактов, внимание к деталям образа жизни и обыденного социального поведения – черта обновленной культурной антропологии¹. Период «хрущевской оттепели» 1950–1960-х гг., отмеченный в советской истории относительной либерализацией общественно-политической жизни и осознанием ценности жизни частной, заинтересовал нас в связи с *женской темой*. С нею связана и попытка разобраться, что уже изучено, а какие вопросы лишь поставлены российской наукой, тем более что наука зарубежная недавно отметила весьма важным в этом плане сборником².

Умолчания и непризнание: историография позднего социализма

В СССР женский городской быт долгое время никем не изучался.

Слава первой, кто коснулся этой темы, принадлежит В.Р. Бильшай³. В ее исследовании «решения женского вопроса», как и в других публикациях 1950-х гг., главная тема – вовлеченность женщин в общественное производство, что понималось как «освобождение из бытового плена»⁴. В работах тех лет об охране женского труда мало говорилось о том, работают ли законы. Главный вывод сводился к решению *женского вопроса*, благодаря «партийной и государственной заботе о

¹ Пушкарёва Н.Л. История повседневностей // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 312–225; Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // ЭО. 2006. № 4. С. 85–97.

² Women in the Khrushchev era. New York, 2004.

³ Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948.

⁴ Ус А.П. Что дала советская власть женщинам. Минск, 1950; Овсянникова М.Д. Факты и цифры о положении женщин в СССР. М., 1954.

благ советских женщин»⁵. Удовлетворенность самих женщин этими завоеваниями не изучалась. Авторы подчеркивали значимость улучшения городской инфраструктуры, условий труда работниц, разнообразия их досуговых возможностей⁶. Осторожно говорилось об ограниченности для женщин путей повысить квалификацию в условиях бытовой загруженности, получить достойную оплату на высокой должности⁷. На первом плане было общественное, а не индивидуальное; это показала первая публикация о перестройке домашнего быта в годы советской власти – коллективная монография сотрудников ИЭА РАН⁸. Бытовых практик горожанок (отдельно от горожан) авторы ее даже не коснулись, но прорыв к изучению советского был сделан именно этой книгой.

Новый период изучения женской повседневности связан с рождением советской социологии в конце 1960-х гг., обогатившей «бытовую тематику» и расширившей рамки анализа от недавнего прошлого до современности. Социологами была поднята тема досуга рядового гражданина (но пока еще не гражданки), содержания свободного времени и отдыха, введено понятие *социалистического образа жизни*⁹. В тех исследованиях не было сделано акцента на деталях семейного быта женщин; но собиралась информация об охране женского труда, материнстве, неравномерной оплате труда, чрезмерной перегруженности работниц¹⁰. В литературе дискутировались «сложности и противоречия» между процессом вовлечения женщин в общественно-полезный труд и выполнением ими материнских и семейных обязанностей.

С конца 1960-х и до первой половины 1980-х гг. историописание (вслед за идеологическим отделом ЦК КПСС) считало тему быта иллюстративной, хотя она и была приближена к пропагандистки важному концепту «образа жизни». Именно в связи с его изучением в анализ быта были вовлечены новые аспекты: формирование и организация городской среды, вопросы взаимодействия индивида с семьей и социальной группой, характерные черты городских поселенческих структур, тема семейных обязанностей и устойчивости традиций (в том числе неполной готовности мужчин разделять с женами домашнюю нагрузку). Впервые и не без алармистских нот прозвучали выводы об особенностях женского труда¹¹, зато немало высоких слов было сказано о вовлеченности женщин во внесемейную активность¹².

Работы новосибирского социолога Г.А. Пруденского¹³ поставили проблему содержания внерабочего времени граждан страны; в них едва ли не впервые всплыло подтверждение фактического неравенства женщин: у 54 % из них на ведение домашнего хозяйства тратилось свыше 4 часов в день, в выходные – 8,5 часов¹⁴. И если Б.А. Грушин представлял быт пространством свободной деятельности и развития способностей личности (не учитывая гендерной принадлежности опрошен-

⁵ Абрамова А.А. Охрана трудовых прав женщин в СССР. М., 1954.

⁶ Овсянникова М.Д. Факты и цифры...; Зуева Т.Н. Роль советских женщин в развитии науки, культуры и искусства. М., 1956.

⁷ Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; Бишьай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959.

⁸ Село Вириатино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения. М., 1958.

⁹ Социология в России. М., 1998. С. 473.

¹⁰ Белова В.С. Решение женского вопроса в СССР. М., 1975; Женщины Страны Советов. М., 1977; Женщины на работе и дома. М., 1978.

¹¹ Коробицына М.А. Женский труд в системе общественного труда при социализме. Свердловск, 1966; Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. Москва, 1970.

¹² Шестакова М.М. Деятельность КПСС по вовлечению женщин в коммунистическое строительство в годы семилетки (на материалах Среднего Поволжья). Саратов. 1967.

¹³ Пруденский Г.А. Внерабочее время трудящихся. Новосибирск, 1961.

¹⁴ Там же. С. 19.

ных), то Л.А. Гордон и Э.В. Клопов продолжили тему, показав, как техническое оснащение быта меняет образ жизни и облегчает ведение домохозяйства именно женщинами. Они подтвердили факт сокращения времени на ведение дома в бюджете семейного времени на 7 час. в неделю за прошедшие полвека. Несомненным оказалось и сохранение гендерного неравенства во временных затратах на обеспечение жизни семьи (мужчины этим занимались в 2–2,5 раза меньше женщин)¹⁵.

«Открытием» темы женского повседневного быта 1950-х – 1960-х гг. стала статья Е.В. Порохнюк и М.С. Шепелевой, в которой анализировался социальный эксперимент: женщинам одной из строительных организаций Одессы сократили рабочий день на час, чтобы облегчить ведение домашнего хозяйства после работы. Эксперимент длился почти год; анкетирование подопечных подарило массу фактов о ведении домашнего хозяйства, семейных и материнских обязанностях¹⁶. Общий вывод исследования подтвердил успешность эксперимента: производительность женского труда повысилась, успеваемость детей улучшилась, замещение семейных ролей (мужья участвовали в делах по дому) шло свободнее. Такой интерес к изучению бюджета времени замечен во многих работах, но в них женский быт не упомянут вовсе¹⁷. Тема домашнего быта была отдана «семьеводам», изучавшим традиционное и новое в распределении домашних обязанностей¹⁸: так, И.П. Труфанов и З.А. Янкова, проанализировав значение бытовой сферы для удовлетворенности образом жизни, осветили реалии быта горожан и показали женщин главными его организаторами¹⁹.

Сама жизнь подталкивала социологов к новым темам, в частности, на страницах журнала «Семья и школа» была организована дискуссия, начатая публикацией Е. Андреевой о неравенстве возможностей женщин и мужчин. Несмотря на заявленное в законах равенство прав, писала она, «домоводству обучаются только девочки», «когда мальчик играет в футбол – девочка моет посуду»²⁰. Решение проблемы она увидела в общей перестройке воспитания: мужчина может «стирать пеленки, купать ребенка и пеленать его, не говоря уже о прочей домашней работе»; автор призывала устранить половые различия в школьном обучении. Однако ее оппоненты настаивали на непреложности женского предназначения – материнского долга, полагая, что для женщины иметь семью – это естественное желание. Были авторы, критиковавшие обе стороны (С. Газарян), были и те, кто видел в укороченном рабочем дне для женщин подталкивание их ко «второй рабочей смене» дома, к обслуживанию мужчин (В. Михайлова). Много писалось о государственной «заботе о женщине»: детских садах, столовых, домах быта; утверждалось, что чем выше уровень образования женщин, тем вероятнее, что в ее семье царят партнерские отношения²¹. Успехи в достижении равенства женщин с мужчинами рядом историков приписывались политике партии по улучшению социально-бытовых условий и по-

¹⁵ Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1964; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972; Гордон Л.А., Римаевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972.

¹⁶ Порохнюк Е.В., Шепелева М.С. О совмещении производственных и семейных функций женщин-работниц // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 102–108.

¹⁷ Болгов В.И. Бюджет времени при социализме. М., 1973.

¹⁸ Юркевич Н.Г. Семья в современном обществе. Минск, 1964; Янкова З.А. XX век и проблемы семьи. М., 1974; Янкова З.А. Структура городской семьи в социалистическом обществе. М., 1974.

¹⁹ Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973.

²⁰ Андреева Е. Против патриархальных нравов // Семья и школа. 1967. № 1. С. 9–10.

²¹ Газарян С. Не уходите от главного // Семья и школа. 1967. № 3. С. 4–6; Михайлова В. Снова на кухню? // Семья и школа. 1967. № 3. С. 4–6; Пименова А. Кто же глава семьи? // Семья и школа. 1967. № 4. С. 18.

вышению уровня жизни населения; бытовые проблемы при этом (преступность, пьянство и пр.) замалчивались²².

Один из зачинателей отечественного семействедения А.Г. Харчев, собрав фактический материал по истории советской семьи до 1960-х гг., впервые поставил такие темы, как оценка супругами их отношений, отношение к добрачным сексуальным связям, коснулся темы женского домашнего быта, полагая, что «освобождение женщин, предоставление им равных с мужчинами прав во всех областях жизни есть высшая ценность»²³. Работы А.Г. Харчева открыли шлюзы вали публикаций по социологии советской семьи. Началось тщательное изучение семейного быта в деревне и городе, распределения обязанностей, понимания счастья в браке, родительских ролей, но были и темы табуированные: сексуальное поведение, контрацептивная культура. Проблемы сексуальной удовлетворенности супругов в браке не отражены даже в трудах медиков того времени, хотя в целом именно в медицинской литературе 1960-х гг. появились отрывочные упоминания о новых стандартах женской гигиены²⁴. Иное дело – эмигрантская пресса, в которой тема абортивной культуры была вне табу, в частности, анализировался Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» от 23 ноября 1955 г. и права (точнее – бесправиe) советских женщин²⁵.

В 1970-е гг. на первый план вышла тема женского труда²⁶; поскольку ООН объявила 1975 год Годом Женщин, объяснимо появление тогда работ, основанных на свежей статистике. Анализировались затраты времени женщин и мужчин вне дома и по дому, выяснилось, что «на уход за собой, питание и сон, развлечения и отдых мужчины расходуют на 7–10 % времени больше»²⁷. Сравняя жизнь советских женщин и их современниц в Западной Европе и США, историки отмечали более длительный декретный отпуск в СССР, низкую стоимость ясель и садов, неплохую инфраструктуру для защиты женского здоровья – и не только в столице²⁸.

Сведения об обыденной жизни 1950-х гг. были включены в те работы неполно²⁹, но собранные факты об обеспеченности товарами культурно-бытового назначения позволили заметить разительные перемены тех лет. Это подтвердили и данные изданных в 1970-е гг. статистических сборников, в коих были и скупые сведения по «женской теме»³⁰. Эти сборники зафиксировали, что к концу 1960-х гг. доля женщин в общей численности рабочих и служащих оказалась выше 51 %, особенно в таких сферах, как социальное обеспечение, просвещение, культура, а в сфере торговли женщин – 76 %³¹. Но представить быт служащих (подсчитанных вместе с рабочими) было невозможно, быт горожан разного пола не анализировался.

²² Харитонова А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 50–64; Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 3–17.

²³ Харчев А.Г. Быт, семья, досуг. М., 1969. С. 69; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.

²⁴ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1968; Яковлева С.М. Способы и средства контрацепции. Л., 1970.

²⁵ Курганов И.А. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968.

²⁶ Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971; Гордон Л., Клопов В., Груздева Е. Этапы жизненного цикла семьи и быт работающей женщины // Изменение положения женщины и семья. М., 1972. С. 139–149; Шишкан Н.М. Труд женщин в условиях развитого социализма. Кишинев, 1976; Женщины на работе и дома. М., 1978.

²⁷ Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970.

²⁸ Белова В.С. Забота советского общества о женщине – матери, труженице, гражданке. М., 1975. С. 37–41; Новиков Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. М., 1978; Томский И.Е. Социально-экономические проблемы женского труда. Новосибирск, 1979; Зуйкова Е.М., Плаксина Н.Н. Решение женского вопроса в СССР и его международное значение. М., 1976.

²⁹ Котляр А.Э., Турчанинова С.Я. Занятость женщин на производстве. М., 1975.

³⁰ Женщины и дети в СССР: Статистический сборник. М., 1963.

³¹ Женщины и дети в СССР: Статистический сборник. М., 1975. С. 29, 32–33.

Публикация в журнале «Советская этнография» статьи М.Г. Рабиновича и М.Н. Шмелевой «К этнографическому изучению города» обеспечила аналитиков развернутой «Программой этнографического изучения городов», с особым разделом «Домашний быт»³². Программа предлагала описывать домашнее хозяйство, распределение семейных обязанностей, воспитание и обучение детей, распорядок дня, домашний досуг, межсемейное общение, традиционные знания (полученные от прародителей), трудовой и праздничный календарь, домашние способы лечения людей и животных. В программе было многое, кроме... различий между домашним бытом женщин и мужчин. Женский быт оставался вне специального рассмотрения.

Перестройка – «вторая оттепель»: тема женского быта 1960-х в исследованиях конца XX в.

Изменение политического курса страны в конце 1980-х – 1990-е гг., начавшаяся «перестройка», можно назвать «второй оттепелью»: смена объяснительных парадигм в социальных и гуманитарных науках расширила предметное поле этнологии и истории. По-новому звучал «женский вопрос» как требующий тщательного анализа, как факт признания женской, а позже и гендерной истории с новым кругом источников и новыми приемами изучения, новой проблематикой: история материнства, семейных забот, проблема домашнего труда. Авторы старались понять и описать последствия социалистической эмансипации³³, но 1950–1960-м годам в их исследованиях уделялось все так же мало внимания.

Для публикаций стала характерна большая критичность, подчеркивались низкий социальный статус женщин, различия между юридическим и практическим равенством полов³⁴, отмечалось, что женщины были нужны тоталитарному государству, выступавшему в роли «отца-патриарха», лишь в качестве дополнительной рабочей силы³⁵. Замеченные «несовершенства» в те годы принято было связывать с прежней недооценкой фактора пола³⁶. Впервые исследователи заговорили о неравенстве в оплате труда при высокой образованности женщин³⁷. Анализируя послевоенную картину соотношений прав и возможностей их реализации женщинами, исследовательницы касались и положения россиянок в годы «оттепели» (С.Г. Айвазова, М.Г. Панкратова, Н.Н. Козлова)³⁸, но делали больший акцент на проблемах слабой представленности женского в сфере политики и крайне редко уделяли внимание сфере женского быта.

³² Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 6. С. 15–17.

³³ Крылова З.П., Акивис Д.С. Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987; Нечаева А.М. Охрана материнства и детства в СССР. М., 1988; Шинелева П.Т. Женщина и общество. М., 1990; Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990; Романов В.А. Культура быта и тенденции ее развития в советском обществе. М., 1991; Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992.

³⁴ Морозова Г.А. Социальный статус женщины в социалистическом обществе // Научный коммунизм. 1989. № 3. С. 111–117; Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период. М., 1995.

³⁵ Воронина О.А. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993; Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–15.

³⁶ Азарова Е.Г. Проблемы равноправия женщины и мужчины в социалистическом обеспечении в СССР. М., 1989; Панкратова М.Г. Русская женщина сегодня // Женщины России вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С. 12–24.

³⁷ Шинелева Л.Т. Женщина и общество. М., 1990; Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990.

³⁸ Айвазова С. Идеи истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 20–25; Козлова Н.Н. Советская представительная система: к вопросу участия женщин в деятельности местных органов власти // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 12–20.

В середине 1990-х гг. в российской историографии начало активно использоваться понятие «женской повседневности», попав в работы и тех, кто изучал ценностный мир советского человека. Чаще речь шла о социополовых отличиях в повседневности крупных городов, столиц, нежели повседневности провинциальной³⁹.

На волне этого интереса появились работы об особенностях быта людей в первые послевоенные десятилетия⁴⁰, и главными чертами той жизни предстали практики адаптации к сложным социально-экономическим условиям. Впервые в российской историографии внимание было перенаправлено на ранее мало использовавшиеся группы источников – дневники, письма граждан в газеты и во властные структуры. Впервые среди источников оказались сводки органов госбезопасности о настроениях граждан. Однако гендерная тема и гендерные отличия быта все также оставались вне поля зрения авторов обобщающих трудов, хотя те годы называют нередко «гендерными 90-ми»: гендерная концепция проникла тогда в российское гуманитарное знание⁴¹.

Открытие нового направления в отечественной историографии – истории частной жизни женщин – давало возможность российским ученым заниматься реконструкцией женской повседневности – «регулярно повторяемой», «первичной, безусловной для всех женщин, хотя и неодинаковой по содержанию и значению»⁴². Женские, а следом гендерные исследования открыли новые горизонты. И если в советской науке до того времени господствовала идеология «бесполого сексизма» (И.С. Кон), то с 1990-х гг. число книг и статей по женской истории резко выросло⁴³. Не «везло» лишь «политической оттепели»; чаще авторы размышляли об общих психологических различиях мужчин и женщин, о бытующих стереотипах на протяжении всего советского периода⁴⁴. Это могло стать предпосылкой для исследований обыденного женского сознания о конкретной исторической эпохе, но таких работ не было.

Ближе всего к истории повседневности оказались антропологи, увлеченные идеей объяснения возникновения и сохранения паттернов гендерной асимметрии в обществе⁴⁵. Новым словом в историографии проблемы стала первая публикация, посвященная нюансам женского быта полувекковой давности, хотя речь в ней шла о крайне узком слое горожанок. С. Чуйкина опубликовала статью о хозяйках «нелегальной публичной сферы» 1950–1980-х гг. (в клубах, парках, салонах, кафе), раскрыв особенности жизненного стиля этих создательниц «среды и почвы для произрастания мыслей, идей, и, в конечном счете, общественного мнения»⁴⁶.

³⁹ Пушкарёва Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–15; *Возмутитель А.А., Ядов В.А.* Повседневная жизнь в условиях кризиса. М., 1992; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности: голоса из хора. М., 1996; *Градскова Ю.* Обычная советская женщина. М., 1999.

⁴⁰ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999.

⁴¹ *Жеребкина И.А.* Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Харьков, СПб., 2001. С. 49–79.

⁴² Пушкарёва Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 41–62.

⁴³ *Алешина Ю.Е.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997. С. 369.

⁴⁴ *Клецина И.С.* Гендерная социализация. СПб., 1998; *Ушакин С.* Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 111–116; *Хасан Б.И., Тюменева Ю.Л.* Особенности присвоения социальных норм детьми разного пола // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 32–39.

⁴⁵ *Гапова Е.И.* Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. СПб., 2001.

⁴⁶ *Чуйкина С.* Открытый дом и его хозяйка (Из истории участниц диссидентского движения) // Феминистская теория и практика: Восток – Запад. СПб., 1996. С. 287–294.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. вышли в свет десятки работ по антропологии городской повседневности. Их отличала междисциплинарность, умение использовать методы обработки материала сопредельных этнологии. М.М. Кром определил «повседневничество» истории как исследовательский инструмент. Описание одежды, распорядка дня, способов проведения досуга он назвал «важнейшим фоном», на котором строились жизненные планы, складывались отношения, позволявшие понять круг повседневных тревог, увидеть мир людей изнутри⁴⁷. Эти подходы продолжили гендерные исследования в изучении прошлого, внося вклад в изучение отличий женской и мужской обыденности⁴⁸.

Внимание ученых направилось на историю женских эмоций, на женские увлечения и заботы. И когда в центре внимания оказывался город в целом, гендерная тематика «прорывалась» в такие исследования. Особо значимы труды Н.Б. Лебиной – путеводитель по быту советской эпохи, включавший и девиантные явления (пьянство, суицид, проституцию, криминал). Она первой коснулась таких тем, как использование синтетических тканей и бытовой химии в женской повседневности, значимость моды, проблемы интимности и сексуальности⁴⁹. Намеченным ею путем пошел И.Б. Орлов, продолжив реконструкцию мира 1960-х гг. по таким темам, как бытовое обслуживание, досуг и активные формы отдыха, семейные стратегии и «бытовой этатизм», место и роль «ненавязчивого сервиса» в советской повседневности, специфика массового туризма как социокультурного феномена⁵⁰. Но гендерного аспекта в его исследовании, в отличие от книг Н.Б. Лебиной, нет.

То же можно сказать о работе А.М. Доценко, представившей жизнь Куйбышева (Самары) в 1960-е гг. Он выявил размах жилищного строительства, очертил образ жизни горожан, их приобщение к спорту и туризму, но вычленил, что именно было типичным для женского быта и повседневности в изученном им городе, – трудно, как и в исследовании И.В. Утехина о питерских коммуналках, в коих разворачивалась частная жизнь многих женщин, формировались приятельские и родственные связи, представления о гигиене и распределении семейных ролей⁵¹.

Новейшие тенденции и тренды в изучении образа и стилей женских жизней в период хрущевской оттепели

XXI в. подарил историописанию расширение источниковой базы за счет признания равноправности устных историй документальным свидетельствам, что позволило обратить внимание на новые темы, в том числе о (не)справедливости распределения семейных обязанностей и благ, о стереотипах советской обыденности. В книге эмигрантов П. Вайля и А. Гениса, как и в работе Б.А. Грушина о разных аспектах повседневности, сквозь призму общественного мнения воспроизводилась общая атмосфера «оттепели», стиль и образ жизни горожан. Но и этим книгам на

⁴⁷ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // Источник. Историк. История. Вып. 3: История повседневности. СПб., 2003; Утехин И.О. смысле включенного наблюдения повседневности // Источник. Историк. История. Вып. 3: История повседневности. СПб., 2003; Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // ЭО. 2004. № 5. С. 3–19.

⁴⁸ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // ЭО. 2006. № 4. С. 85–97

⁴⁹ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

⁵⁰ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2009

⁵¹ Брусиловская Л.Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2000; Утехин И.В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда в 1970–90-е гг.: стереотипы повседневного поведения. СПб., 2001; Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города нач. 1950 – пер. пол. 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева). Самара, 2007.

хватало гендерного аспекта, как и прямо посвященного умонастроениям тех лет труду Ю.В. Аксютин⁵².

Анализа гендерных особенностей женской повседневности 1950–1960-х гг. можно было бы ожидать от книги Н.Н. Козловой⁵³, основу которой составили записки, письма, личные воспоминания горожанок, газетные заметки советского времени. В книгу вошла хроника жизни одной из миллионов простых женщин, а именно, «брак, развод, дети, аборт». В тени осталось типическое для каждого пола, сравнение стиля жизни жительниц столиц и регионов.

Новый взгляд в статьях по истории повседневности 1950–1960-х гг. можно найти в работах молодых историков. В их трудах советская женская печать («Работница», «Крестьянка», «Советская женщина») показана как «школа воспитания» читательниц (в том числе политического), как история смены образов (вместо внешне-национальных мужеподобных тружениц, не имевших личных интересов и индифферентных к внешним атрибутам красоты, в годы оттепели появились женственные представительницы советских республик).

История советской фильмографии предстала историей смены «неэротичного» и «нетелесного» старого кино (советские фильмы 1930-х – начала 1950-х гг.) новой визуальностью, наполненной новым пониманием интимности⁵⁴. Авторы настаивали: гендерный дискурс женских периодических изданий предсказал перемены в социальном поведении горожанок, эрозию прежних морально-этических норм. Их вывод подтвержден исследованиями увлечений «младших детей войны» джазом, стилистичностью, западной модой (в 1960-х ставших чертой жизни горожан)⁵⁵.

Стараясь проникнуть в частную сферу женских жизней в советском городе 1960-х, питерская исследовательница О.Ю. Гурова изучила изменения в крое женского нижнего белья, «безликого продукта социалистической промышленности», видя в переменах историю эмансипации⁵⁶. Ее исследование вписало историю моды в женскую историю страны, в то время как скрупулезное исследование С.В. Журавлева и Ю. Гронова осветило скорее общую историю противостояния промышленности и власти в те же годы⁵⁷. О женских запросах и женской системе ценностей в их статье размышлений мало, женщинам приписано «подражательство», стремление походить на образцы западного киномира (будто мужчины имели иную типичную социальную поведения!). Аналогичное исследование, написанное женщиной, явило возможности иной расстановки акцентов. В частности, И.В. Виниченко рассмотрела вопросы адаптации советской женщины к новым экономическим, социально-политическим и культурным обстоятельствам, показав новый женский образ в прессе и кино⁵⁸. Костюм героинь, отметила она, превратился в один из дви-

⁵² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2001; Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. М., 2001; Аксютин Ю.В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.

⁵³ Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.

⁵⁴ Гамелько Е.В. Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» // Молодой ученый. 2009. № 7. С. 174–177; Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930–1950-х гг. // История страны – история кино. М., 2004. С. 166–169; Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012.

⁵⁵ Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.

⁵⁶ Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

⁵⁷ Гронов Ю. Журавлев С. Власть моды и советская власть: история противостояния // Историк и художник. 2006. № 3. С. 46–57.

⁵⁸ Виниченко И.В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Омск, 2009; Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 2. С. 51–64.

гателей экранного действия, перестав быть незаметным (этим «грешили» довоенные фильмы), а домашняя обстановка пропагандировала новые идеалы, в том числе личного женского пространства (пусть в маленькой «хрущевке»). Город стал, с точки зрения исследовательницы, локусом новаций в женской истории; что подтвердили и исследования, вышедшие следом за диссертацией⁵⁹. В них разбирались противоречия между женским желанием («красиво одеваться») и идеологической политикой КПСС («одеваться скромно, просто», гасить стремление выделиться в коллективе).

К 2010-м гг. женская и гендерная история стали самостоятельным направлением постсоветской историографии, это признавалось на научных форумах. Однако традиционно мыслящие историки не спешили включать гендерный аспект в свои книги, вносить коррективы в общую периодизацию истории и, основываясь на «истории перемен в гендерном укладе», видеть в 1960-х годах время кризиса этакратического гендерного порядка⁶⁰ (ослабления вмешательства государства в системы социальных отношений и начало конфликта социальных ролей матери и работницы). В публикациях последнего времени поставленные в начале 2000-х гг. исследовательские вопросы получили противоречивое освещение в трудах социологов, историков и культурологов. Так, размышляя о женском быте, М.В. Антонова находила его противоречивым, «как полон противоречиями социальный статус женщин при социализме, выполнявших не менее трех ролей – матери, работницы и общественницы»⁶¹. Следствие прежних идеологических норм она видела в низкой оценке обществом женщин, посвящавших себя только семье (в сравнении с теми, кто работал вне дома), в отрицательных коннотациях термина «домохозяйка», не в пример занятым на производстве активисткам-общественницам, умеющим создать уют в доме, и детей воспитать в духе коммунистической морали.

Целью исследований И.В. Виниченко, А.А. Днепровской, В.А. Рыженко был в те годы ответ на вопрос, как перемены в экономической, социальной и культурной политике государства в годы оттепели изменили социокультурный облик горожанок⁶². Если в 1930-е гг. «выход женщин в общественное пространство был связан с оуживанием»: поменялся внешний вид женщин, образ мысли и поведения (женщины усвоили мужские повадки и манеры, начали курить, сквернословить, пить), то смена облика горожанки 1960-х стала рефлексией на перемены в социальных ожиданиях. Смена облика горожанки – тема работ культурологов, изучавших женские образы советского массового искусства, а вместе с ними – отношение женщин к труду, сочетание общественных и личных интересов, материальное благосостояние горожан. Их вывод о том, что «нет в изобразительном искусстве того времени женских образов, чей труд стал бы фактором личного счастья»⁶³, дискуссионен.

⁵⁹ *Вайнштейн О.* Мое любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России // Теория моды. 2007. № 3. С. 101–126; *Кимерлинг А.* Платформа против калош, или стилиаги на улицах советского города // Теория моды. 2007. № 3. С. 81–99.

⁶⁰ *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–321; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 9–10.

⁶¹ *Антонова М.В.* Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы. М., 2010.

⁶² *Виниченко И.В., Днепровская А.А., Рыженко В.А.* Изменение в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины-горожанки в период «оттепели» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2011. С. 46–50.

⁶³ *Сидорова Г.П.* Советский тип хозяйственной культуры повседневности в массовом искусстве 1960–1980-х гг.: ценностный аспект. М., 2012.

В начале 2010-х гг. вышло в свет много публикаций о повседневности Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Перми. Юг России оказался не изучен, зато исследований бытовой жизни горожан Сибири 1950–1960-х гг. было уже немало. Особо отметим выводы в работе о послевоенной повседневности Тюмени⁶⁴; автор ее наметила пути изучения женского быта, проработала вопрос об обеспеченности горожанок жильем, продуктами питания, медицинской помощью, показала повседневные запросы и способы их решения глазами тюменцев (женщин в том числе). Отметив половой дисбаланс (вызванный войной), она проанализировала приоритетную роль женщин в тюменской семье.

Изучению женской повседневности времен «оттепели» немало помогли в последние годы исследования смены репродуктивных установок горожанок в одном из регионов Предуралья⁶⁵: несмотря на социальный запрос, уровень рождаемости здесь снижался с начала 1960-х гг., и тенденция к малодетности стала веянием времени, отразив запросы женщин на внесемейную активность.

Как и в предыдущие десятилетия, немалую роль в оживлении дискуссий 2010-х гг. о повседневности времен оттепели сыграли публикации Н.Б. Лебиной, на материалах Ленинграда 1960-х гг. рассказавшей о «деструкции большого стиля – культурно-бытовой составляющей системы сталинизма»⁶⁶. Коснулась она и тем, связанных с женщинами, анализируя пробуждение дискурса о женской сексуальности, о ее влиянии на стиль и моду (о чем в те же годы писали С.В. Журавлев и Ю. Гронов)⁶⁷, отношении к материнству (тем самым подтверждая выводы демографов о снижении детности) и трудностях, которые испытывали женщины того времени.

Тема внешнего облика и моды в последние годы стала одной из обсуждаемых; отмечено, что в 1960-е гг. наметился перелом не только в отношении к внешности молодых девушек, но и женщин «третьего возраста» (зрелых). Эту тонкую грань старались уловить культурологи, рассматривая процессы репрезентаций женщин разных возрастных категорий в женских журналах⁶⁸. Тогда они и обнаружили, что именно в 1960-е гг. на страницах женских журналов появились советы, касавшиеся телесных практик «сохранения молодости». Работающий в США социолог С.А. Ушакин продолжил эти наблюдения, разобрав составляющие советского «вещизма» (особенностей интерьера советских квартир, их излишней «заставленности» полвека тому назад, показав содержание женского быта 60-х гг. как «погоню за вещами, которые можно достать»⁶⁹).

Самой малоисследованной темой, касающейся советской женской повседневности 1950–1960-х гг., в последние двадцать лет остается – как это уже подчеркивалось⁷⁰ – тема женского движения и женского социально-политического участия. Если в начале 2010-х гг. были защищены диссертации, в которых авторы вынужденно касались этого вопроса, то в настоящее время никто не изучает внесемейной

⁶⁴ Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск СибГТУ, 2007; Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе в 1950–1960-е гг. Омск, 2013.

⁶⁵ Черезова О.Г. Рождаемость и смена репродуктивных установок населения Свердловской области в 1960–1970-е гг. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 112–117.

⁶⁶ Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015.

⁶⁷ Журавлёв С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013.

⁶⁸ Смирнова В.Ю. Конструирование возраста в журнале «Работница» в советское время // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 92–102.

⁶⁹ Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма // Это было навсегда. М., 2020. С. 75–89.

⁷⁰ Пушкарева Н.Л. Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 8.

общественной активности женщин: их представленности в органах власти 1960-х гг., активности в них, попыток продвинуть «женскую повестку» на уровень общегородских, общереспубликанских обсуждений. Отмечен факт незначительности общественно-политического влияния на женщин, несмотря на их значительную интегрированность в общественное производство и высокий уровень их образованности. Доля женщин на руководящих должностях в изучаемый период оказалась, благодаря этим исследованиям, ничтожно малой, женщины-работницы представлены менее квалифицированными, нежели мужчины. Высокая бытовая загруженность и ориентация на домашнее хозяйство – доказанные причины этого дисбаланса⁷¹. Историей показной включенности советских женщин в общественную жизнь не спешат заниматься как научной темой не только российские, но и зарубежные исследователи⁷².

Выводы

Более чем полувекое изучение быта советской страны в годы «хрущевской оттепели» и его женской составляющей убеждает в том, что при всем росте внимания к историко-культурной антропологии много проблем осталось вне рассмотрения, сохраняется нецеленность на изучение одних и тех же тем, хотя горизонты восприятия бытового субстрата полувековой давности расширились именно в последние два десятилетия. Женская повседневность 1950–1960-х гг. как особая тема истории советского быта специально не изучена, нет ни обобщающих работ, ни рассмотрения темы в региональном масштабе.

В 1960-е гг. нами встречены упоминания лишь об отдельных сторонах женского быта (условиях работы, сложностях ухода за детьми). С появлением советской социологии, в 1970–1980-е гг., интерес к теме обнаружился в исследованиях о социалистическом образе жизни (сокращенный рабочий день для матерей и дополнительный отпуск, тема групп продленного дня для детей, женского здоровья, справедливой оплаты женского труда и др.).

В 1990-е гг. постсоветская историография, избавившись от прежней теоретической зашоренности, сделала антропологический поворот. *Женский вопрос* стал частью политического дискурса, и авторы поставили вопрос об отчуждении женщин от сферы власти, зафиксировав условную «компенсированность» фактического неравенства формальными женскими квотами на избрание в административные органы. Психологи и этнологи разрабатывали женскую тему, привлекая новый (для историков) тип источников – устные рассказы, неструктурированные биографические интервью; женская история и городская антропология нашли множество точек пересечения. Введение в науку концепта «женская повседневность» дало новый импульс, позволив увидеть по-новому стиль городской жизни, задаваемый женской частью городской интеллигенции, историю женского пространства диссидентской среды в столицах середины XX в. Число работ по истории женской повседневности быстро выросло, но именно повседневности горожанок в годы «оттепели» ни статей, ни диссертаций не посвящалось.

В работах последнего времени сделано немало важных выводов, касающихся женской моды 1960-х, интерьерера квартир, влияния СМИ, литературы и кинемато-

⁷¹ Бадмацыренова Е.Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность: 1923–1991 гг. Улан-Удэ, 2011; Шевченко Л.А. История женского движения в Иркутской области: 1920–1990-е гг. Улан-Удэ, Белгород, 2012; Теплякова А.Ю. Исторический опыт вовлечения женщин в трудовую и общественно-политическую деятельность во второй половине XX – начале XXI в. Белгород, 2013.

⁷² Пушкарева Н.Л., Большакова О.В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник С.-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 1. С. 318–328.

графа на строй жизни женщин в годы «оттепели». После долгого тематического аскетизма появились публикации, в которых была проанализирована советская сексуальная культура; они открыли тему женской сексуальности, телесности, новое понимание роли материнства и бездетности, планирования семьи женщинами. В последние годы опубликованы исследования о женской повседневности нестолических регионов, о влиянии на нее национального компонента. Совершенствуются междисциплинарные подходы изучения темы, воссоздается дух времени того славного периода общих надежд, идет общее осмысление картины мира и системы ценностей советских женщин. Но тема городского женского быта в годы «оттепели» при этом так и остается наименее изученной.

Поступила в редакцию / Received: 20.08.2020

References

- Abramova, A.A. *Okhrana trudovykh prav zhenshin v SSSR*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1954 (in Russian).
- Aksyutin, Yu.V. *Khrushhevskaya ottepel' i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Aleshina, Yu.E. “Problemy usvoeniya roley muzhchiny i zhenshhiny.” *Voprosy psikhologii*, no. 4 (1991): 74–82 (in Russian).
- Andreeva, E. “Protiv patriarkhal'nyh nraov.” *Sem'ya i shkola*, no.1 (1967): 9–10 (in Russian).
- Antonova, M.V. *Soviet social policy: family and household aspect. 1950s – 1960s: Leningrad*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Economics Publ., 2010 (in Russian).
- Aralovest, N.D. *Zhenskiy trud v promyshlennosti SSSR*. Moscow: Profizdat Publ., 1954 (in Russian).
- Ayvazova, S. “Ideynye istoki zhenskogo dvizheniya v Rossii.” *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4 (1991): 20–25 (in Russian).
- Azarova, E.G. *Problemy ravnopraviya zhenshhiny i muzhchiny v socialisticheskom obespechenii v SSSR*. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Badmastyrenova, E.L. *Gosudarstvennaya politika po vovlecheniyu zhenshin Buryatii v obshchestvenno-politicheskuyu deyatel'nost': 1923–1991 gg.* Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2011 (in Russian).
- Belova, A.V. “Women's everyday life as a subject of everyday history.” *Ethnographic Review*, no. 4 (2006): 85–97 (in Russian).
- Belova, V.S. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR*. Moscow: Znanie Publ., 1975 (in Russian).
- Belova, V.S. *Zabota sovetskogo obshchestva o zhenshhine – materi, truzhenice, grazhdanke*. Moscow: [N.s.] 1975 (in Russian).
- Bil'shay, V. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1959 (in Russian).
- Bil'shay, V.L. *Sovetskaya demokratiya i ravnopravie zhenshin v SSSR*. Moscow: Juridizdat Publ., 1948 (in Russian).
- Bolgov, V.I. *Budzhel vremeni pri socializme* Moscow: Nauka Publ., 1973 (in Russian).
- Bromley, N.Ja. “Uroven' zhizni v SSSR.” *Voprosy istorii*, no. 7. (1966): 3–17 (in Russian).
- Brusilovskaya, L.B. “The culture of everyday life in the era of the ‘thaw’: style metamorphoses.” *Social Sciences and Modernity*, no. 1 (2000): 163–174 (in Russian).
- Brusilovskaya, L.B. *Kul'tura povsednevnosti v epokhu “ottepeli”: metamorfozy stilya*. Moscow: MGU Publ., 2000 (in Russian).
- Cherezova, O.G. “Fertility and change in reproductive attitudes of the population of the Sverdlovsk region in the 1960s–1970s.” *Ural Historical Journal*, no. 3 (2014): 112–117 (in Russian).
- Chyukina, S. “Otkrytyy dom i ego khozayka (Iz istorii uchastnits dissidentskogo dvizheniya). Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii”. In *Feministskaya teoriya i praktika: Vostok – Zapad*, 287–294. St. Petersburg: PCGI Publ., 1996 (in Russian).
- Dashkova, T.Yu. “Lubov' i byt v kinofil'makh 1930–1950-h gg.” In *Istoriya strany – istoriya kino*, 166–169. Moscow: Znak Publ., 2004 (in Russian).
- Dotsenko, A.M. *Nachalo povsednevnoy zhizni sovetskogo goroda. 1950 – pervaya polovina 1980-kh (po materialam Kuybysheva)*. Samara: SGU Publ., 2007 (in Russian).
- Gamel'ko, E.V. “The image of a Soviet woman on the pages of the ‘Worker’ magazine.” *Molodoy uchenyy*, no. 7. (2009): 174–177 (in Russian).
- Gapova, E.I. “Gendernaya problematika v antropologii.” In *Vvedenie v gendernye issledovaniya*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2001 (in Russian).

- Gazaryan, S. “Ne ukhodit' ot glavnogo,” *Sem'ya i shkola*, no. 3 (1967): 4–6 (in Russian).
- Gordon, L., Klopov, V., and Gruzdeva, E. “Etapy zhiznennogo tsykla sem'i i byt rabotayushhey zhenshhiny.” In *Izmenenie polozheniya zhenshhiny i sem'ya*, 139–149. Moscow: IKSI AN SSSR Publ., 1972 (in Russian).
- Gordon, L.A., and Gradszkova, Ju. *Obychnaya sovetskaya zhenshhina*. Moscow: Plus+ Publ., 1999 (in Russian).
- Gordon, L.A., and Klopov, Je.V. *Chelovek posle raboty: socialnye problemy byta i vnerabocheho vremeni*. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- Gronov, Ju., and Zhuravlev, S. “Power of fashion and Soviet power: a history of confrontation.” *Historian and Artist* 9, no. 3 (2006): 125–130 (in Russian).
- Grushin, B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshhestvennogo mneniya*. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 2001 (in Russian).
- Grushin, B.A. *Svobodnoe vremya: Aktual'nye problemy*. Moscow: Mysl' Publ., 1964 (in Russian).
- Gurova, O. *Sovetskoe nizhnee bel'e: mezhdru ideologiy i povsednevnost'yu*. Moscow: NLO Publ., 2008 (in Russian).
- Kharchev, A.G. *Brak i sem'ya v SSSR*. Moscow: Mysl' Publ., 1979 (in Russian).
- Kharchev, A.G. *Byt, sem'ya, dosug*. Moscow: Znanie Publ., 1969 (in Russian).
- Kharchev, A.G., and Golod, S.I. *Professional'naya rabota zhenshhin i sem'ya*. Leningrad: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Kharitonova, A.E. “Osnovnye etapy zhilishhnogo stroitel'stva v SSSR.” *Voprosy istorii*, no. 5 (1965): 50–64 (in Russian).
- Khasan, B.I., and Tyumeneva, Yu.L. “Osobennosti prisvoeniya social'nykh norm det'mi raznogo pola.” *Voprosy psikhologii*, no. 3 (1997): 32–39 (in Russian).
- Kimerling, A. “Platform against galoshes, or dudes on the streets of the Soviet city.” *Fashion Theory*, no. 3. (2007): 81–99 (in Russian).
- Kiselyova, T.G. *Zhenshhina i sem'ya v posleoktyabr'skii period*. Moscow: MGUK Publ., 1995 (in Russian).
- Kletsina, I.S. *Gendernaya sotsializatsiya*. St. Petersburg: A.I. Herzen RGPU Publ., 1998 (in Russian).
- Kon, I.S. *Seksual'naya kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke*. Moscow: United humanitarian Publ., 1997 (in Russian).
- Kotlyar, A.Ye., and Turchaninova, S.Ya. *Zanyatost' zhenshhin na proizvodstve*. Moscow: Statistika Publ., 1975 (in Russian).
- Kozlova, N.H. “Sovetskaya predstavitel'naya sistema: k voprosu uchastiya zhenshhin v deyatel'nosti mestnykh organov vlasti.” In *Zhenshhiny v social'noy istorii Rossii*, 12–20. Tver': TGU Publ., 1997 (in Russian).
- Kozlova, N.N. *Gorizonty povsednevnosti: golosa iz hora*. Moscow: Institute of Philosophy RAS Publ., 1996 (in Russian).
- Kozlova, N.N. *Sovetskie lyudi: Stseny iz istorii*. Moscow: Europe Publ., 2005 (in Russian).
- Krom, M.M. “Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya.” In *Istoriya Povsednevnosti. Sbornik nauchnykh rabot. (Seriya 'Istochnik. Istoriik. Istoriya')*, 230–245. St. Petersburg: Yevropeyskii university Publ., 2003 (in Russian).
- Krylova, Z.P., Akivis, D.S., Kostygova, M., and Zhuravskaya, I.A. *Sovetskaya zhenshhina: trud, materinstvo, sem'ya*. Moscow: Profizdat Publ., 1987 (in Russian).
- Kurganov, I.A. *Zhenshhiny i kommunizm*. New-York: Christian Publ., 1968.
- Lebina, N.B. *Entsiklopediya banal'nostey. Sovetskaya povsednevnost': kontury, simvol'y, znaki*. St. Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2006 (in Russian).
- Lebina, N.B. *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiya bol'shogo stilya. Leningrad, 1950–1960-e gody*. St. Petersburg: Kriga Publ., 2015 (in Russian).
- Mikhalyk, V.B. *Ispol'zovanie zhenskogo truda v narodnom khozaystve*. Moscow: Yekonomika Publ., 1970 (in Russian).
- Mikhaylova, V. “Snova na kukhnyu?” *Sem'ya i shkola*, no. 3 (1967): 4–6 (in Russian).
- Morozova, G.A. “Sotsial'nyy status zhenshhiny v sotsialisticheskom obshhestve.” *Nauchnyy kommunizm*, no. 3. (1989): 111–117 (in Russian).
- Nechaeva, A.M. *Okhrana materinstva i detstva v SSSR*. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1988 (in Russian).
- Novikov, Ye.E., Yazykova, V.S., and Yankova, Z.A. *Zhenshhina. Trud. Sem'ya*. Moscow: Profizdat Publ., 1978 (in Russian).
- Orlov, I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya*. Moscow: GUVShJe Publ., 2009 (in Russian).
- Ovsyannikova, M.D. *Fakty i tsifry o polozhenii zhenshhin v SSSR i zarubezhnykh stranakh*. Moscow: [N.s.], 1954 (in Russian).

- Pankratova, M.G. "Russkaya zhenshhina segodnya." In *Zhenshhiny Rossii – vchera, segodnya, zavtra*, 50–57. Moscow: Rossiya molodaya Publ., 1994 (in Russian).
- Pimenova, A. "Kto zhe glava sem'i?" *Sem'ya i shkola*, no. 4 (1967): 15–24 (in Russian).
- Porohnyuk, E.V., and Shepeleva, M.S. "O sovmeshhenii proizvodstvennykh i semeynykh funktsiy zhenshin-rabotnits." *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4 (1975): 102–108 (in Russian).
- Prudenskiy, G.A. *Vnerabochee vremya trudyashhihsya*. Novosibirsk: SO AN SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Gendernyy podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh." *Voprosy istorii*, no. 6. (1998): 41–62 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Istoriya povsednevnostey." In *Teoriya i metodologiya istorii*, 312–325. Volgograd: Uchitel' Publ., 2014 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Russkaya zhenshhina v sem'e i obshchestve X–XX vv.: etapy istorii." *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5 (1994): 3–15 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Subject and methods of studying the history of everyday life." *Ethnographic Review*, no. 5. (2004): 3–19 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "The gender system in Russia in the 20th century and the fate of Russian women." *New literary review* 117 (2012): 9–10 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Women's and Gender History: Results and Development Prospects in Russia." *Historical Psychology & Sociology* 3, no. 2 (2010): 51–64 (in Russian).
- Pushkareva, N.L., and Bol'shakova, O.V. "Gender Studies in the Russian 20th Century." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 65, no. 1 (2020): 318–328 (in Russian).
- Rabinovich, M.G., and Shmeleva, M.N. "K etnograficheskomu izucheniyu goroda." *Sovetskaya etnografiya*, no. 6 (1981): 15–17 (in Russian).
- Rafikova, S.A. *Byt rabochey sem'i Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody*. Krasnoyarsk SibGTU Publ., 2007 (in Russian).
- Rimashevskaya, N.M. *Pyatidnevnyaya rabochaya nedelya i svobodnoe vremya trudiashhihsya*. Moscow: Mysl' Publ., 1972 (in Russian).
- Romanov, V.A. *Kul'tura byta i tendentsii eyo razvitiya v sovetskom obshchestve*. Moscow: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- Sadvokasova, E.A. *Sotsial'no-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov sem'i*. Moscow: [N.s.], 1968 (in Russian).
- Shevchenko, L.A. *Istoriya zhenskogo dvizheniya v Irkutskoy oblasti: 1920–1990-ye gg*. Belgorod: BGU Publ., 2012 (in Russian).
- Shineleva, L.T. *Zhenshhina i obshchestvo*. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Shishkan, N.M. *Trud zhenshin v usloviyakh razvitogo sotsializma*. Chisinau: Shtiinca Publ., 1976 (in Russian).
- Sidorova, G.P. *Sovetskiiy tip povsednevnoy ekonomicheskoy kul'tury v massovom iskusstve 1960–1980-kh godov: tsennostnyy aspekt*. Moscow: MGU Publ., 2012 (in Russian).
- Smeyukha, V.V. *Protsessy identifikatsii i zhenskaya pressa*. Rostov-on-Don: Rosizdat Publ., 2012 (in Russian).
- Smirnova, V.Yu. "Construction of age in the magazine 'Worker' in Soviet times." *Woman in Russian Society*, no. 1 (2016): 92–102 (in Russian).
- Trufanov, I.P. *Problemy byta gorodskogo naseleniya SSSR*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1973 (in Russian).
- Ushakin, S. "Pole pola: v tsentre i po krayam." *Voprosy Filosofii*, no. 5. (1999): 111–116 (in Russian).
- Ushakin, S. "Servantiki zastoya: o krasote i pol'ze sovetskogo veshhizma." In *Yeto bylo navsegda*, 75–89. Moscow: State Tretyakov Gallery Publ., 2020 (in Russian).
- Utehin, I.V. "O smysle vklyuchennogo nablyudeniya povsednevnosti." In *Istoriya Povsednevnosti. Sbornik nauchnykh rabot*, 7–14. St. Petersburg: Yevropeyskiy Publ., 2003 (in Russian).
- Vajl', P., and Genis, A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka*. Moscow: NLO Publ., 2001 (in Russian).
- Vaynshteyn, O. "My favorite dress: the dressmaker as a cultural hero in Soviet Russia." *Fashion Theory*, no. 3 (2007): 101–126 (in Russian).
- Vinichenko, I.V., Dneprovskaya, A.A., and Ryzhenko, V.A. "Izmenenie v sotsiokul'turnom oblike i povsednevnoy zhizni sovetskoy zhizni zhenshhiny-gorozhanki v period 'ottepli'." In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 46–50. Tambov: Gramota Publ., 2011 (in Russian).
- Voronina, O.A. "Zhenshhina i sotsializm: opyt feministkogo analiza." In *Feminizm: Vostok, Zapad, Rossiya*, 205–225. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Vozmitel', A.A., and Yadov, V.A. *Povsednevnyaya zhizn' v usloviyakh krizisa. Sotsial'nye struktury i social'nye sub'yekty*. Moscow: ISRAN Publ., 1992 (in Russian).

- Yakovleva, S.M. *Sposoby i sredstva kontratseptsii*. Leningrad: Medicina Publ., 1970 (in Russian).
- Yankova Z.A. *XX vek i problemy sem'i*. Moscow: Znanie Publ., 1974 (in Russian).
- Yankova, Z.A. *Struktura gorodskoy sem'i v socialisticheskom obshchestve*. Moscow: [N.s.], 1974 (in Russian).
- Yurkevich, N.G. *Sem'ya v sovremenном obshchestve*. Minsk: Belarus' Publ., 1964 (in Russian).
- Zdravomyslova, E.A., and Temkina, A.A. "State construction of gender in Soviet society." *Journal of Social Policy Research* 1, no. 3–4 (2003): 299–321 (in Russian).
- Zherebkina, I.A. "Feministskaya teoriya 90-h godov: problematizatsiya zhenskoy sub'yektivnosti." In *Vvedenie v gendernye issledovaniya*, 49–79. Kharkov, St. Petersburg: HCGI – Aletheya Publ., 2001 (in Russian).
- Zhidchenko, A.V. *Povsednevnyaya zhizn' v novom gorodskom rayone 1950–1960-kh gg.* Omsk: OGU Publ., 2013 (in Russian).
- Zhuravlyov, S.V., and Gronov, Y. *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhdy v SSSR, 1917–1991*. Moscow: IRI RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Zubkova, E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Zueva, T.N. *Rol' sovetskikh zhenshin v razvitiі nauki, kul'tury i iskusstva*. Moscow: Mysl' Publ., 1956 (in Russian).
- Zuykova, E.M., and Plaksina, N.N. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR i ego mezhdunarodnoe znachenie*. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник и руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Natalia L. Pushkareva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.

Битокова Тамара Владимировна, аспирант Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Tamara V. Bitokova, graduate student in the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн:
Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе.
М.: РОССПЭН, 2018. 669 с.**

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б, А.А. Бакаев^с

^аМосковский государственный областной университет,
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а,
vardanb@mail.ru

^бРоссийский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6,
s-r44@yandex.ru

^сМИРЭА – Российский технологический университет,
107076, Россия, Москва, ул. г. Москва, ул. Стромынка, 20,
a_bakaev52@mail.ru

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., Бакаев А.А. Рецензия на книгу: Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 669 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 321–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

BOOK REVIEW:

**Soldatenko, V.F. *V gornile revolyutsiy i voyn:
Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse
[In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920:
Historical and Historiographic Essays]*.
Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 669 p.**

Vardan E. Bagdasaryan^а, Sergey I. Resnyansky^б, Anatoly A. Bakaev^с

^аMoscow State Regional University, 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia,
vardanb@mail.ru

^бRUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia,
s-r44@yandex.ru

^сMIREA – Russian Technological University, 20, Stromynka st., Moscow, 107076, Russia,
a_bakaev52@mail.ru

For citation: Bagdasaryan, Vardan E., Resnyansky, Sergey I., and Bakaev, Anatoly A. “Book review: *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse [In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920: Historical and Historiographic Essays]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 669 p.”. *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 321–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

© Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., Бакаев А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История, как известно, используется в современном мире не только как средство научного познания прошлого (познавательная функция) и не только как институт коллективной памяти социума (социальная функция), но и в качестве политического инструмента. В широкий оборот вошло понятие «историческая политика», используемая в настоящее время даже на уровне властного дискурса отдельных государств. Между тем политика по самой своей природе предполагает борьбу, конфликты внутригосударственные и межгосударственные. Историческая политика оказывается тесно сопряжена с «войнами памяти». И если прежде «войны памяти» оказывались способом перенесения в прошлое актуального политического конфликта, то сегодня они, напротив, зачастую предшествуют ему. Вначале эскалация напряженности имеет место в проекции прошлого, а далее при переходе некоего порогового значения перерастает в конфликт политический и даже – военно-политический.

Именно такая сценарная последовательность имела место в современном генезисе конфликта на Украине и предельного обострения украинско-российских отношений. Исходно этот конфликт являлся историко-литературным и был определен расхождениями в интерпретации прошлого. Далее он вышел на уровень «войны памяти», а следующим шагом фактически гражданской войны с балансировкой на грани межгосударственного столкновения.

Но если с помощью истории можно катализировать политический конфликт, то, соответственно, можно и погасить, снять напряженность в отношениях между сторонами. Прием такого рода деэскалации является, в частности, историографический диалог, когда выстраиваются мосты, сближающие стороны конфликта, нивелируются радикальные акценты интерпретаций. Известен также прием деэскалации «войн памяти» в межгосударственных отношениях как разработка единого, включающая позиции обеих сторон конфликта, исторического нарратива. В качестве попытки выстраивания историографического моста между условно украинской и условно российской позициями в отношении к прошлому книга В.Ф. Солдатенко «В горниле революций и войн. Украина в 1917–1920 гг. историко-историографические эссе».

Фигура автора книги уже сама по себе вызывает применительно к заявленной теме большой интерес. Член-корреспондент Национальной академии наук Украины В.Ф. Солдатенко возглавлял в 2010–2014 гг. в период президентства В.Ф. Януковича Украинский институт национальной памяти, то есть фактически стоял у руля исторической политики государства во время временного потепления российско-украинских отношений. Уже после произошедшего на Украине государственного переворота и ухода с должности историк вошел в руководство коалиции «Левая оппозиция».

Обе биографические вехи сопрягаются с отраженными в книге авторскими позициями. Первая позиция состоит в отказе от распространенных в современной украинской историографии и исторической публицистике антироссийских установок, формирования из России образа врага. Автор, рассматривая различные сценарные варианты решения украинского вопроса на интервале 1917–1920 гг., высказывается в пользу модели нахождения Украины и России в составе единого федеративного демократического государства.

Вторая позиция заключается в отказе от сведения исторического нарратива к вопросам этничности. Солдатенко сформировался как историк еще в советские годы, представляя тогда историю революции и гражданской войны на Украине исходя из марксистской платформы. И в рецензируемой книге, признавая значимость этнических вопросов, он в тоже время рассматривает в качестве основного вопрос социальный.

Книга имеет, на первый взгляд, довольно странное название – «историко-историографическое эссе». В действительности же найденная автором форма применитель-

но к рассматриваемой проблематике, вероятно, является наиболее целесообразной. События на Украине 1917–1920 гг. требовалось рассмотреть не только в фактологическом ключе, но одновременно и в ракурсе историографических полемик и интерпретаций. И автор обозначает свою позицию по узловым вопросам повествования – с какой из интерпретаций он согласен или не согласен, к какой склоняется в большей степени, где находит вариант синтеза.

Безусловно, книга В.Ф. Солдатенко является классической монографией, хотя и названа эссе. Используя понятие эссе, автор, вероятно, хотел подчеркнуть, что книга есть результат личных размышлений, не претендующих на официальную позицию. Можно было в принципе вести речь и об историософии событий на Украине как смысловой репрезентации исторических событий.

Сциллой и Харибдой авторских размышлений явились историографические концепты Украинской национальной революции и Единой российской революции 1917 года (С. 5–20). Теория Украинской национальной революции неоправданно, с точки зрения Солдатенко, отрывает революционный процесс на Украине от общероссийского революционного процесса. Более того, она подменяет природу развертывавшегося конфликта, представляя его как столкновение консолидированных украинских сил против противников независимой Украины. Главным противником оказывается в этой версии сообразно с современными политическими стереотипами Россия и ее адепты на украинской территории. Между тем, как справедливо указывает автор: во-первых, политическое движение на Украине далеко не сводилось к движению национальному; во-вторых, среди украинцев отсутствовало политическое единство, и они зачастую оказывались по разные стороны баррикад; в-третьих, не существовало единства и среди российских политических групп по украинскому вопросу.

Принятая в последние годы в российской историографии и нашедшая даже отражение в Историко-культурном стандарте теория о Великой российской революции 1917 г. критикуется в качестве другого крайнего взгляда в интерпретации революционных событий на Украине. Следствием ее принятия стало представление об определенной вторичности происходящих трансформаций на национальных окраинах, периферийности их по отношению к тому, что происходило в центре. Такой подход условно можно квалифицировать как неоимперский. Безусловно, события на национальных окраинах связывались с событиями в Центре, но не были сводимы к ним, представляли во многом по характеру решаемых задач явление исторически самостоятельное.

Выскажем свое мнение, что концепция двух революций – Февральской – буржуазной и Октябрьской – социалистической давала гораздо больше оснований для понимания трансформационных процессов в национальных регионах бывшей империи, не сводя их к единой российской парадигме¹. Февральская буржуазная революция подтолкнула национальные революции, которые в своем развитии приобретали зачастую характер самостоятельного феномена. Именно такого модернизированного в соответствии с украинским контекстом взгляда на генезис революции придерживается В.Ф. Солдатенко. Начавшись в Петрограде, революция переносится далее на Украину (С. 21–84). «Являясь к началу означенного хронологического периода частью Российской империи, – рассуждает автор книги, – Украина, ее народ, с объективной закономерностью оказались вовлеченными в процессы, алгоритм которых во многом, отчасти – даже преимущественно, во всяком случае – даже в первую очередь – задавался из столицы страны – Петрограда» (С. 653). И такая авторская оценка торпедирует, надо сказать, распространенный на Украине миф о длительном генезисе

¹ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Столетие Российской революции 1917 года в фокусе антироссийской исторической пропаганды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 303–322.

национально-освободительной борьбы украинского народа против российского имперского господства. Вопреки этой мифологической установке получалось, что революция не столько вызрела изнутри, как оппозиция имперскому центру, сколько была самим этим имперским центром транслирована в регион.

В качестве исторического аналога этой ситуации можно было бы рассмотреть более близкую к современности ситуацию распада СССР. Безусловно, в Украинской ССР на определенном этапе на авансцену вышли местные, часто радикальные силы, выступающие за суверенность республики. Но без иницилирующей роли запущенного из центра перестроенного процесса вряд ли бы все это национальное движение оказалось возможным, во всяком случае в том масштабе, как это имело место быть.

Но, как указывает Солдатенко, революционное влияние шло не только по линии Россия – Украина, но и в обратном направлении. Революционные силы Украины были одними из самых мощных на всем пространстве бывшей Российской империи. Для данного региона, по оценке автора книги, была характерна более масштабная социализация и классовая поляризация, чем в других частях страны. Соответственно, украинская революционность в определенной мере задавала динамику всей российской революционности. «В данном контексте, – резюмирует автор, – можно уверенно говорить о достаточно масштабном влиянии украинского фактора на общероссийскую ситуацию» (С. 654).

Произошедшая далее Октябрьская революция нашла отражение и в революционных процессах внутри Украины, проявившись в решении насущных социальных проблем, установлении советской системы организации власти. Солдатенко показывает, насколько широко поддерживались внутри Украины советские силы, что не позволяет трактовать украинскую советизацию как навязываемое извне явление. В модернизированной виде схему, предложенную Солдатенко, можно представить триадой – Февральская революция – национальные революции – Октябрьская революция. Такая схема отличается от одномерных подходов концепций одной революции и развивает в важных аспектах теорию «двух революций». Украинская революция, по оценке Солдатенко, являлась не просто одним из эпизодов происходящих революционных трансформаций, а важнейшей составляющей в историческом переходе от февраля к Октябрю (С. 84–101).

Другим критикуемым автором подходом в современной украинской историографии является отрицание применимости к Украине понятия Гражданская война. На Украине имели место социальные и политические конфликты, подобные тем, которые проявились в Гражданской войне в России. Кроме того, украинские силы включались в борьбу на разных сторонах общероссийского масштаба между белыми и красными. Фронты Гражданской войны проходили через территорию Украины. Все это не позволяет, по мнению автора, вывести Украину за рамки Гражданской войны (С. 143–219). Очевидно, что такое выведение связывается с попыткой представления Украины отдельной от России страной, что исторически не получало подтверждения.

Автором развенчиваются некоторые из героев украинской национальной революции, как, например, гетман П.П. Скоропадский или С.В. Петлюра. Можно предположить, что они исходно действительно руководствовались идеей построения украинского национального государства. Но, не имея широкой демократической поддержки, они пошли в противостоянии большевикам на привлечение внешних сил в ущерб национальным интересам Украины: Скоропадский – Германии и Австрии, Петлюра – Польши (С. 260–292, 488–534).

Критикуется и деятельность Центральной Рады, провал которой объясняется запаздыванием решений по ключевым социальным вопросам. В то же время Солдатенко не склонен преувеличивать устремленность Центральной Рады к созданию суверенного украинского государства, полагая, что его цели ограничивались широ-

кой автономией. По его мнению, при опоре на массы еще летом 1917 г. Центральная Рада могла получить в переговорах с Временным правительством гораздо больше реальных полномочий, чем только декларативное провозглашение автономности Украины (С. 653–655).

Реализация задач украинского национального развития в рамках единого с Россией государства представляется автору вполне возможным и целесообразным при условии демократизации системы государственности. Национальное развитие оказывается в этой версии проявлением общей тенденции демократизации жизни. Временное правительство, несмотря на современное его позиционирование в качестве демократической институции, проводило, по оценке Солдатенко, великодержавную, шовинистическую политику (С. 655). Демократических перспектив для развития национального движения для Украины не было тем более при сценарии победы белых, придерживающихся лозунга сохранения единой и неделимой России. Она возникала при варианте ленинского плана федеративного государства. Предложенные Солдатенко оценки роли большевиков для Украины вступают в явное противоречие с современной антиленинской компанией, выражавшейся в переименовании улиц и сносе памятников.

Критически относится автор и к приобретающему сегодня популярность концепту «консервативной революции», связываемому в украинском контексте с гетманством П.П. Скоропадского. Суть того, что называют сегодня «консервативной революцией», раскрывается Солдатенко как «контрреволюция». Посредством фразы о «консервативной революции» лакируется, по его оценке, фактически контрреволюционная деятельность проигравших политическую борьбу сил (С. 250–252).

Октябрьская революция в противовес распространенным в современной историографии и российской, и украинской представлениям об исходной большевистской тоталитарности в представлениях автора книги была, во всяком случае в национальном вопросе, в сравнении с периодом власти Временного правительства дальнейшим шагом по пути демократизации, переходом на новую социалистическую стадию, олицетворяемую советской властью. Напротив, кадеты маркируются Солдатенко как сила контрреволюции. По его оценке, Партия народной свободы была исторически обречена на поражение и в 1917 г. в России и в 1918 г. на Украине. В использовании автором определения кадетов как партии «вчерашнего дня» отражается в целом его видение исторической развертки революции (С. 659).

В книге представлены многочисленные факты, показывающие популярность большевиков и советской власти в самом украинском обществе. Из этой фактической канвы следовал вывод, что большевизм не был для Украины проявлением российской экспансии, а внутренне принятой политической платформой. Более того, сама Гражданская война на Украине, как замечал Солдатенко, началась с репрессий против большевистско-советских сил. Не большевики развязали Гражданскую войну, а она была развязана против них на волне роста популярности левых идей. В этих условиях, как рассуждает Солдатенко, «было бы противоестественно... ждать от российской стороны, олицетворяемой СНК, дистанцирования от своих классовых собратьев в Украине, их борьбы с теми, кто явно оказывался по другую сторону баррикад» (С. 657). Предлагаемая сегодня версия советско-большевистской экспансии на Украину, таким образом, оказывается при обращении к исторической хронологии несостоятельной.

Между тем помимо большевиков на Украине в связке с ними действовали и другие левые силы, как, например, украинские левые эсеры – «боротьбисты» (С. 267, 282, 285, 461–462). Солдатенко подробно описывает эту часть политического спектра, и из этого описания складывается убедительная картина действительного преобладания в революции на Украине социальной темы над темой национальной.

Скептически относится Солдатенко к проекту объединения Украинской Народной Республики (УНР) и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) в соборное государство. Объединяемые государства находились, по его оценке, на разных стадиях революционного процесса: УНР – социалистической, ЗУНР – буржуазно-национальной, и их объединение в рамках единой платформы было проблематичным. Кроме того, включение ЗУНР в единое украинское государство привело к расширению масштаба войны с Польшей, приведя к порогу ликвидации национальной государственности (С. 660–661). В применении к современной политической ситуации приходится констатировать, что раскол идентичностей различных частей Украины остается фактически главной проблемой украинской государственности².

Из рассмотрения автора, впрочем, выпала, или не была достаточно акцентирована распространенная в российской историографии и исторической публицистике, пользующаяся большой популярностью в российском обществе позиция о единой русской идентичности. Сообразно с ней украинский вопрос является не реальным вопросом национального строительства, а литературным вымыслом, политической технологией, инициированной в значительной степени извне для подрыва единства русских. Наиболее системно и резонансно такая позиция была заявлена в свое время в книге российского историка-эмигранта «второй волны» эмиграции Н.И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»³. При таком взгляде все федералистские проекты российско-украинских отношений оказывались лишены смысла и могли бы трактоваться со знаком минус.

Психологически понять популярную среди россиян позицию по украинскому вопросу – «мы единый народ», воспринимаемую в качестве позитивной повестки и проявления комплиментарности. Но, не уходя в проблематику этногенеза, необходимо заметить в этом случае, что для общности, считающей себя самостоятельным народом (вне зависимости от того, право оно или нет в этом самопозиционировании), нет, вероятно, большего раздражителя, чем позиция отрицания самостоятельности его существования. Может быть, автор книги сознательно купировал анализ данной позиции, как принципиально затрудняющей современный российско-украинский диалог.

Вместе с тем использование современных этнических идентификаторов применительно к прошлому с отличающейся системой идентичностей может привести к историческим деформациям. Остается исследовательской проблемой для исторической социологии определение степени распространенности в регионе идентификатора «украинец» в начале XX в., в периоды революции и Гражданской войны на Украине. Кризис характерной для традиционного общества религиозной идентичности (для Российской империи – православные) разрешался через смену идентификаторов, которые могли быть либо национальными, либо классовыми. Большевики в своей политике нацистроительства использовали национальные идентификаторы, такие, как «украинцы», но отдавали приоритет классовым – пролетариат, исходя из марксистского представления о временности национально-территориальных образований и отмене наций в перспективах движения к коммунизму. И автор книги блестяще показал переплетение национального и классового вопросов в реалиях революции и Гражданской войны на Украине, преобладании социальной темы над темой этнической. Вывод В.Ф. Солдатенко в этом отношении вполне определенный: «Деление не по национальному, а по классовому принципу стало наиболее важной реальностью развития революционных процессов в России в целом, с неотвратимостью обуславливая Гражданскую войну. И в этом ракурсе нет оснований счи-

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 255–258.

³ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.

тать, что Украина “выпадала” из общего контекста, могла оказаться отграниченной, огороженной от поглощающих тенденций, то есть от вовлечения в Гражданскую войну, какой бы монолитной не представлялась этническая консолидация украинцев» (С. 658).

Книга украинского историка и общественного деятеля В.Ф. Солдатенко может рассматриваться в качестве культурного моста, связующего дистанцировавшиеся друг от друга Россию и Украины. Начавшийся с различий в интерпретации истории конфликт может быть преодолен также через историю, но не в конфронтационном, а в конвенциональном ее представлении. Книга важна еще и как исторический опыт выхода из кризисной ситуации, преодоления конфронтации гражданской войны и этнических конфликтов, анализа уроков прошлого в применении к дню настоящему.

Нельзя не отметить и личное мужество автора книги «В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе». Для историка Украины заявляемая позиция, имея в виду сложный внутривосточный контекст ситуации в стране, фактического воспроизводства описываемой в книге атмосферы Гражданской войны является определенным научным вызовом для радикальных политиков. Выражаем надежду, что исследования Валерия Федоровича Солдатенко по актуальной исторической проблеме будут продолжены, и новые книги увидят в ближайшее время свет и на Украине, и в России.

Поступила в редакцию / Received: 10.02.2021

References

- Bagdasaryan, V.E., and Resnyanskiy, S.I. “Centenary of 1917 Russian revolution in the focus of Anti-Russian historical propaganda.” *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 2 (2017): 303–322 (in Russian).
- Khantington, S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow: AST Publ., 2003 (in Russian).
- Ul'yanov, N.I. *Proiskhozhdeniye ukrainskogo separatizma*. New York: [N.s.], 1966 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

Vardan E. Bagdasaryan, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of the History of Russia in the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University.

Бакаев Анатолий Александрович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, директор Института комплексной безопасности и специального приборостроения МИРЭА – Российского технологического университета.

Anatoly A. Bakaev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Kandidat Yuridicheskoy Nauk [PhD in Law], Associate Professor, Director of the Institute for Integrated Safety and Special Instrumentation, MIREA – Russian Technological University.

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Sergey I. Resnyansky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Russian History Department, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
***Cameron S. The Hungry Steppe:
Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.*
Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.**

И. Владимирски

Академический колледж Ахва, Израиль, 7980400, Arugot, POB Shikmim, Israel,
irena@achva.ac.il

Для цитирования: Владимирски И. Рецензия на книгу: Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 328–331. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

BOOK REVIEW:
***Cameron Sarah. The Hungry Steppe:
Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.*
Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.**

Irena Vladimirska

Achva Academic College; POB Shikmim, Arugot, 7980400, Israel,
irena@achva.ac.il

For citation: Vladimirska, Irena. “Book Review: Sarah Cameron. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 328–331. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

Книга американского профессора Сары Камерон (the University of Maryland-College Park) посвящена анализу коллективизации и ее последствий в Казахстане. Последствия форсированной коллективизации в Казахстане носили не менее трагический характер, чем последствия коллективизации в Украине (где количество умерших в голодную зиму 1932/33 гг., по предварительным расчетам, составило около полутора миллионов человек). Форсированная коллективизация выразилась не только в огромных потерях человеческих жизней, но и разрушении традиционного уклада кочевой экономики и резком сокращении поголовья скота. Помимо традиционного подхода, основанного на анализе многочисленных архивных источников центральных и областных российских и казахстанских архивов, сборников документов и материалов партийных съездов, конференций и пленумов, исследований казахстанских, российских и западных историков, Сара Камерон использует записи воспоминаний очевидцев и участников тех исторических событий. С одной

стороны, такой комбинированный подход к историческому исследованию оживляет канву сухого повествования и анализа, привнося в него элемент личного характера, вовлекая читателя в процесс сопереживания и соучастия. С другой стороны, использование воспоминаний очевидцев, бывших маленькими детьми в 1932/33 гг., требует дополнительного анализа и верификации. Понятно, что утверждения такого рода, как: «Я был маленьким ребенком, но не смогу этого забыть... Я содрогаюсь всем телом, когда эти воспоминания захлестывают меня», не могут быть приняты в качестве исторического факта, но способствуют формированию соответствующего мнения у читателя в процессе чтения книги (С. 1–3).

Первая глава «The Steppe and the Sown: Peasants, Nomads, and the Transformation of the Kazakh Steppe, 1896–1921» [Степь и посевы: Крестьяне, кочевники и преобразование Казахской степи, 1896–1921] не случайно начинается с 1896 г. – года начала деятельности Переселенческого управления на территории Туркестанского генерал-губернаторства и Степного края. С 1896 по 1916 гг. на территорию сегодняшнего Казахстана переселилось более 1 500 000 переселенцев, преобразовав кочевое казахское общество в мультиэтническое и мультиконфессиональное. В некоторых уездах и губерниях процент переселенцев из России превысил число коренного казахского населения. Помимо планового переселения происходило и переселение так называемых крестьян-«самовольцев», заселявших «свободные» территории без разрешения чиновников, которые зачастую просто закрывали глаза на самовольный захват земель переселенцами-славянами (С. 19–21). Значительную часть главы занимает объяснение особенностей функционирования кочевой экономики и процесс ее формирования на территории современного Казахстана, начиная с XVII в. (С. 24–41).

Вторая глава «Can You Get to Socialism by Camel: the Fate of Pastoral Nomadism in Soviet Kazakhstan, 1921–28» [Можно ли въехать в социализм на верблюде: Судьба кочевой экономики в Советском Казахстане, 1921–28] начинается с рассмотрения процесса национально-территориального размежевания Средней Азии и Казахстана и образования Казахской АССР в годы советской власти. Год размежевания – 1924 – становится и новой точкой отсчета в отношениях национальной окраины и метрополии. Советское правительство начинает политику коренизации партийного и советского аппарата в Казахстане и Туркестане и исправления несправедливости, допущенной царским Переселенческим управлением в отношении коренного казахского населения (С. 49–51). В качестве Первого секретаря ЦК Казахской ССР назначается Ф.И. Голощекин, зарекомендовавший себя в качестве хорошего организатора и исполнителя (С. 52–55). Именно Голощекин инициировал программу по изменению кочевого характера казахской экономики. В 1926 г. специалистами Казнаркомзема на страницах журнала «Народное хозяйство Казахстана» была организована дискуссия о будущем кочевого хозяйства, результатом которой стало решение о необходимости проведения политики оседлости казахских кочевых и полукочевых хозяйств (С. 60–69).

В третьей главе «Kazakhstan's “Little October”: The Campaign against Kazakh Elites, 1928» [«Малый Октябрь» в Казахстане: Начало кампании против традиционных казахских элит, 1928] анализируется политика ликвидации хозяйств крупных баев-полуфеодалов и отношение к этому коммунистов-выдвиженцев из казахов. Сам термин «бай-полуфеодал» был советским изобретением и неким аналогом «кулака-мироода» в российской деревне, вот только клановая аульная иерархия отводила баю определенную роль в поддержании складывавшегося в течение столетий понятия родовой помощи и защиты (С. 73–76). Мнения местных казахских коммунистов о будущем казахского аула диаметрально разделились: Смагул Садвакасов настаивал на необходимости учитывать местную специфику, не торопиться с

реформами и в некотором роде сотрудничать с местной элитой (Алихан Букейханов и партия «Алаш»); Ураз Жандосов, прекрасный двуязычный оратор, наоборот, настаивал на полном освобождении казахской бедноты от байского гнета (С. 78–83). Кампания по ликвидации крупных байских хозяйств развернулась в полную силу после поездки И.В. Сталина по Сибири в 1928 г. и зачастую приобретала форму как пассивного, так и активного сопротивления (Семипалатинское дело). Не успев завершиться, конфискация байских хозяйств плавно перетекла в форсированную коллективизацию (С. 89–97).

Четвертая глава «Nomads Under Siege: Kazakhstan and the Launch of Forced Collectivization» [Кочевники на осадном положении: Казахстан и начало форсированной коллективизации] охватывает период с 1927 по 1932 г., время свертывания НЭПа и развертывания сплошной коллективизации. Политика осуществления коллективизации в Казахстане была определена как переход к оседлости на базе сплошной коллективизации (С. 97–100). Конфискация и выселение баев и кулаков, образование Товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) при полном отсутствии опыта и необходимых ресурсов и желание как можно быстрее отрапортовать перед центром обернулись трагическими последствиями: повсеместное обнищание казахского населения, резкое сокращение поголовья скота, создание фиктивных колхозов и артелей, массовые откочевки казахского населения на территории соседних Китая, Туркмении, Афганистана и начало голода среди местного населения (С. 101–111). Особенно пострадали от голода жители Адаевского округа, географические и климатические условия которого были мало приспособлены для занятий земледелием (С. 111–116). Необходимость выполнения плана по мясо- и хлебозаготовкам подхлестывала местных партийных и советских деятелей к использованию репрессивных мер воздействия на местное казахское население. В дополнение к репрессивным мерам против казахского населения в Казахстане начала разворачиваться система трудовых лагерей и начали прибывать первые спецпоселенцы Карлага (Карагандинский рабочий лагерь) (С. 117–121).

Пятая глава «Violence, Flight, and Hunger: The Sino-Kazakh border and the Kazakh Famine» [Насилие, бегство и голод: Китайско-казахская граница и голод в Казахстане] посвящена анализу воспоминаний и документов о массовых откочевках казахского населения в Китай в период с 1928–1932 гг. По очень неполным сведениям, китайско-казахскую границу перешли более 200,000 человек (С. 122–124, 130–134). Органы ОГПУ пытались бороться с массовыми откочевками, но без особого успеха. Также невозможно было предотвратить проявление массового недовольства казахского кочевого населения и организованных вооруженных нападений на представителей власти (восстание на полуострове Мангышлак) (С. 124–128). Помимо проблем внутреннего характера в массовых откочевках на территорию Китая советские руководители видели происки западных империалистов, стремящихся воспользоваться слабостью Китая и разрушить советскую власть на национальных окраинах (С. 138–142).

В шестой и заключительной главе «Kazakhstan and the Politics of Hunger, 1931–34» [Казахстан и политика голода, 1931–34] анализируются последствия сплошной коллективизации с привлечением документов личного происхождения, в том числе воспоминаний («Страдание не покидало наших мыслей и глаза наши были полны слез»). С первых моментов использования чрезвычайных мер при проведении коллективизации можно было предвидеть ее последствия в виде массовых откочевок и голода среди местного населения. С конца ноября 1931 г. советские власти Оренбургской области, районов Урала и Средней Волги докладывали о казахах-откочевниках, массами прибывающих в пределы их административных районов в поисках еды (С. 143–154). Уровень смертности был необычайно вы-

сок, потерявшие всякую надежду на помощь родители оставляли детей под дверями партийных райкомов и обкомов в надежде, что их передадут в детские дома и дадут возможность выжить (С. 154–158). Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1932 г. было решено дать временное послабление и освободить на два года кочевые хозяйства Казахстана от зерно- и мясозаготовок. Были произведены и персональные изменения – Ф.И. Голощекин был обвинен в стратегических ошибках и недальновидности с освобождением от должности, на его место был назначен Л.И. Мирзоян, начавший постепенно ликвидировать последствия коллективизации. Самой большой своей заслугой он считал создание специальной Комиссии по продовольственной помощи возвращающимся откочевникам (С. 159–165). В результате трагических событий советской истории первой половины 1930-х гг., по переписи населения 1939 г., население Казахстана уменьшилось более чем на 900 000 по сравнению с переписью 1926 г. Те же последствия наблюдались и в хозяйствах казахстанцев, где, в частности, более чем на 90 % (по сравнению с 1913 г.) произошло сокращение поголовья верблюдов, и только поголовье свиней сохранялось на дореволюционном уровне (С. 169–179).

Несмотря на некоторые шероховатости и преувеличенную эмоциональную составляющую рецензируемая монография заслуживает внимания, представляя более взвешенный взгляд на эту горькую страницу истории Казахстана.

Поступила в редакцию / Received: 06.03.2020

Информация об авторе / Information about the author

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва (Израиль).

Vladimirsky Irena, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Head of the History of the Ideas Department, Achva Academic College (Israel).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 40 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами «Чикагского стиля цитирования» («Chicago Manual of Style») в 17-й редакции в варианте «Note and Bibliography System». При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press, если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>